

avan”
“ I know it
ld cost at le
dn’t get aw
a holiday th
for the day
e a splendi
d Bob; “ b
edly. “

БЕЗЖАЛОСТНЫЙ Конфулик

ТГК Книжный шкаф
<https://t.me/lilybookcase>

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ USA TODAY
Л. ДЖ. ШЭН

В юности Арья Рот подружилась с сыном своей экономки. Вскоре дружба превратилась в юношескую любовь, и когда Арья осмелилась его поцеловать, цепная реакция катастрофических событий привела к тому, что мальчик был изгнан из жизни Арьи. Теперь, два десятилетия спустя, Арья — набирающий обороты публицист, а ее любимый отец — один из ее самых крупных клиентов. И когда на ее отца подает в суд бывший сотрудник, Арья собирается доказать, что ее отец — не монстр, в котором его обвиняют. Единственная проблема — адвокат, который намерен уничтожить доброе имя ее отца. Кристиан Миллер обаятелен, амбициозен и дьявольски хорош собой, а Арья даже не подозревает, что он тот самый мальчик, который поцеловал ее много лет назад. Прошлое и настоящее сталкиваются, когда Арья влюбляется в Кристиана. Но когда она узнает, кто он на самом деле и что он одержим идеей отомстить ее отцу, сможет ли она предпочесть любовь семье?

ПРОЛОГ

Кристиан

Ничего. Не. Трогать.

Это было единственное правило, которое когда-либо применяла моя мать, но я знал, что лучше не нарушать его в детстве, если только я не был в настроении для того, чтобы в течение месяца повозиться с ремнем и помучиться с долгоносиками.

Именно летние каникулы после того, как мне исполнилось четырнадцать, зажгли спичку, которая позже сожгла все дотла. Оранжевая искра подхватывала и распространялась, пожирая мою жизнь, оставляя за собой фосфаты и пепел.

Мама потащила меня к себе на работу. Она привела несколько веских аргументов, почему я не могу сидеть дома и бездельничать — главный из них заключался в том, что она не хотела, чтобы я стал таким же, как другие дети моего возраста: курил травку, ломал замки и доставлял подозрительного вида посылки местным наркодилерам.

Хантс-Пойнт был местом, где умирали мечты, и хотя мою мать нельзя было обвинить в том, что она когда-либо была мечтательницей, она считала меня обузой. Брать меня на поруки не входило в ее планы.

К тому же, оставаться дома и напоминать о своей реальности мне тоже не хотелось.

Я должен был сопровождать ее каждый день в ее поездке на Парк-авеню при одном условии — я не должен был прикасаться грязными руками ни к чему в пентхаусе семьи Рот. Ни к дорогой мебели Henredon, ни к эркерам, ни к растениям, привезенным из Голландии, и уж точно — совершенно точно — ни к девушке.

«Это особенный. Чтобы не запятнать. Мистер Рот любит ее больше, чем свое зрение», — напомнила мне мама, иммигрантка из Беларуси, на своем английском с сильным акцентом, когда мы ехали туда на автобусе, набитом, как синие воротнички, другими уборщиками, озеленителями и швейцарами.

Арья Рот была проклятием моего существования еще до того, как я встретил ее. Неприкасаемый прекрасный драгоценный камень, драгоценный по сравнению с моим ничтожным существованием. В годы, предшествовавшие моей встрече с ней, она была неприятной идеей. Аватарка с блестящими косичками, избалованная и плаксивая. У меня не было никакого желания встречаться с ней. На самом деле, я часто лежал в своей кроватке по ночам, размышляя о том, какие захватывающие, дорогостоящие, соответствующие возрасту приключения она готовит, и желая ей всевозможных плохих вещей. Уродские автомобильные аварии, падение со скалы, авиакатастрофы, цинга. Все подходило, и в моем воображении привилегированная Арья Рот подверглась множеству ужасов, пока я бездельничал с попкорном и смеялся.

Все, что я знал об Арье из благоговейных рассказов моей матери, мне не нравилось. В довершение ко всему, она была ровно моего возраста, что делало сравнение наших жизней неизбежным и приводящим в бешенство.

Она была принцессой в башне из слоновой кости Верхнего Ист-Сайда, живущей в

пентхаусе, растянувшимся на пять тысяч квадратных футов, такого пространства, которое я не мог даже вообразить, не говоря уже о том, чтобы представить. Я, с другой стороны, застрял в довоенной квартире-студии в Хантс-Пойнте, громкие споры между секс-работниками и их клиентами под моим окном и миссис Ван, ругающая своего мужа внизу, под саундтрек моего отрочества.

Жизнь Арьи пахла цветами, бутиками и фруктовыми свечами — слабый запах этого запаха прилипал к одежде моей матери, когда она возвращалась домой, — а вонь рыбного рынка рядом с моей квартирой была настолько стойкой, что навсегда впиталась в наши стены.

Арья была хорошенькой — моя мать все твердила о ее изумрудных глазах, — а я был жилистым и неуклюжим. Все колени и уши торчали из бессистемно нарисованной фигуры. Мама говорила, что со временем я вырасту в свои черты, но из-за недостатка питания у меня были сомнения. Очевидно, мой отец тоже был таким. В детстве он был громадным, а в зрелом возрасте — красивым. Поскольку я никогда не встречал этого ублюдка, у меня не было возможности подтвердить это утверждение. Папа ребенка Русланы Ивановой был женат на другой женщине и жил в Минске со своими тремя детьми и двумя уродливыми собаками. Билет на самолет до Нью-Йорка в один конец был его прощальным подарком моей маме, когда она сказала ему, что залетела от меня, вместе с просьбой никогда больше с ним не связываться.

Поскольку у моей матери не было семьи — ее мать-одиночка умерла много лет назад, — это казалось вполне разумным решением для всех участников. Кроме меня, конечно.

Это оставило нас одних в Большом яблоке, и мы относились к жизни так, как будто она грызла нам глотки. Или, может быть, она уже вцепилась нам в шею, перекрыв доступ воздуха. Всегда казалось, что мы от чего-то задыхаемся — от воздуха, еды, электричества или права на существование.

Что подводит меня к последнему и самому убийственному греху из всех, совершенных Арьей Рот, и главной причине, по которой я никогда не хотел с ней встречаться — у Арьи была семья.

Мать. Отец. Дяди и тети в изобилии. У нее была бабушка в Северной Каролине, которую она навещала каждую Пасху, и двоюродные братья в Колорадо, где она каждое Рождество каталась на сноуборде. В ее жизни был контекст, направление, повествование. Он был в рамке, полностью расчерчен, все отдельные части аккуратно раскрашены, в то время как мой казался голым и бессвязным.

Была мама, но мы с ней как будто случайно оказались вместе. Были соседи, с которыми мама так и не удосужилась познакомиться, секс-работницы, которые предлагали мне школьный обед, и полиция Нью-Йорка, которая дважды в неделю навевалась в мой квартал, наклеивая желтую ленту на разбитые окна. Счастье было чем-то, что принадлежало другим людям. Людям, которых мы не знали, которые жили на других улицах и вели другую жизнь.

Я всегда чувствовал себя гостем в этом мире — вуайеристом. Но если я собирался наблюдать за чужой жизнью, то с тем же успехом я мог бы наблюдать за Ротами, которые вели идеальную, живописную жизнь.

И вот, чтобы выбраться из той дыры, в которой я родился, мне оставалось только следовать инструкциям.

Ничего. Не. Трогать.

В конце концов, я не просто что-то тронул.

Я прикоснулся к самой ценной вещи в семье Ротов.

К девочке.

ГЛАВА 1

Арья

Настоящее время.

Он собирался прийти.

Я знала это, даже если он опоздает. А он никогда не опаздывал, до сегодняшнего дня.

У нас было свидание каждую первую субботу каждого месяца.

Он появлялся, вооруженный хитрой ухмылкой, двумя чашками бирьяни и последними возмутительными офисными сплетнями, которые были лучше любого реалити-шоу.

Я растянулась под галереей с видом на готический сад, шевелила пальцами ног в туфлях от Prada, а подошвами целовала средневековую колонну.

Сколько бы мне ни было лет и как бы хорошо я ни владела искусством быть безжалостной деловой женщиной, во время наших ежемесячных визитов в Клойстерс я всегда чувствовала себя пятнадцатилетней, прыщавой, впечатлительной и благодарной за крохи близости и ласки, брошенные в мою сторону.

— Подвинься, милая. Там капает.

Видите? Он пришел.

Я подтянула ноги под зад, давая папе возможность устроиться поудобнее. Он извлек из пластикового пакета два контейнера с маслом и протянул один мне.

— Ты ужасно выглядишь, — заметила я, открывая контейнер. Аромат мускатного ореха и шафрана ударил мне в нос, и у меня потекли слюнки. Отец покраснелся, глаза его потемнели, на лице отразилась гримаса.

— Ну, ты выглядишь фантастически, как обычно. — Он поцеловал меня в щеку, прислонившись к колонне передо мной, так что мы оказались лицом к лицу.

Я подцепила еду своей пластиковой вилкой. Мягкие кусочки курицы рассыпались по подушке из риса. Я зачерпнула кусочек в рот, закрыв глаза.

— Я могла бы есть это три раза в день, каждый день.

— Я могу поверить в это, учитывая, что в четвертом классе ты жила исключительно на шариках из макарон с сыром. — Он усмехнулся. — Как дела с мировым господством?

— Медленно, но верно. — Я открыла глаза. Он ковырял свою еду. Сначала он опоздал, а теперь я заметила, что он выглядит едва узнаваемым. Его выдавали не форма, не его слегка помятая одежда и не отсутствие свежей стрижки. Это было выражение его лица, которого я не видела раньше за почти тридцать два года, что знала его.

— В любом случае, как ты? — Я пососала зубья вилки.

Его телефон, спрятанный в переднем кармане брюк, зазвонил. Зеленая вспышка сияла сквозь ткань. Он проигнорировал.

— Хорошо. Занят. Нас проверяют, поэтому офис перевернут. Все бегают, как безголовые цыплята.

— Только не это. — Я потянулась к его миске, выуживая золотую картофелину, спрятавшуюся под горой риса, и сунула ее между губ. — Но это многое объясняет.

— Объясняет что? — Он выглядит настороженным.

— Я думала, ты немного не в себе.

— Это головная боль, но я уже танцевал этот танец раньше. Как бизнес?

— На самом деле, я хотела бы узнать твое мнение о клиенте. — Я уже собиралась перейти к теме, когда его телефон снова завибрировал в его кармане. Я покосилась на фонтан в центре сада, безмолвно показывая, что он может ответить на звонок.

Вместо этого папа вытащил из пакета с едой бумажную салфетку и провел ею по лбу. Бумага в форме облака прилипла к его поту. Температура была ниже тридцати пяти градусов. Какое дело этому человеку до пота?

— А как Джиллиан? — Он повысил голос на октаву. Чувство бедствия, как слабая, едва заметная трещина в стене, поползло по моей коже. — Мне показалось, ты сказала, что ее бабушке сделали операцию на бедре на прошлой неделе. Я попросил свою секретаршу прислать ей цветы.

Конечно, прислал. Папа был константой, которой я могла доверять. В то время как моя мама была родителем с опозданием на день и без доллара — всегда последней, чтобы понять, через что я прохожу, не обращая внимания на мои чувства, пропавшие без вести в поворотные моменты моей жизни, — папа помнил дни рождения, даты окончания школы и то, что я надевала на бат-мицву моих друзей. Он был рядом во время расставаний, девичьих драм и регистрации моей компании, вникая вместе со мной в мелкий шрифт. Он был матерью, отцом, братом, сестрой и товарищем. Якорем в беспокойном море жизни.

— Бабушка Джой в порядке. — Я протянула ему свои бумажные салфетки, с любопытством разглядывая его. — Уже командует мамой Джиллиан. Слушай, ты...

Его телефон зазвонил в третий раз за минуту.

— Ты должен ответить.

— Нет, нет. — Он огляделся вокруг нас, выглядя белым как полотно.

— Кто бы ни пытался позвонить тебе, он не собирается остановиться.

— Правда, Арья, я бы предпочел услышать о твоей неделе.

— Все было хорошо, насыщено, и это прошло. Теперь ответь. — Я указала на то, что, по моему мнению, было причиной его странного поведения.

С тяжелым вздохом и здоровой дозой смирения папа наконец вытащил телефон и прижал его к уху так сильно, что раковина побелела до цвета слоновой кости.

— Говорит Конрад Рот. Да. Да. — Он сделал паузу, его глаза маниакально заплясали. Миска с бирьяни выскользнула из его пальцев и рухнула над древним камнем. Я тщетно пыталась поймать ее. — Да. Я знаю. Спасибо. У меня есть представительство. Нет, я не буду комментировать.

Люди плыли вдольюка. Туристы присели, чтобы сфотографировать сад. Рой детей кружился вокруг колонн, их смех был подобен церковным колоколам. Я встала и начала убирать беспорядок, который папа устроил на земле.

Все в порядке, сказала я себе. Ни одна компания не хочет проходить аудит. Не говоря уже о хедж-фонде.

Но даже когда я кормила себя этим оправданием, я не могла полностью его проглотить. Это было не в бизнесе. Отец не терял сон и ум из-за работы.

Он повесил трубку. Наши взгляды встретились.

Еще до того, как он заговорил, я знала. Знала, что через несколько минут я буду падать, падать, падать. Что ничто не могло остановить меня. Что это было больше, чем я. Даже чем он.

— Арья, есть кое-что, что ты должна знать...

Я закрыла глаза, сделав резкий вдох перед тем, как прыгнуть в воду.

Зная, что ничто никогда не будет прежним.

ГЛАВА 2

Кристиан

Настоящее время.

Принципы. У меня их было очень мало.

На самом деле лишь горстка, и я бы не назвал их принципами как таковыми. Скорее предпочтения. Сильные пристрастия? Да, это звучит примерно так.

Например, я предпочел не заниматься имущественными и контрактными спорами в качестве судебного исполнителя. Не потому, что у меня была моральная или этическая проблема, представляющая ту или иную сторону прохода, а просто потому, что я нашел эту тему болезненно скучной и совершенно недостойной моего драгоценного времени. Гражданские правонарушения и справедливые требования были тем, где я процветал. Мне нравились грязные, эмоциональные и разрушительные. Добавьте непристойности в это, и я был в раю судебных разбирательств.

Я предпочитал напиваться до мини-комы с моими лучшими друзьями, Арсеном и Риггсом, в пивоварне на соседней улице, вместо того, чтобы улыбаться, кивать и слушать очередную отупляющую историю о том, как мой клиент играет в мяч.

Также я предпочитал — не принципиально — не потчевать вином и обедом мистера Шейди Макшейдсона, известного также как Майлз Эмерсон. Но Майлз Эмерсон собирался подписать контракт с моей юридической фирмой Cromwell & Traurig. И вот я был здесь, в пятницу вечером, с размазанной по лицу ухмылкой, заправляя кредитную карту компании в черный кожаный чековый футляр, пока я угощал мистера Эмерсона тарталетками с фуа-гра, тальолини с бритыми черными трюфелями и бутылкой вина с ценником, способным обеспечить его ребенку четыре года обучения в Лиге плюща.

— Должен сказать, я чувствую себя очень хорошо по этому поводу, ребята. — Мистер Эмерсон отрыгнул, похлопывая свой живот размером с третий триместр. Он имел сверхъестественное внешнее сходство с раздутым Джеффом Дэниелсом. Я был рад, что он чувствует себя прекрасно, потому что я чертовски был в хорошем настроении по поводу взимания с него ежемесячной платы, начиная со следующего месяца. Эмерсон владел крупной компанией по уборке помещений, которая в основном обслуживала крупные корпорации, и недавно против него было подано четыре иска, все за нарушение контракта и возмещение убытков. Ему нужна была не только юридическая помощь, но и клейкая лента, чтобы закрыть ловушку. Он потерял так много денег за последние несколько месяцев, что я предложил поставить его на гонорар. Ирония не ускользнула от меня. Этот человек, который предлагал людям услуги по уборке, нанял меня убирать за ним. Однако, в отличие от его сотрудников, я брал астрономическую почасовую ставку и не был склонен к тому, чтобы меня лишили зарплаты.

Мне не приходило в голову отказаться защищать его в его многочисленных и прискорбных делах. Очевидная параллель с бедными уборщиками, которые преследовали его, некоторые из них получали меньше минимальной заработной платы и работали с поддельными юридическими документами, прошла мимо меня.

— Мы здесь, чтобы облегчить вам жизнь. — Я встал, пожимая руку Майлза Эмерсона и

застегивая пиджак. Он кивнул Райану и Дикону, партнерам моей юридической фирмы, и вышел из ресторана, любясь задницами двух официанток.

Моя тарелка была полна этой сумкой для инструментов. К счастью, когда дело дошло до продвижения по карьерной лестнице, у меня был здоровый аппетит.

Я снова сел, откинувшись на сиденье.

— А теперь о настоящей причине, по которой мы все здесь собрались, — я посмотрел между ними, — о моем предстоящем партнерстве в фирме.

— Извини? — Дикон Кромвель, эмигрант, получивший образование в Оксфорде который основал фирму сорок лет назад и был древнее Библии, нахмурил кустистые брови.

— Кристиан считает, что он заслужил угловой офис и свою фамилию на двери, потратив на это время и усилия, — объяснил старику Райан Трауриг, глава судебного отдела и партнер, который время от времени показывался между стенами офиса.

— Тебе не кажется, что нам стоило это обсудить? — Кромвель повернулся к Трауригу.

— Мы это сейчас обсуждаем. — Трауриг добродушно улыбнулся.

— Конфиденциально, — выплюнул Кромвель.

— Конфиденциальность переоценена. — Я сделал глоток вина, жалея, что это не скотч. — Просыпайся и очнись, Дикон. Я был старшим помощником в течение трех лет. Я беру партнерские тарифы. Мои ежегодные обзоры безупречны, и я ловлю крупную рыбу. Ты слишком долго меня дразнил. Я хотел бы знать, где я стою. Честность лучшая политика.

— Это немного богато, исходить от адвоката. — Кромвель бросил на меня косой взгляд. — Кроме того, в духе открытого разговора, могу ли я напомнить тебе, что ты выпустился семь лет назад, после чего проработал два года в офисе окружного прокурора? Это не совсем то, что мы лишаем тебя возможности. В нашей фирме девятилетняя карьера партнера. С точки зрения времени, ты еще не выплатил свои взносы.

— С точки зрения графика, с тех пор, как я присоединился к тебе, ты стал зарабатывать в этой фирме на триста процентов больше, — возразил я. — К черту график. Сделай меня долевым и именованным партнером.

— Головорез до мозга костей. — Он попытался выглядеть невозмутимым, но его лоб стал липким. — Как ты спишь по ночам?

Я покрутил вино в бокале так, как учил меня десятилетие назад удостоенный наград сомелье. Я также играл в гольф, пользовался тайм-шером фирмы в Майами и терпел разговоры о политике в джентльменских клубах.

— Обычно со мной рядом длинноногая блондинка. — Это неправда, но я знал, что такая свинья, как он, оценит это.

Он усмехнулся, предсказуемый простак, каким он и был.

— Умница. Ты слишком амбициозен для своего же блага.

Кромвель воспринимал амбиции по-разному, в зависимости от того, кто ими обладал. Для младших юристов, которые набирали шестьдесят оплачиваемых часов в неделю, это было потрясающе. Для меня это была неприятность.

— Ничего подобного, сэр. Теперь я хотел бы получить ответ.

— Кристиан. — Трауриг одарил меня улыбкой, умоляющей меня заткнуться. — Дай нам пять минут. Я встречу тебя снаружи.

Мне не нравилось, когда меня выбрасывали на улицу, пока они обсуждали меня. В глубине души я все еще был Ники из Хантс-Пойнта. Но этого мальчика нужно было обуздать в приличном обществе. Благовоспитанные мужчины не кричали и не переворачивали

стола. Пришлось говорить на их языке. Мягкие слова, острые ножи.

Отодвинув стул, я надел пальто от Givenchy.

— Отлично. Это даст мне время опробовать новую сигару Davidoff.

Глаза Траурига загорелись.

— Уинстон Черчилль?

— Ограниченный выпуск. — Я подмигнул. Ублюдок ездил на моей заднице за всем, что касалось сигар и спиртного, как будто он не зарабатывал в шесть раз больше моей зарплаты.

— Боже, Боже. Есть запасная?

— Ты же знаешь.

— Увидимся через пару минут.

— Нет, если я увижу тебя первым.

На обочине я попыхивал сигарой и смотрел, как желтые сигналы светофора тщетно чередуются с красными и зелеными, как пешеходы скользят в густых потоках, как косяки рыб. Деревья на улице были обнажены, если не считать бледных гирлянд, которые еще не сняли после Рождества.

Мой телефон запищал в кармане. Я вытащил его.

Арсен: Ты идешь? Риггс уезжает завтра утром, и он заигрывает с кем-то, кому нужно сменить подгузник.

Это могло означать, что либо она была слишком молода, либо у нее были имплантаты в заднице. Скорее всего, имелось в виду и то, и другое. Я сунул сигару в уголок рта, мои пальцы скользнули по сенсорному экрану.

Я: Скажи ему, чтобы он держал член в штанах. Я уже в пути.

Арсен: Чтобы папа с папой тебя дрючили?

Я: Не все из нас родились с трастовым фондом в двести миллионов, детка.

Я сунул телефон обратно в карман.

Меня дружески похлопали по плечу. Когда я обернулся, там были Трауриг и Кромвель. Кромвель выглядел так, словно он был не очень гордым обладателем всех геморроев в Нью-Йорке, сжимал трость с болезненным выражением лица. Тонкая, хитрая усмешка Траурига мало что выдавала.

— Шейла пилит меня, чтобы я больше тренировался. Думаю, я пойду домой пешком. Джентльмены. — Кромвель коротко кивнул. — Кристиан, поздравляю с Эмерсоном. Увидимся на нашей еженедельной встрече в следующую пятницу. — А потом он ушел, исчезнув в толпе закутанных людей и белого пара, клубящегося из люков.

Я передал Трауригу сигару. Он сделал несколько затяжек, похлопывая себя по карманам, словно что-то искал. Может быть, его давно утраченное достоинство.

— Дикон думает, что ты еще не готов.

— Это чушь собачья. — Мои зубы впились в сигару. — Мой послужной список безупречен. Я работаю восемьдесят часов в неделю. Я курирую каждое крупное судебное дело, хотя технически это не моя работа, и я работаю вместе с младшим юристом по всем моим делам, как партнер. Если я уйду прямо сейчас, я заберу с собой портфель, который вы не можете позволить себе потерять, и мы оба это знаем.

Стать именным партнером и иметь свое имя на входной двери было бы кульминацией моего существования. Я знал, что это был большой скачок, но я его заслужил. Заслужил это. Другие сотрудники не работали в те же часы, не привлекали ту же клиентуру и не давали таких же результатов. К тому же, как новоиспеченный миллионер, я гнался за

очередным кайфом. Было что-то ужасно ошеломляющее в том, чтобы каждый месяц видеть, как здоровенная зарплата течет, и знать, что все, что я хочу, находится в пределах досягаемости. Партнерство было не только проблемой; это был средний палец городу, который очистился от меня, когда мне было четырнадцать.

— Ну-ну, не надо болтать. — Трауриг усмехнулся. — Послушай, малыш, Кромвель открыт для этой идеи.

Малыш. Трауриг любил притворяться, что я все еще на пороге подросткового возраста и жду, когда у меня отвалятся яйца.

— Открыт? — сказал я, фыркнув. — Он должен умолять меня остаться и предлагать мне половину своего королевства.

— И вот в чем суть. — Трауриг махнул рукой, делая вид, будто я и есть экспонат, о котором он говорил. — Кромвель считает, что ты слишком быстро освоился. Тебе всего тридцать два, Кристиан, и ты уже пару лет не был в зале суда изнутри. Ты хорошо обслуживаешь своих клиентов, твое имя идет впереди тебя, но ты больше не беспокоишься. Девяносто шесть процентов твоих дел урегулируются во внесудебном порядке, потому что никто не хочет сталкиваться с тобой. Кромвель хочет видеть тебя голодным. Он хочет увидеть твой бой. Ему не хватает того огня в твоих глазах, который заставил его вырвать тебя из-под контроля окружного прокурора, когда ты поссорился с губернатором.

Когда я работал второй год в офисе окружного прокурора, на мой стол приземлился огромный кейс. Это было в том же году Теодора Монтгомери, тогдашнего окружного прокурора Манхэттена, раскритиковали за то, что он допустил истечение срока давности по нескольким делам из-за чрезмерной рабочей нагрузки. Монтгомери бросил кейс на мой стол и сказал, чтобы я старался изо всех сил. Он не хотел еще одного оскорбления на своих руках, но у него не было персонала, который мог бы над этим поработать.

Это дело оказалось тем, о котором весь Манхэттен говорил в том году. Пока мое начальство преследовало налоговых мошенников и банковских мошенников, я преследовал наркобарона, который сбил трехлетнего мальчика и мгновенно убил его, чтобы успеть на блестящий сладкий шестнадцатилетний день рождения его дочери. Классический наезд. Наркобарон Денни Романо, о котором идет речь, был вооружен первоклассными адвокатами, а я прибыл в суд в своем костюме «Армии Спасения» с разваливающейся кожаной сумкой. Все болели за то, чтобы паренек из прокуратуры прижал большого, плохого, мачо. В конце концов, мне удалось добиться того, что Романо признали виновным в непредумышленном убийстве и приговорили к четырем годам тюрьмы. Это была маленькая победа для семьи бедного мальчика и огромная победа для меня.

Дьякон Кромвель загнал меня в угол в парикмахерской, когда я только закончил юридический факультет Гарварда. У меня был план, и он включал в себя создание собственного имени в офисе окружного прокурора, но он сказал мне найти его, если я когда-нибудь захочу посмотреть, как живет другая половина. После дела Романо мне не нужно было ничего делать — он вернулся ко мне.

— Он хочет снова видеть меня в суде? — Я практически выплевываю слова. Моя жажда выигрывать дела была здоровой, но у меня была репутация человека, который очень жестко садился за стол переговоров и уходил с большим, чем обещал своим клиентам. Когда я все-таки появился в суде, я устроил спектакль другой стороне. Никто не хотел иметь со мной дела. Не лучшие юристы, которые брали крутые две штуки в час только для того, чтобы

проиграть дело мне, и не мои бывшие коллеги из офиса окружного прокурора, у которых не было ресурсов, чтобы конкурировать.

— Он хочет увидеть, как ты потеешь. — Трауриг задумчиво покрутил между пальцами зажженную сигару. — Выиграй мне громкое дело, которое ты не сможешь связать воедино в милой сделке в полностью кондиционированном офисе. Покажись в суде, и старик поставит твое имя на дверь без лишних вопросов.

— Я делаю работу за двоих — напомнил я ему. Это было правдой. Я работал нечестивые часы.

Трауриг пожал плечами.

— Бери или уходи, детка. Мы взяли тебя туда, куда хотели.

Если я покину фирму на этом этапе, когда я был в шаге от того, чтобы стать партнером, это может отбросить мою карьеру на годы назад, и этот ублюдок знает это. Я собираюсь либо смириться с этим, либо получить партнерство в гораздо меньшей и менее престижной фирме.

Это было не так, как я хотел сегодня вечером, но это было лучше, чем ничего. Кроме того, я знал свои возможности. В зависимости от расписания суда и дела, которое я выберу, меня могут сделать партнером всего за несколько коротких недель.

— Считай, что дело сделано.

Трауриг рассмеялся.

— Мне жаль того невезучего адвоката, против которого ты будешь выступать, чтобы доказать свою точку зрения.

Я развернулся и направился к бару через дорогу, чтобы встретиться с Арсеном (произносится как аар-сн, как персонаж Люпина) и Риггсом.

У меня не было принципов.

И когда дело доходило до того, чего я хотел от жизни, у меня тоже не было никаких ограничений.

Brewtherhood был нашим любимым местом в Сохо. Бар находился в двух шагах от пентхауса Арсена, где Риггса можно было найти, когда бы он ни был в городе, а не ночевал у меня дома. Brewtherhood нам понравился своим разнообразием сортов пива, отсутствием модных коктейлей и способностью отталкивать туристов своим прямолинейным обаянием. Однако в основном пивоварня привлекала внимание аутсайдеров — маленькая, душная, спрятанная в подвале. Это напомнило нам о наших «Цветях на чердаке» в подростковом возрасте.

Я сразу заметил Арсена. Он выделялся, как темная тень на карнавале. Он сидел за барным стулом, держа в руках бутылку Асахи. Арсену нравилось, когда его пиво соответствовало его характеру — очень сухое, с иностранным оттенком — и он всегда был одет в лучшие шелка Сэвил-Роу, хотя формально у него не было офисной работы. Если подумать, формально у него не было работы, и точка. Он был предпринимателем, который любил совать свои пальцы во множество прибыльных пирогов. В настоящее время он был в постели с несколькими компаниями хедж-фондов, которые отказались от своих двадцати двух гонораров за результат только ради удовольствия работать с Арсеном Корбином. Арбитраж слияний и конверсионный арбитраж были его игровыми площадками.

Я протиснулся мимо группы пьяных женщин, танцующих и поющих «Ватноглазый Джо», ошибаясь во всех словах, и прислонился к стойке.

— Ты опоздал, — протянул Арсен, читая книгу в мягкой обложке на липкой барной

стойке и даже не удосужившись взглянуть на меня.

— Ты заноза в заднице.

— Спасибо за психологическую оценку. Но ты все равно опоздал, да и еще грубишь. — Он притащил мне пинту Peroni. Я щелкнул ею по его пивной бутылке и сделал глоток.

— Где Риггс? — крикнул я ему в ухо, перекрывая музыку. Арсен дернул подбородком влево. Мои глаза следовали за направлением. Риггс был там, одной рукой он опирался на деревянную, украшенную таксидермией стену, вероятно, засунув костяшки пальцев глубоко между бедер блондинки через ее юбку, его губы скользили по ее шее.

Ага. Арсен определенно имел в виду ее имплантаты в заднице. Она выглядела так, будто могла бы плыть на этих штуковинах до самой Ирландии.

В отличие от нас с Арсеном, которые гордились тем, что выглядят как представители клуба "1 процент", Риггсу нравилось выглядеть как миллиардер. Он был аферистом, мошенником и преступником. В нем было так мало искренности, что я удивлялся, как он не занимается юридической практикой. У него была клишированная привлекательность плохого парня с плохой стороны трассы. Распушенные льняно-золотистые волосы, глубокий загар, небритая козлиная бородка и грязь под ногтями. Его улыбка была однобокой, глаза бездонными и пустой одновременно, и он обладал раздражающей способностью говорить голосом из спальни обо всем, включая свои испражнения.

Риггс был самым богатым из нас троих. Однако внешне он выглядел так, словно плыл по жизни, не в силах ни на что повлиять, включая сотовую сеть.

— Удачная встреча? — Арсен захлопнул рядом со мной свою книгу в мягкой обложке. Я взглянул на обложку.

Призрак в атоме: Обсуждение тайн квантовой физики.

Кто-нибудь может сказать "тусовщик"?

Проблема Арсена заключалась в том, что он был гением. А гениям, как мы все знаем, очень тяжело иметь дело с идиотами. А идиоты, как известно, составляют 99 процентов цивилизованного общества.

Как и Риггс, я познакомился с Арсеном в Академии для мальчиков Эндрю Декстера. Мы сразу же нашли общий язык. Но если мы с Риггсом изобретали себя заново чтобы выжить, то Арсена, казалось, все было неизменно. Измученный, жестокий и беспристрастный.

— Все было хорошо, — солгал я.

— Я смотрю на нового партнера Кромвеля и Траурига? — Арсен скептически посмотрел на меня.

— Скоро. — Я опустил на табуретку рядом с ним, помахав Элиз, барменше. Когда она подошла к нам, я сунул ей через деревянную стойку хрустящую стодолларовую купюру.

Она изогнула бровь.

— Это чертовски хорошие чаевые, Миллер.

У Элизы был мягкий французский акцент, и все, что с ним связано.

— Ну, тебе предстоит адская задача. Я хочу, чтобы ты подошла к Риггсу и плеснула ему в лицо выпивкой, как в каждом банальном фильме восьмидесятых, который ты видела, ведя себя так, будто ты его спутница, а он только что бросил тебя ради Блонди. Там тебя ждет еще один Бенджамин, если ты сможешь вызвать серьезные слезы. Думаешь, ты сможешь это сделать?

Элиза свернула записку и сунула ее в задний карман своих узких джинсов.

— Быть барменом в Нью-Йорке — синоним актрисы. У меня за плечами три шоу вне Бродвея и две рекламы тампонов. Конечно, я могу это сделать.

Через минуту от лица Риггса пахло водкой и арбузом, а Элиза стала богаче на двести баксов. Риггса послушно окликнули за то, что он оставил свою спутницу ждать. Блондинка ушла, сердито надувшись, к своим друзьям, а Риггс направился к бару, наполовину удивленный, наполовину взбешенный.

— Придурок. — Риггс схватился за подол моего блейзера и вытер им лицо.

— Расскажи мне что-нибудь, чего я не знаю.

— Пенициллин сначала называли соком плесени. Держу пари, ты этого не знал. Я тоже не знал, пока в прошлом месяце не сел на рейс в Зимбабве рядом с очень милым бактериологом по имени Мэри. — Риггс схватил мое пиво, выпил все до дна, а затем прищелкнул языком. — Спойлер: Мэри не была девственницей между простынями.

— Ты имеешь в виду в туалете. — Арсен сделал недовольное лицо.

Риггс расхохотался.

— Нужен жемчуг, Корбин?

Это была еще одна вещь о Риггсе. Он был кочевником, пил чужие напитки, валялся на их диванах, летал экономом, как язычник. У него не было ни корней, ни дома, ни обязанностей помимо работы. В двадцать два года это было терпимо. В тридцать два года это было на грани жалости.

— Что напомнило мне: Куда ты собираешься завтра? — Я выхватил пустое пиво, прежде чем он успел начать облизывать эту чертову штуку.

— Каракорум, Пакистан.

— В Америке закончились места для посещения?

— Около семи лет назад. — Он добродушно ухмыльнулся.

Риггс был фотографом для National Geographic и нескольких других политических и природных журналов. Он получил кучу наград и посетил большинство стран мира. Что угодно, лишь бы сбежать от того, что ждало — или не ждало — его дома.

— Как долго ты будешь радовать нас своим отсутствием? — спросил Арсен.

Риггс откинул табурет, балансируя на двух ножках.

— Месяц? Может два? Я надеюсь получить другое задание и полететь прямо оттуда. Непал. Может Исландия. Кто знает?

Не ты, это уж точно, малыш размером с промышленный холодильник.

— Кристиан сегодня попросил папу и папулю о повышении, но получил отказ. — Арсен ввел Риггса в курс дела монотонным голосом. Я взял его японское пиво и выпил.

— Да? — Риггс хлопнул меня по плечу. — Может быть, это знак.

— Что я отстой в своей работе? — любезно спросил я.

— Пришло время замедлиться и понять, что в жизни есть нечто большее, чем просто работа. Ты сделал это. Тебе не грозит реальная опасность снова стать бедным. Отпусти ситуацию.

Легче сказать, чем сделать. Бедный Ники всегда будет жить внутри меня, поедая двухдневную кашу, напоминая мне, что Хантс-Пойнт находится всего в нескольких автобусных остановках и ошибках.

Я толкнул Риггса локтем в ребра. Табуретка встала на место. Он посмеялся.

— И дело не в том, что я не понял, — сказал я, ставя точку. — Они хотят, чтобы я устроил им показательное дело. Большая победа.

Арсен одарил меня жестокой ухмылкой.

— А я-то думал, что такое бывает только в фильмах с Дженнифер Лопес.

— Кромвель только что вытащил его из прямой кишки, чтобы выиграть время. Прыжок через еще один обруч ничего не изменит. Партнерство принадлежит мне.

Без меня Cromwell & Traurig была не более чем грудой кирпичей и юридических бумаг на Мэдисон-авеню. Но она все еще сияла как лучшая манхэттенская фирма "белого башмака", и уход из нее ради партнерства, даже во второй по величине фирме города, вызвал бы вопросы, а также чушь.

— Я так счастлив, что синдром «не той стороны пути» не заразен. — Риггс снова остановил Элизу, приказывая принести еще порцию. — Должно быть утомительно быть тобой. Ты полон решимости завоевать мир, даже если тебе придется сжечь его дотла.

— Никто не обожжется, если я получу то, что хочу, — сказал я.

Они оба синхронно покачали головами. Риггс посмотрел на меня с видимой жалостью.

— Это то, для чего ты предназначен, Кристиан. Позволь своим демонам разгуляться на свободе и посмотри, куда они тебя заведут. Вот почему мы друзья. — Риггс похлопал меня по спине. — Просто помни, чтобы стать королем, ты должен сначала свергнуть кого-то.

Я откинулся на спинку стула.

Головы покатаются, пускай. Но ни одна из них не будет моей.

ГЛАВА 3

Кристиан

Настоящее время.

Моя возможность доказать, что я достоин партнерства, представилась мне в следующий понедельник, завернутая в красный атласный бант, и просто ждал, пока я его разверну.

Это был божественный дар. Если бы я был верующим человеком, а для этого у меня не было абсолютно никаких оснований, я бы отказался от чего-то в Великий пост, чтобы выразить свою признательность вышестоящему начальнику. Не от чего-то критического, вроде секса или мяса, но, может быть, от подписки на винный клуб. В любом случае, я больше любил скотч.

— Здесь кое-кто хочет тебя увидеть, — объявила Клэр, младший сотрудник. Я видел ее на периферии, она постукивала в дверь моего кабинета, прижимая к груди толстую манильскую папку.

— Разве я выгляжу так, будто принимаю встречных? — спросил я, не отрывая взгляда от бумаг, которые просматривал.

— Нет, именно поэтому я отправила ее своей дорогой, но потом она рассказала мне, что заставило ее прийти сюда, и что ж, теперь я чувствую, что ты определенно должен проглотить свою гордость и выслушать ее.

Я все еще строчил на полях документа, над которым работал, не поднимая глаз.

— Заинтересуй меня, — рявкнул я.

Клэр изложила мне суть дела. Голые кости дела, как они были.

— Иск о сексуальных домогательствах против бывшего работодателя? — спросил я, бросая в мусорное ведро красный маркер, в котором закончились чернила, и зубами откупоривая новый. — Звучит стандартно.

— Не просто работодатель.

— Это президент?

— Нет.

— Судья Конституционного суда?

— Гм... нет.

— Папа Римский?

— Кристиан. — Она кокетливо шевельнула запястьем, ее хихиканье стало хриплым.

— Тогда для меня это недостаточно большое дело.

— Он сильный игрок. Известен во всех правых кругах Нью-Йорка. Несколько лет назад баллотировался в мэры. Друг каждого музея Манхэттена. Мы говорим о настоящей крупной рыбе. — Я взглянул вверх. Клэр провела каблуком шпильки по своей стройной голени, почесывая ее. Ее голос дрожал вокруг слов. Она пыталась подавить волнение. Я не мог винить ее. Ничто так не радовало меня, как знание того, что я вот-вот получу эффектное дело с сотнями оплачиваемых часов и выиграю его. Для прирожденного убийцы была только одна вещь более волнующая, чем запах крови, — запах голубой крови.

Отведя взгляд от своих записей, я уронил маркер и откинулся на спинку стула.

— Ты сказала, что он баллотировался в мэры?

Клэр кивнула.

— Как далеко он зашел?

— Далековато. Получил поддержку бывшего пресс-секретаря Белого дома, некоторых сенаторов и местных чиновников. Таинственным образом выбыл из гонки по семейным обстоятельствам за четыре месяца до выборов. У него была очень красивая, очень молодая, очень не его жена, менеджер кампании, которая теперь живет в другом штате.

Становится теплее...

— Верим ли мы оправданию семейных проблем? — Я погладил подбородок.

— Верим ли мы, что Санта скатывается по дымоходам и при этом умудряется веселиться всю ночь? — Клэр наклонила голову, надувшись.

Снова взяв свой маркер, я постучал им по столу, обдумывая это. Мои инстинкты подсказывали мне, что это именно тот, кем я его считал, и мои инстинкты никогда не ошибались. Что технически означало, что я не должен касаться этого дела десятифутовым шестом. Я был знаком с ключевыми игроками и затаил обиду на подсудимого.

Но "должен" и "мог" — это два разных существа, и они не всегда хорошо ладят.

Клэр начала перечислять все причины, по которым я должен принять это вторжение, как будто я был каким-то трижды преследующим скорую помощь, пока я не поднял руку, чтобы остановить ее.

— Расскажи мне об истце.

Забавно, каким замечательным был мой контроль импульсов во всех остальных сферах жизни — женщины, диета, физические упражнения, эго — пока дело не дошло до одной семьи. Риггс был неправ. Не о части демонов. У меня их было много. Но я точно знал, куда они меня приведут — к порогу этого человека.

Румянец Клэр стал еще гуще, когда она наслаждалась моим взглядом. Я сделал мысленную пометку трахнуть ее сегодня до беспамятства за этот знойный вид.

— Надежная, заслуживающая доверия и готовая к сотрудничеству. У меня сложилось впечатление, что она занимается адвокатской деятельностью. Это будет большое дело.

— Дай мне пять минут.

Клэр направилась к двери, но остановилась.

— Эй, сегодня вечером в Сохо открывается новый бирманский ресторан...

Она оставила предложение в подвешенном состоянии. Я покачал головой.

— Запомни, Клэр. Никаких посторонних отношений. — Это было наше соглашение.

Она взъерошила волосы.

— Что я могу сказать? Я пыталась.

Десять минут спустя я уже сидел перед Амандой Гиспен, дипломированным бухгалтером.

Клэр была права. Мисс Гиспен была идеальной жертвой. Если бы это дело дошло до суда, присяжные, скорее всего, взяли бы ее с собой. Она была образована, но не выглядела снисходительной, среднего возраста, тихой, привлекательной, но не сексуальной, одетой с ног до головы в Сент-Джонс. Ее тщательно высветленные волосы были заколоты назад, карие глаза умны, но не пронизательны.

Когда я вошел в конференц-зал, где Клэр заставила ее ждать, она встала со своего места, словно я был судьей, и почтительно поклонилась мне.

— Мистер Миллер, спасибо, что нашли время. Извините, что появилась без предупреждения.

Ей не было жаль. Она могла попытаться записаться на прием. Тот факт, что она этого не сделала, что она искренне верила, что я ее увижу, вызывал во мне любопытство.

Я сидел напротив нее, растянувшись на вращающемся стуле Wegner, моей последней рождественской роскоши. Непристойная роскошь была постоянной частью моей жизни. У меня не было семьи, для которой я мог бы делать покупки. Вращающееся кресло должно было стоять в моем кабинете, но Клэр, которой очень нравилось давать вольности и переступать невидимые алые линии, иногда привозила его в конференц-залы и использовала как знак нашей дружбы и близости. Все остальные знали, что им такое никогда не сойдет с рук.

— Почему я, мисс Гиспен? — Я сразу перешел к делу.

— Пожалуйста, зовите меня Аманда. Говорят, вы лучший в своем деле.

— Определите их.

— Все адвокаты по трудоустройству, которых я посетила за последние пару недель.

— Слово мудрости, Аманда — не верьте адвокатам, включая меня. Кого вы в итоге наняли?

Имея дело с судебным процессом о сексуальных домогательствах, я всегда советовал своим клиентам обратиться к адвокату по трудоустройству, прежде чем что-то делать. Мне было важно, с кем я буду работать вместе. Адвокатов в Нью-Йорке было пруд пруди, и большинство из них были так же надежны, как линия метро E, когда шел снег.

— Тиффани Д'Оралио. — Она разгладила невидимые складки на платье.

Неплохо. Но и не дешево. Аманда Гиспен явно имела дело.

— Я знаю, что человек, который обидел меня, будет вооружен конвоем лучших юристов в городе, а вы известны как самый безжалостный судебный пристав в своей области. Вы были моим первым звонком.

— Технически, я был вашим первым заглянувшим. Теперь, когда мы официально встретились, я полагаю, вы думаете, что я не смогу представлять вашего бывшего босса.

Она нерешительно улыбнулась.

— Если вы знали это, почему вы согласились встретиться со мной?

Потому что я лучше вытерплю долгую и мучительную смерть, которую будут избивать миллионы пластиковых ложек, чем буду изображать кусок пылающего дерьма, за которым

ты гонишься.

Пробежав взглядом по плоскостям ее лица, я решил, что уважаю Аманду Гиспен. Напористость была моим языком любви, а напористость — мое любимое слово. Плюс, если моя догадка была верна, у нас действительно был общий враг, которого нужно было победить, что сделало нас и союзниками, и верными друзьями.

— Я так понимаю, ваш бывший босс знает, что вы требуете судебного иска. — Я взял мячик от стресса, который хранил в конференц-зале, и покрутил его в кулаке.

— Правильно.

Стыд. Элемент неожиданности был половиной удовольствия.

— Поподробнее.

— Инцидент, который привел меня сюда, произошел две недели назад, но до него были явные признаки.

— Что случилось?

— Я плеснула ему в лицо своим напитком после того, как он пригласил меня сыграть в покер на раздевание в его частном самолете, когда мы возвращались со встречи в Фэрбенксе. Он схватил меня за руки и поцеловал против моей воли. Я споткнулась и ударилась спиной. Когда я увидела, что он снова приближается ко мне, я подняла руку, чтобы дать ему пощечину, но тут ворвалась стюардесса с закусками. Она очень громко спросила, нужно ли нам что-нибудь. Я думаю, она знала. Как только мы приземлились, он уволил меня. Сказал, что я не командный игрок. Обвинил меня в том, что я подавала ему смешанные сигналы. Это после двадцати пятилет занятости. Я сказала ему, что подам на него в суд. Боюсь, это было бы мертвой уликой.

— Мне жаль, что вам пришлось пройти через это. — Я искренне сожалею. — А теперь расскажите мне о смешанных сигналах, о которых вы говорили.

Она судорожно вздохнула.

— Я слышала от кого-то, что он прислал ей свою фотографию... своей...своей... шпуки. — Она вздрогнула. — И я не думаю, что она была единственной. Поймите, в этой компании, в которой я работала, была целая атмосфера. Мужчинам все сходило с рук, а женщинам приходилось сидеть и терпеть.

Моя челюсть сжалась. Ее нападавший, вероятно, уже был адвокатом по уши. На самом деле, я не удивлюсь, если он работает над ходатайством о прекращении дела по техническим или процессуальным основаниям. Однако, по моему опыту, принцы хедж-фондов любили заключать внесудебные соглашения. Их жертвы тоже не слишком любили оплакивать свои самые щекотливые и постыдные моменты в комнате, полной незнакомых людей, только для того, чтобы потом их разорвали на части адвокаты. Проблема была в том, что я не хотел заключать внесудебное соглашение. Если он был тем, кем я его считал, я хотел отправить его на мясорубку и сделать из него фрикадельки на всеобщее обозрение.

И я хотел сделать его своим средством для достижения цели. Моя ценная победа, когда я наконец получу партнерство.

— Вы все обдумали? — Я прокатал мячик от стресса по ладони.

Она кивнула.

— Я видела, как ему многое сходило с рук. Он обидел так много женщин на своем пути. Женщины, которые, в отличие от меня, не имели права жаловаться. Они прошли через вещи гораздо более суровые, чем то, с чем мне пришлось иметь дело. Я готова положить этому конец.

— Что вы хотите получить от этого? Деньги или справедливость? — Спросил я. Обычно я склонял своего клиента к первому варианту. Не только потому, что справедливость была неуловимой, субъективной целью, но и потому, что, в отличие от денег, она не была гарантирована.

Она поерзала на своем месте.

— Может быть, и то, и другое?

— Оба не всегда взаимоисключающие. Если вы согласитесь, он уйдет невредимым и продолжит издеваться над женщинами

Пусть запись покажет, что это говорил не только бескровный монстр, сидящий у меня в животе, или четырнадцатилетний Ники, но и человек, который встретил достаточно жертв сексуальных домогательств, чтобы знать образец хищника, когда он узнал один.

— А если я пойду в суд? — Она быстро заморгала, пытаясь впитать все это.

— Вы можете получить свою зарплату, но тогда...на этом все. Но даже если мы проиграем, что — никаких обещаний — я не думаю, что мы проиграем, он, надеюсь, станет более осторожным и, возможно, ему будет труднее избежать наказания за такое поведение.

— А если я решу согласиться? — Ее зубы вонзились в нижнюю губу.

— Тогда я не могу с чистой совестью братья за это дело.

Это говорил Ники. Я не мог представить себя сидящим с этим человеком в комнате с кондиционером, перебирая числа и бессмысленные пункты, зная, что ему сойдет с рук еще одно злодеяние против человечества. Я наклонился вперед.

— Итак, позвольте мне еще раз спросить вас, мисс Гиспен, — деньги или справедливость?

Она закрыла глаза. Когда она открыла их снова, в них был гром.

— Справедливость.

Мои пальцы сильнее сжали мяч, адреналин бурлил в крови.

— Это будет тяжело. Это заставит вас выйти из зоны комфорта. И я имею в виду полностью оставить свой почтовый индекс. Предполагая, что мы сможем преодолеть их неизбежное движение к отклонению, мы перейдем к фазе обнаружения. Во время разоблачения его адвокаты будут обслуживать допросы и ходатайства о производстве с единственной целью накопать компромат и втапывать в грязь свое имя сотней разных способов. Будут показания и слушания по доказательствам, и даже после всего этого ваш бывший босс обязательно подаст ходатайство о рассмотрении дела в порядке упрощенного судопроизводства, чтобы попытаться закрыть дело без суда. Будет больно и, может быть, долго, и определенно это умственно истощает. И когда вы выйдете из этого, с другой стороны, вы измените свой взгляд на человеческую расу в целом.

Я чувствовал себя как амбициозный парень из студенческого братства, который проверяет все свои базы, прежде чем затащить кого-то в постель — достаточно ли она трезва? Достаточно ли она волевая? Чистая ли у нее медицинская карта? Было важно согласовать наши ожидания, прежде чем начинать.

— Я в курсе, — сказала Аманда, выпрямившись и вздернув подбородок. — Поверьте мне, это не поспешная реакция и не попытка отомстить бывшему работодателю. Я хочу разобраться с этим, мистер Миллер, и у меня есть множество улик.

Спустя три с половиной оплачиваемых часа и две отмененные встречи я достаточно знал о деле Аманды Гиспен о сексуальных домогательствах, чтобы понять, что у меня есть хорошие шансы на это. У нее были метки времени и журналы вызовов в

изобилии. Свидетели в виде стюардессы и администратора, которых уволили ранее в том же году, и проклятые текстовые сообщения, от которых покраснела бы даже порнозвезда.

— Что мы будем делать дальше? — спросила Аманда.

Отправимся прямо в ад, после того количества этических правил, которые я собираюсь нарушить.

— Я пришлю вам письмо о помолвке. Клэр поможет вам собрать всю информацию и подготовиться к подаче жалобы в ЕЕОС.

Пальцы Аманды сжали край ее платья.

— Я нервничаю.

Я протянул ей мячик от стресса, словно это было блестящее яблоко.

— Это естественно, но совершенно излишне.

Аманда взяла мяч. Смущенно сжала.

— Это просто так... Я не знаю, чего ожидать, когда мы подадим заявление.

— Это то, для чего я вам нужен. Помните, что вы можете урегулировать дело о сексуальных домогательствах в любое время. До и во время судебного разбирательства или даже во время судебного разбирательства.

— Урегулирование — это не совсем то, о чем я сейчас думаю. Меня не волнуют деньги. Я хочу видеть, как он страдает.

Ты и я вместе.

Ее верхние зубы закусил нижнюю губу.

— Вы мне верите, не так ли?

Каким странным, подумал я, было человеческое состояние. Мои клиенты часто задавали мне этот вопрос. И хотя мой настоящий ответ заключался в том, что это не имеет значения — я на их стороне, будь то дождь или солнце, — на этот раз я мог успокоить ее и по-прежнему говорить свою правду.

— Конечно.

Я бы ничего не поставил выше Конрада Рота. Сексуальные домогательства казались в пределах его возможностей.

Она вернула мне мяч, переводя дыхание. Я покачал головой.

— Оставьте себе.

— Благодарю вас, мистер Миллер. Не знаю, что бы я делала без вас.

Я встал, застегивая блейзер.

— Мы обсудим ваши ожидания, и я передам свои рекомендации, основанные на доказательствах.

Аманда Гиспен встала, одной рукой сжимая жемчуг на шее, а другой потянувшись для нового рукопожатия.

— Я хочу, чтобы этот человек гнил в аду за то, что он сделал со мной. Он мог меня изнасиловать. Я уверена, что он бы так и сделал, если бы не стюардесса. Я хочу, чтобы он знал, что он никогда не сможет сделать это с кем-то другим.

— Поверьте мне, мисс Гиспен. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы погубить Конрада Рота.

ГЛАВА 4

Кристиан

Прошлое.

Как и все, что рождается, чтобы умереть, наши отношения начались на кладбище.

Это был первый раз, когда я встретил Арию Рот. В пятый или шестой раз мама потащила меня на Парк-авеню во время летних каникул. Прошлой зимой Управление по делам детей провело обыски в квартирах в Хантс-Пойнте, забрав безнадзорных детей из их домов, после того как Кит Олсен, мальчик с моей улицы, умер от переохлаждения во сне. Все знали, что отец Кита обменивал семейные продовольственные талоны на сигареты и женщин, но никто не знал, насколько плохо дела Олсенов.

Мама знала, что с ACS сложно справиться. Она хотела оставить меня, но не настолько, чтобы попросить Конрада и Беатрис Рот позволить мне остаться в их квартире, пока она работает. Это привело к тому, что мама шесть дней в неделю оставляла меня возле их дома, чтобы я сам заботился о себе с восьми до пяти, пока она убиралась, готовила, стирала и выгуливала их собаку.

Мы с мамой разработали режим. Каждое утро мы вместе ездили на автобусе. Я любовался городом через окно, полусонный, пока она вязала свитера, которые потом продавала за копейки в магазине "Спасенные сокровища". Потом я шел с ней к арочному входу в здание из белого кирпича — такое высокое, что мне приходилось вытягивать шею, чтобы увидеть всю его высоту. Мама, одетая в свою униформу — желтую рубашку-поло с короткими рукавами и логотипом компании, в которой она работала, синий фартук и брюки цвета хаки, — наклонялась за мгновение до того, как пасть парадного входа проглотила ее, сжимала мое плечо и протягивала мне смятую пятидолларовую купюру. Она держалась за купюру как за жизнь, предупреждая:

— Это на завтрак, обед и перекусы. Деньги не растут на деревьях, Николай. Трать их с умом.

По правде говоря, я никогда не тратил их вообще. Вместо этого я воровал вещи из местного винного погреба. Через несколько раз кассир поймал меня и сказал, что я могу взять просроченный тайник в его кладовой, если я никому не скажу.

Мясо и молочные продукты не подходили для закусок, но несвежие чипсы были в порядке.

Остальная часть моего графика была широко открыта. Сначала я слонялся по паркам, сжигая время, наблюдая за людьми. Потом я понял, что меня очень злит, когда я вижу, как другие дети, их братья и сестры, няни, а иногда и родители проводят время вместе на пышных парковых лужайках, качаются на обезьяньих брусках, едят свои готовые обеды с бутербродами в форме звезды, беззубо улыбаются в камеры, собирают счастливые воспоминания и запихивают их в карманы. Мое и без того глубокое чувство несправедливости расширялось в груди, как воздушный шар. Моя бедность была осязаема и ощутима в том, как я ходил, говорил и одевался. Я знал, что выгляжу чертовски бедным и не нуждаюсь в напоминании, видя, как люди смотрят на меня. С отстраненной заботой, которую обычно проявляют к бездомным собакам. Я был бельмом на глазу в их первозданном существовании. Пятно от кетчупа на их дизайнерском наряде. Напоминание о том, что в нескольких кварталах отсюда был другой мир, полный детей, которые не знали, что такое логопедия, совместный отпуск или безглутеновые бранчи. Мир, где холодильник был в основном пуст, а то, что тебя время от времени шлепали, наполняло тебя чувством гордости, потому что это означало, что твоим родителям не все равно.

Первые несколько дней были душераздирающие. Я отсчитывал секунды до того, как мама уйдет с работы, глядя на мои дешевые наручные часы, как будто они специально

замедлялись, просто чтобы увидеть, как я потею. Даже мармеладный хот-дог, который мама купила мне у уличного торговца едой, когда мы вернулись в наш район, из-за чувства вины и усталости после дня, проведенного заискиванием над другой семьей, не смягчил удар.

На третий день летних каникул я нашел небольшое частное кладбище, расположенное между краем Центрального парка и автобусной остановкой. Он был скрыт от посторонних глаз, большую часть дня был пуст и открывал вид на вход в здание Ротов. По иронии судьбы, это был рай на земле. В последующие дни я почти не выходил из кладбища. Только на короткое время, когда мне нужно было найти дерево, за которым можно было пописать, искать окурки, чтобы выкурить, или рыться в тайнике с истекшим сроком годности, набивая карманы лишним, чтобы съесть больше, чтобы продать оставшуюся еду за полцены в Хантс Пойнт. Я брал еду и спешил обратно на кладбище, где прислонялся к могильному камню человека по имени Гарри Фрейзер и набивал себе морду.

Мемориал на горе Хеврон не был болезненным местом. Для меня это было похоже на все остальное в этом районе. Аккуратный и безупречный, с всегда цветущими розами, тщательно подстриженными кустами и мощеными дорожками. Даже надгробия сияли, как кожа на новеньких кроссовках Jordan. Несколько машин, припаркованных у офисного домика, были «лексусы» и «порше».

Кладбище было похоже на мантию-невидимку. Иногда я притворялся, что умер, и никто меня не видел. Меня никто не видел. Это знание утешило меня. Только глупые люди хотят быть увиденными и услышанными. Чтобы выжить в моем мире, нужно было выскользнуть из сети.

Все шло гладко до четвертого дня. Пусть запись покажет, что я занимался своими делами, вздремнув, используя надгробную плиту Гарри Фрейзера в качестве подушки. Было жарко и влажно, температура охватывала меня со всех сторон. Жар поднимался от земли, а солнце пробивалось сквозь деревья. Я проснулся от толчка, толстый слой пота покрыл мой лоб, голова кружилась от жажды. Мне нужно было найти садовый шланг. Когда я открыл глаза, то увидел девушку моего возраста, возможно, шестью могилами ниже, под огромной плакучей ивой. На ней были короткие джинсы и майка на бретельках. Она сидела на одной из могил и смотрела на меня глазами цвета грязного болота. Ее каштановые волосы были неуправляемы. Вьются повсюду, как змеи Медузы.

Бездомная? Может быть. Я собирался ударить ее, если она попытается украсть у меня деньги.

— Какого хрена ты смотришь? — Я закукарекал, сунул руку в передний карман, вытащил окурки и поднес его к уголку рта. Мои джинсы были примерно на три дюйма короче, обнажая мои голени, похожие на веточки, но свободные в талии. Я знал, что выгляжу не на двенадцать, а на десять, в хороший день.

— Я смотрю на ребенка, спящего на кладбище.

— Забавно, Шерлок. Где мистер Ватсон?

— Я не знаю, кто такой мистер Ватсон. — Она все еще смотрела. — Почему ты здесь спишь?

Я пожал плечами.

— Устал. — Почему еще?

— Ты жуткий.

— А ты не лезь не в свое дело. — Я начал говорить курсивом, чтобы отпугнуть ее. Мама всегда говорила, что лучшая защита — это нападение. — Что ты вообще здесь делаешь?

— Я пробираюсь сюда, чтобы посмотреть, не догадается ли моя мама, что меня нет дома.

— И догадается? — Я спросил.

Она покачала головой.

— Никогда.

— Почему здесь? — Я нахмурился. — Почему не где-нибудь еще?

— Я также навещаю своего брата-близнеца. — Она указала на могилу, над которой стояла.

Ее брат-близнец был мертв. Даже в двенадцать лет у меня было твердое представление о том, что такое смерть. Родители мамы умерли, как и Кит Олсен, и Сергей из гастронома в квартале, и Тэмми, проститутка, которая жила в палатке в Риверсайд-парке. Раньше тоже был на похоронах. Ноэта девушка потеряла своего брата... меня это сбило с толку. Дети нашего возраста не просто умирали. Даже история Кита Олсена произвела фурор в Хантс-Пойнте, а мы были довольно жесткой толпой.

— Как это случилось? — Я переставлял свои конечности на надгробии Гарри Фрейзера, сузив на нее глаза, чтобы она знала, что не сошла с крючка только потому, что ей грустно или что-то в этом роде. Она барабанила по голой коленке, на которой была неприятная рана. Должно быть, она перемахнула через ворота, чтобы попасть внутрь, как и я. Это было частное кладбище, и вы не могли взломать входной замок; чтобы попасть внутрь, нужно было позвонить в офис. Мое плохое впечатление о ней сменилось неохотным уважением. Даже девочки в моем районе, которые совсем не были девчонками, не перепрыгнули бы эти ворота. Они были с коваными шипами и высотой не менее восьми футов.

— Он умер во сне, когда мы были младенцами.

— Это действительно отстой.

— Ага. — Она коснулась земли своим Чаком, нахмурившись. — Ты когда-нибудь задумывался, почему мы это делаем?

— Умираем? Не уверен, что это намеренно.

— Нет. Хороним мертвых?

— Я вообще не думаю о таких вещах. — Мой голос ожесточился.

— Сначала я думала, что это похоже на посадку семян, чтобы, может быть, расцвела надежда.

— А сейчас? — Я вытер пот со лба. Она звучала умно. У большинства детей моего возраста интеллект комнатного растения.

— Теперь я думаю, что мы их хороним, потому что не хотим делить с ними мир. Это слишком больно.

Я продолжал хмуриться, обдумывая, что сказать.

Меня очень хотелось пить, но я не хотел двигаться. Это было похоже на испытание. Или соревнование, может быть. Это была моя территория. Мое кладбище на лето. Я не хотел, чтобы она думала, что может войти сюда и занять мое место, мертвый брат или нет. Но было и кое-что еще. Я не знал что. Может быть, в конце концов, не так уж и плохо было чувствовать себя не одним.

— Ну что? Ты так и будешь стоять и смотреть на меня? Делай то, зачем пришла сюда. — Я затаился окурком, безуспешно пытаюсь зажечь его от зажигалки, которую мистер Ван уронил на днях в общий коридор.

— Ага. Отлично. Только не мешай, ты... ты урод. — Она нетерпеливо протянула ко мне

руку.

Я закатил глаза. Она была странной. Ее брат был младенцем, когда она потеряла его, верно? Не то чтобы они были близки или что-то в этом роде. Но все же. Что я знал о братьях и сестрах? Только одно: что у меня их не будет. Потому что, как говорила моя мама каждый раз, когда малыш закатывал истерику в магазине Dollar Tree или Kmart, дети неблагодарны и дорого стоят. Дорогая ответственность.

Ха. Спасибо, мама.

Девушка повернулась ко мне спиной, к могиле. Она погладила надгробие, которое, как я теперь заметил, было меньше остальных. На самом деле все могилы в этом ряду были маленькими. Холодок прокатился по моей спине.

— Привет, Ар. Это я, другая Ар. Я просто хотела проверить тебя. Мы скучаем по тебе каждый день. У мамы снова были довольно плохие дни. Она игнорирует папу и меня. На днях я разговаривала с ней, и она смотрела сквозь меня, как будто я была призраком. Она делает это специально. Нказывает меня. Я подумала, может быть, ты мог бы навещать ее немного реже в следующие несколько недель? Я знаю, что она постоянно тебя видит. В твоей комнате диван, на котором мы спали, у окна...

Она говорила минут пять. Я старался не слушать, но это было все равно, что пытаться прибить Jell-O к стене. Она была прямо чертовски там. Я думал, что она сейчас заплачет, но в конце концов она сдержалась. Наконец, девушка подняла с земли небольшой камень и прижала его к мраморной могиле, прежде чем встать.

Она двигалась обратно к воротам, уходя.

— Зачем ты это сделала? — выпалил я.

Она повернулась, чтобы посмотреть на меня с удивлением, как будто забыла, что я был там.

— Что сделала?

— Ту каменную штуку.

— По еврейской традиции на могилу кладут небольшой камень, чтобы показать человеку, что кто-то пришел в гости. Чтобы они не были забыты.

— Ты еврейка?

— Моя помощница по хозяйству была.

— Значит, ты богатый ребенок.

— Потому что у меня была помощница по хозяйству? — Она посмотрела на меня как на идиота.

— Потому что ты вообще знаешь, что означает это слово.

— Ты тоже. — Она сложила руки на груди, отказываясь позволить мне выиграть спор, каким бы мелким и незначительным он ни был. — Но ты не выглядишь богатым, как мне кажется.

— Я не пример для подражания. — Я собирал грязь, наслаждаясь текстурой зерен на подушечках пальцев. Я поглощал мир в больших количествах, чем средний ребенок. Читал, слушал и смотрел что-то каждую секунду дня. Я относился к жизни с той же практичностью, что и к своим наручным часам. Я хотел перевернуть их, открутить штифты и посмотреть, как они работают, что заставляет их тикать. Я уже пообещал себе, что не буду таким, как мама. Меня не съедят богатые. Я собираюсь съесть их, если понадобится.

— Значит, я богата. — Она взяла другой маленький камень и провела большим пальцем по его гладкой поверхности. — А ты нет?

— Стал бы я спать на кладбище, если бы был богат?

— Я не знаю. — Она провела рукой по своим нечесанным волосам. В них было много мертвых листьев, мусора и колтунов. — Наверное, я не думаю, что все упирается в деньги.

— Это потому, что они у тебя есть. Но ты такой не выглядишь. Богатой, я имею в виду.

— Почему? — спросила она.

— Ты некрасивая, — сказал я умно.

Это был ее шанс, чтобы уйти. Я успешно оскорбил ее. Словесно показал ей средний палец. Но вместо этого она повернулась в мою сторону.

— Эй, не хочешь лимонада и голубцов?

— Разве ты меня не слышала? Я назвал тебя уродиной.

— И что? — Она пожала плечами. — Люди постоянно врут. Я знаю, что я красивая.

Господи. А она все еще стояла и ждала.

— Нет, я не хочу лимонада и голубцов.

— Ты уверен? Это очень вкусно. Моя горничная делает их с рисом и говяжьим фаршем. Это, типа, русское блюдо.

В моей голове зазвучали тревожные звонки, все знаки выхода замигали красными неоновыми огнями. Фаршированные капустные листья были маминым фирменным блюдом, когда мы могли позволить себе говяжий фарш, что случалось нечасто. И если эта девушка предложила принести еду сюда, значит, она жила неподалеку.

— Как тебя зовут? — спросил я, мой голос был мертвенно спокоен.

— Арья. — Последовала пауза. — Но мои друзья зовут меня Ари.

Она знала, кто я.

Она знала, и хотела убедиться, что я помню, какое место занимаю в пищевой цепочке. Моя служанка, сказала она. Я был просто продолжением своей матери.

— Ты знаешь, кто я? — Мой голос звучал ржаво, густо.

Она откинула свои бесконечные волосы.

— Я догадываюсь.

— И тебе все равно?

— Нет.

— Ты искала меня? — Она просто хотела поддразнить мальчика, который ждал внизу, пока его мать закончит ее обслуживать?

Она закатила глаза.

— Если бы. Итак. Лимонад и голубцы?

Сказать "нет" было бы глупо. В первую очередь, я был охотником. Эмоции не были частью игры. А она предлагала мне еду и напиток. Что бы я ни думал о ней, это не имело значения. Мы не собирались становиться лучшими друзьями. Один ужин не мог погасить шестилетнее пламя ненависти.

— Конечно, Ари.

Знаменитые последние слова.

Это было началом всего.

ГЛАВА 5

Кристиан

Настоящее время.

— Ты, должно быть, издеваешься надо мной. — Вечером того же дня Арсен проткнул

кусок ахи тунца своими палочками для еды в поке-баре. Мне так не терпелось рассказать кому-нибудь о том, как прошел мой день, так что Клэр пришлось согласиться на быстрый секс в соседнем отеле во время обеда, и она даже не получила за это хорошую еду на вынос. — Ты не можешь представлять эту женщину. Ты знаешь Конрада Рота. Ты сильно переживаешь за Конрада Рота. Конрад Рот — человек, который съел твой обед.

Я перебрасывал водоросли в своей миске из угла в угол, позволяя его доводам — всем веским, логическим доводам — скатиться с моей спины. Месть не имела ни рифмы, ни ритма. Это была безжалостная, более сексуальная сестра кармы.

Дни могли быть длинными, но годы были короткими. Конрад Рот формировал и формировал меня таким, каким я был сегодня, а человек, каким я был сегодня, не был тем, с кем он хотел бы пересекаться. Я не мог отказаться от возможности увидеть его снова. Показать ему, что я снова в его родном районе Верхнего Ист-Сайда, ношу его бренды, обедаю в его ресторанах, трахаюсь с теми же нежно воспитанными женщинами, с которыми его драгоценная дочь ходила в школу и называла друзьями. Отбросы земли поднялись из грязи и запачкали его первозданный мир, и он собирался поближе рассмотреть монстра, которого он создал.

Я больше не был Николаем Ивановым, незаконнорожденным сыном Русланы Ивановой.

Я был совершенно новым, блестящим и заново рожденным. Одет в костюмы от Тома Форда, с хитрой улыбкой и отточенными детскими манерами. Такие люди, как Руслана Иванова, никогда не попали бы в чарты мира Кристиана Миллера. Они были невидимы. Реквизит. В моей истории им не было даже короткого абзаца. Даже не предложения. Что-то между скобками — только если они случайно разобьют одну из дорогих ваз в моей гостиной.

— Он меня не узнает, — отрезал я, заметив, что две молодые женщины, которые нас обслуживали, оживленно перешептывались между собой, записывая свои номера телефонов на клочках бумаги.

Лицо Арсена исказилось от отвращения.

— Ты так же неузнаваем, как пирамиды, Кристиан. Гигант ростом шесть футов два дюйма, с отчетливыми бирюзовыми глазами и крючковатым носом.

Не меньше, чем после хука Конрада почти два десятилетия назад.

— Именно. Он помнит тощего паренька, которого видел несколько раз на летних каникулах, пока мне не понадобилось чертово бритье. — Я направил на него свои палочки для еды.

Я лгал. Я не думал, что Конрад Рот меня вообще помнит. Что облегчило дело.

— Ты играешь с огнем, — предупредил Арсен.

— Неважно, во что я играю, лишь бы всегда выигрывать.

— Ладно. Я подшучу над тобой секунду. Допустим, он действительно не узнает твоего несчастного лица и понятия не имеет, кто ты такой, — зачем мучиться? Где удовлетворение?

— Ах. — Я цокнул языком. — Потому что любой другой на моем месте согласился бы на урегулирование и прекратил дело. Я хочу втапывать его в грязь. Заставить его страдать. Бонусные баллы: он поможет мне стать партнером. Заключить сделку.

Арсен уставился на меня, как на сумасшедшего. Что, признаться, было совсем не лишним. В моих словах было очень мало смысла.

— Пятьдесят тысяч за то, что он тебя узнает.

Я фыркнул от смеха.

— Сто — что не узнает. Я заберу свой чек в понедельник.

Ни за что, черт возьми, Конрад Рот не сможет узнать, кто я такой. Я ускользнул из его поля зрения вскоре после окончания Академии Эндрю Декстера и сменил официальное имя, адрес и номер телефона. Николай Иванов пропал без вести через несколько недель после выпуска, и горстка людей, которым было наплевать на него, считали его мертвым. Ирония не ускользнула от меня. Рот платил за мое образование вплоть до колледжа — хотя вряд ли это можно было назвать благотворительностью, — и впоследствии я использовал полученные знания как оружие против него.

В конце концов, он не стеснялся преследовать меня, даже когда я жил в другом штате.

— Послушай, Конрад Рот узнает тебя. В этом нет никаких «если». — Арсен сверкнул волчьими белыми зубами. Он ненавидел нелогичные вещи. Месть была одной из наименее рациональных вещей в мире. В 99 % случаев это только ухудшило ситуацию.

— И? — Я изогнул бровь. — Кого это волнует?

— Твою карьеру, — невозмутимо ответил Арсен. — Твоя карьера небезразлична. Я вижу, что твои дедуктивные рассуждения не работают. Тебя могут лишить лицензии, если он подаст жалобу. Стоит ли из-за этого поединка терять карьеру?

— Во-первых, лишит кого-либо адвокатского статуса не так-то просто. Я не получил степень доктора права в Costco. — Я бросил в рот кусочек эдамаме. — Во-вторых, даже если он узнает меня — чего он не сделает — он не посмеет. У меня слишком много рычагов воздействия на него. Никто не знает, что он сделал со мной.

— Даже если все это правда, — Арсен нарисовал круг палочками в воздухе, — ты все равно не сможешь справиться с этим делом с ясностью, сосредоточенностью или каплей здравомыслия, которое ты явно теряешь с каждой минутой. Тебе не хватает этого всего, когда речь идет о Ротах.

— Пришло время им заплатить за то, что они сделали, — прошипел я.

Одна из женщин, которая нас обслуживала, подошла к нам, покачивая бедрами, как маятник, и швырнула через стойку два телефонных номера вместе с бесплатным пивом.

— Выбирайте сами, мальчики. — Она подмигнула.

— Они? — Арсен поднял темную густую бровь. — Мы сейчас говорим во множественном числе?

Он сунул один из телефонных номеров в карман, хотя я знал, что он не позвонит. Из нас троих Риггс был наиболее склонен к постели с кем-то за пределами своей налоговой группы, за ним следовал я, а Арсен сильно отставал. Он был знатоком высокопоставленных, ультрауспешных женщин и был очень щепетилен во всем: как они на вкус, как пахнут, что носят. Если бы мне пришлось ставить деньги на то, кто из нас троих психопат, я бы поставил на него.

— Ты цепляешься. — Я подошел к мусорному баку и выбросил недоеденный поке.

— А ты отрицаешь. — Арсен последовал за мной. — Ты затаил обиду на четырнадцатилетнюю девочку, Кристиан. Не лучший твой образ.

— Ей уже не четырнадцать. — Я хлопнул ладонями по стеклянной двери и шагнул в мертвую зимнюю ночь, гладкие струи дождя падали на меня с неба. Рев города напомнил мне, что я нахожусь под тем же куском неба, что и она, и, вероятно, всего в нескольких улицах от нее.

Так близко и в то же время так далеко.

Может, она и забыла обо мне, но ее вот-вот познакомят с новой версией мальчика, с которым ей нравилось играть.

Арья Рот уже выросла и собирается заплатить за содеянное.

ГЛАВА 6

Кристиан

Прошлое.

Она возвращалась снова, и снова, и снова, и блядь снова.

Большую часть летних каникул мы провели в Мемориале на горе Хеврон, прыгая между надгробиями, словно они были лужами.

На следующий день после нашей первой встречи она принесла вниз книгу под названием «Таинственный сад», и мы читали ее, прижавшись друг к другу потными висками, когда каждый держал одну сторону книги. Каждый из нас прочитал по странице в свой черед, и я мог сказать, что мы пытались произвести впечатление друг на друга.

На следующий день я принес Шерлока Холмса из местной библиотеки, и мы читали его в промежутках, когда я не кричал на нее, чтобы она прекратила с собачьими ушками, потому что я боялся платить за библиотеку.

Мы сидели на могиле Гарри Фрейзера и читали. Иногда мы разговаривали с ее братом Аароном, как будто он был с нами. Мы даже придали ему индивидуальность и все такое. Он был тусовщиком, который плелся позади и никогда не хотел ничего делать. Кладбище стало нашим собственным тайным садом, с сокровищами и тайнами, которые нужно разгадать. Каждый уголок был исследован, и мы знали имена его жителей наизусть.

Однажды садовник застал нас за игрой в прятки. Мы оба бежали, как будто наши задницы горели. Он устроил нам хорошую погоню, извергая ненормативную лексику и размахивая кулаком в воздухе. Когда мы добрались до ворот из кованого железа, я подставил ногу Арье, чтобы она могла убежать, прежде чем перепрыгнуть через себя. Садовник почти поймал меня, но Арья схватила меня за руку и убежала, прежде чем он схватил мою рубашку через перила ворот. Это был последний раз, когда мы были там.

Мы провели остаток летних каникул, исследуя скрытые ниши в Центральном парке и прячась в кустах, пугая бегунов. Арья приносила еду и напитки, а иногда даже настольные игры. Когда она начала спускаться вниз, принося все вдвойне — шоколадное молоко, батончики мюсли, воду в бутылках, — я понял, что мама следит за нами и смотрела в другую сторону.

И действительно, однажды вечером, когда мы с мамой возвращались в Хантс-Пойнт, она схватила меня за ухо и сжала, пока его не заполнил белый шум.

— Просто помни, что мистер Рот убьет тебя, если ты прикоснешься к ней.

Прикоснуться к ней? Я почти не хотел смотреть на нее. Но какие у меня были другие варианты? Арья заставила время двигаться быстрее и принесла мне закуски и газировку.

К концу лета мы с Арией были неразлучны. Когда начался учебный год, дружба закончилась. Разговаривать по телефону было неубедительно, а также как-то неестественно; мы пытались — и ни одна из наших семей не собиралась соглашаться на свидание, концепцию, которую Арья пыталась объяснить мне несколько раз.

Я иногда писал ей, но никогда не отправлял письма.

Последнее, что мне было нужно, это чтобы Арья думала, что она мне нравится.

Более того, это было даже неправдой.

***

Наступили очередные летние каникулы. Я стал на четыре дюйма выше. Моя мама снова взяла меня с собой на работу. На этот раз мне разрешили быть внутри пентхауса. Не потому, что мама волновалась за меня, а потому, что она волновалась из-за меня. Ранее в том же году я начал суетиться в школе, продавая поддельные Джорданы с 500-процентной прибылью после комиссии, которую взимал Маленький Ричи, который дал мне их. Директор предупредил маму, что меня отправят прямо в тюрьму, если я не остановлюсь.

Когда я впервые ступил в пентхаус Рота, у меня кружилась голова. Все можно было украсть. Я бы разрушил стены и засунул бы их в карманы, если бы мог.

Ониксовый мрамор блестел, как шкура пантеры. Мебель, казалось, парила в воздухе, висела на невидимых проводах, и повсюду были большие внушительные картины. Один только винный холодильник был больше нашей ванной. Повсюду были мокрые люстры, мраморные статуи и плюшевые коврики. Если так жили богатые люди, то удивительно, что они вообще покидали дом.

Но настоящей жемчужиной был вид на Центральный парк. Силуэт небоскреба производил впечатление тернистой кроны. И человеком, носившим эту корону, была Арья, которая сидела за крылатым, совершенно белым роялем, с прямой спиной, на заднем плане, в воскресном платье и с торжественным выражением лица.

У меня перехватило дыхание. Именно тогда я заметил, что она красива. В смысле, я знал, что она не уродлива. В конце концов, у меня были глаза. Но я никогда не считал ее противоположностью уродливой. Прошлым летом Арья только была... Арьей. Мой партнер в преступлении. Чувак, который не боялся перепрыгивать через ворота и устраивать засады в кустах. Девушка, которая помогла мне найти окурки, которые я мог выкуривать.

Арья вскинула голову, ее глаза вспыхнули, когда она увидела меня. Впервые в жизни я почувствовал себя неловко. До этого меня не волновали мой большой нос и уши Дамбо или то, что мне нужно набрать добрых шесть или семь фунтов, чтобы заполнить свое тело.

Ее родители стояли позади нее, наблюдая, как она играет пьесу. Ее отец прижал одну руку к ее плечу, как будто ожидал, что она испарится в воздухе в любой момент. Я знал, что она не может говорить со мной, так что я проигнорировал ее, размазав жевательную резинку, в которую я наступил, по их полу. Мы с мамой стояли у входа, как оставленные без присмотра пакеты с продуктами, мама нервно мяла свой синий фартук, ожидая, пока Арья закончит.

Когда Арья закончила, мама вышла вперед. Ее улыбка выглядела болезненной. Я хотел стереть его с ее лица одной из ее пропитанных отбеливателем салфеток.

— Мистер Рот, миссис Рот, это мой сын Николай.

Беатрис и Конрад Рот двинулись ко мне, как злые близнецы в фильме ужасов. У Конрада были мертвые глаза-бусинки акулы, подстриженные серебряные волосы и костюм, от которого воняло деньгами. Беатрис была образцовой трофейной женой, с растрепанной светлой гривой, с таким количеством макияжа, что можно было бы вылепить трехъярусный свадебный торт, и с пустым взглядом женщины, которая загнала себя в угол. Я видел такой же взгляд у жен мафиози в Хантс-Пойнте. Те, кто осознал, что у денег есть цена.

— Какой ты милый, — резко сказала Беатрис, но когда я потянулся за рукопожатием, она похлопала меня по запястью. — Прекрасный мальчик у вас, Руслана. Высокий и голубоглазый.

Конрад взглянул на меня на долю секунды, прежде чем повернуться к маме. Он

выглядел готовым взорваться от гнева. Как будто мое существование было неудобством.

— Вспомни, о чем мы говорили, Руслана. Держи его подальше от Ари.

В животе у меня поселился валун размером с Нью-Джерси. Я был прямо-таки в шоке.

— Абсолютно. — Мама послушно кивнула, и я возненавидел ее в тот момент. Думаю, больше, чем я ненавидел Конрада. — Николай не спустит с меня глаз, сэр.

Позади них Арья закатила глаза и изобразила пантомиму, направляя пистолет себе в висок. Когда она фальшиво выстрелила в себя, ее голова сильно дернулась. Все мои опасения, что она забудет о нашем союзе, тут же испарились.

Я подавил усмешку.

Надежда была наркотиком, понял я.

И Арья только что дала мне мою первую дозу.

***

Мама не применяла правило «держись подальше от Арьи». У нее было слишком много дел, чтобы следить. Вместо этого она предупредила меня, что если я когда-нибудь прикоснусь к Арье, то умру для нее.

— Если ты думаешь, что я позволю тебе все испортить, ты ошибаешься. Один удар, и ты в ауте, Николай.

Несмотря на это, лето, когда нам с Арьей исполнилось тринадцать, было лучшим в моей жизни.

Конрад был крутым волком с Уолл-Стрит, руководившим компанией хедж-фонда. Арья пыталась объяснить мне, что такое хедж-фонд. Звучало это опасно близко к азартным играм, поэтому я, конечно же, решил проверить это, когда вырасту. Конрад работал сумасшедшие часы. Мы редко его видели. А в промежутках между походами по магазинам в Европе и обедами в загородных клубах Беатрис больше походила на взбалмошную старшую сестру, чем на мать. Мы с Арьей быстро привыкли к рутине. Каждое утро мы ходили в крытый бассейн здания и гоняли круги (я выигрывал), затем лежали на балконе Арьи, чтобы высохнуть, лица были обращены к небу, хлорка и солнце обесцвечивали кончики наших волос, соревнуясь, у кого больше веснушек (она выигрывала).

Мы также читаем. Много.

Часы, проведенные каждый день под большим дубовым столом в ее семейной библиотеке, посасывая кашу из боба, сражаясь на пальцах ног, вытянув ноги по персидскому ковру.

Тем летом мы прочитали «Чудесного волшебника из страны Оз», «Остров сокровищ», «Чужаков» и все книги «Мурашки по коже». Мы поглощали толстые шпионские романы, рылись в томах по истории и даже краснели из-за пары книг о поцелуях, которые заставили нас в унисон заявить, что касаться кого-то другого таким образом было очень отвратительно.

Хотя, если честно, чем больше времени проходило, тем больше идея прикоснуться к Арье вовсе не казалась отвратительной. Может быть, даже противоположность грубости. Но, конечно, я не был настолько глуп, чтобы позволить себе думать об этом.

Наша дружба не осталась незамеченной. Конрад заходил к нам несколько раз, пока мы читали или смотрели фильм. Но я думаю, что то, что было очевидно для меня с самого начала, просочилось и в его сознание. Эта Арья была вне моей лиги. Что ее красота, сила и утонченность приводили меня в ужас, и что я едва мог смотреть на нее прямо. Ей не грозила опасность быть испорченной.

— Он не знал бы, что делать с возможностью, даже если бы твоя дочь предоставила ему ее, — однажды я услышала, как мать Арьи нетерпеливо фыркнула, когда подумала, что мы с мамой уже ушли. Это был один из тех редких случаев, когда она была дома. Мне показалось интересным, что Беатрис знала, что Арья предложит, а что нет, учитывая, что за все лето она не обменялась с дочерью ни словом.

Я спрятался в тени их гардеробной. Моя мама просила меня каждую неделю воровать оттуда что-нибудь маленькое, чтобы она могла это продать. На этот раз родители Арьи вошли прежде, чем я смог завершить свою миссию. Я сжал ремень Гуччи в кулаке, вспотев, когда я отступил за слои платьев, висевших на одной стороне стены.

— Люди перерастают невинность. Он не один из нас, Беа.

Металлический смех наполнил воздух их ванной комнаты.

— О, Конрад. Тебе уже поздно становиться ханжой, тебе не кажется? Такое лицемерие. Удивительно, что я едва могу смотреть на твое лицо?

— Дорогая, это ты у нас ханжа, а еще ты чертовски наивна. Все, что тебя волнует, это Аарон, шопинг и твои пластмассовые друзья, половину из которых я трахаю за твоей спиной.

— Кто? — спросила она, резко поворачиваясь к нему. Все ее лицо изменилось. Она выглядела... странно. И старше. За считанные секунды.

Настала очередь Конрада хихикать.

— О, разве ты не хотела бы знать.

— Перестань играть со мной в игры, Конрад.

— Игры — единственное, что у меня осталось от тебя, Беа.

Мои пальцы впились в ремень так глубоко, что пряжка впилась в кожу, и расстегнули его, кровь залила мой кулак.

Мистер Рот понятия не имел, что его бумажная тигрица-жена была права. Что единственный раз, когда мы с Арьей соприкасались не невинно за все лето, это когда сама Арья инициировала это.

Две недели назад мы проникли в кабинет мистера Рота, где он хранил свои кубинские сигары. Я хотел украсть одну и поделиться ею со своими друзьями из Хантс-Пойнта, а Арья всегда была готова проказничать. Это был ленивый день, и пентхаус был пуст. Мы нашли кожаную коробку с гравировкой как раз тогда, когда моя мама вернулась из супермаркета. Неожиданный щелчок двери заставил Арию с громким стуком выронить портсигар. Шаги раздались по коридору, звук рикошетом отлетел в мой живот, как пуля, когда моя мать подошла, чтобы разобраться.

Арья схватила меня за запястье и потащила нас обоих к пространству между картоточными шкафами и полом, где мы были прижаты друг к другу под брюхом консоли, переплетенные конечности, спрятанные от глаз. Мы были грудь к груди, наше горячее дыхание смешивалось вместе, фруктовая жевательная резинка, слайси и поцелуй, который никогда не мог случиться, пронизывал воздух, и внезапно все те разы, когда мне говорили не прикасаться к Арье, обрели смысл.

Потому что желание прикоснуться к ней пронеслось от моего позвоночника к кончикам пальцев, от чего у меня в желудке появилось ощущение пустоты и боли.

Мама вошла в комнату. Мы видели ее изношенные кроссовки с нашего места на полу, когда она повернулась на 360 градусов, осматривая местность.

— Мисс Арья? Николай? — Ее голос был пронзительным.

Нет ответа. Она тихо выругалась по-русски, топнув ногой по мраморному

полу. Адреналин заставил мои вены покалывать.

— Твой отец очень разозлится, если узнает, что ты была здесь. — Мама попыталась, но не смогла придать своему тону властность. Мои глаза задержали взгляд Арьи. Все ее тело сотрясало от смеха. Я прижал ладонь к ее рту, чтобы она не рассмеялась. Она высунула языки лизнула между пальцами. Укол удовольствия, пронзивший мой позвоночник, вызвал у меня головокружение. Я сразу отпустил ее, немного задыхаясь.

Через несколько минут мама, наконец, сдалась и ушла. Мы остались совершенно неподвижными. Арья взяла мою руку и прижала мою ладонь к своей груди, ее улыбка была такой широкой, что она чуть не расколола лицо пополам.

— Вау. Чувствуешь, как быстро бьется мое сердце?

На самом деле, все, что я мог чувствовать, это желание прикоснуться своими губами к ее губам. Как мое собственное сердце билось и скручивалось в моей груди, пытаюсь вырваться из своих артерий и вен, и как я больше не чувствовал себя таким храбрым рядом с ней.

— Ага. — Я тяжело сглотнул. — Ты в порядке?

— Ага. Ты?

Я мотнул головой «да».

— Спасибо, что спасла мою задницу.

— Да, ну, я все еще должна тебе с того времени, когда нас преследовали. — Ее улыбка была широкой и искренней и говорила мне, что я определенно, определенно на грани катастрофы.

— Арья?

— Хм? — Ее рука все еще была на моей.

Отпусти меня.

Но я не мог этого сказать.

Я не мог ей ни в чем отказать. Даже то, что могло бы стать моим проклятым разрушением.

Вместо этого я держал руку на ее груди до тех пор, пока берег не расчистился и она не ускользнула сама.

Это была моя первая ошибка из многих.

***

День с коробкой из-под сигар изменил все.

Мы скользили на грани катастрофы, всегда в опасной близости от края. Не потому, что мне так сильно хотелось ее поцеловать — я мог бы, наверное, целую вечность не прикасаться к ней, даже если бы мне совсем не нравилась эта идея. Но поскольку у меня не было возможности отказать ей, а это означало, что рано или поздно она навлечет на меня неприятности.

Забавно, как ее родители были так обеспокоены тем, что я развращу ее, когда она, вероятно, могла бы убедить меня убить человека всего лишь взмахом ее сумасшедших волос Медузы.

За несколько дней до окончания летних каникул я снова подслушал Ротов. На этот раз это не было случайностью. Я беспокоился, что они не позволят мне провести следующее лето с Арьей. Я хотел знать, откуда дует ветер. В этот момент Арья была самой близкой вещью к счастью, которого я когда-либо достигал, и я был готов сделать некоторые облажавшиеся вещи, чтобы сохранить нашу договоренность.

Я спрятался в туалете миссис Рот, пока она одевалась для мероприятия. Сквозь полоску пространства рядом с раздвижной дверью я смотрел, как мистер Рот завязывает галстук перед зеркалом.

— Ты знала, что я поймал его, когда он упаковывал остатки, которые Руслана обычно выбрасывает, и брал их домой без спроса? — Он перевернул конец галстука и потянул узел вверх. Я следил за каждым его движением, делая заметки. Тем летом я решил, что у меня будет работа, которая требует от тебя носить не только спортивные штаны. — Конечно, я ничего не сказал. Можешь ли ты представить себе заголовок, если он когда-нибудь выйдет? Магнат хедж-фонда отказывает бедному прислуге в обедках? Пфф.

— Дорогой мой. — Миссис Рот находилась с другой стороны проходной, так что я ее не видел. Она не казалась заинтересованной. Она никогда не интересовалась своим мужем. Конрад все равно продолжил.

— Знаешь, что мне сказала Руслана? Она сказала, что по выходным он чистит обувь на углу возле Нордстрема. Выводит их из бизнеса, взимая половину цены. А в прошлом году, ну, он раздобыл несколько подделок "Найк" и продавал их вокруг школы. Она не была болтуньей. Я узнал все сам.

— Тебе есть дело? — сказала миссис Рот, фыркнув. Ей нравилось показывать, что она ненавидит своего мужа. — Дорогой, у тебя слишком много свободного времени. Может быть, найти другого любовника, чтобы занять себя? Ой, и твоя одержимость своей дочерью совершенно обескураживает. Я тоже здесь, ты же знаешь.

Это было нехорошо. Совсем не хорошо. Мое следующее лето с Арьей было под угрозой. Следующие несколько дней мне придется игнорировать Арию, даже если это причинит ей боль. Даже если мне будет больно.

— У этого парня такие амбиции, что он попадет либо в список самых богатых по версии Forbes, либо в тюрьму. — Хмурое выражение лица Конрада Рота точно указывало на то, что он представлял меня в будущем — и это не касалось плеч с Биллом Гейтсом и Майклом Деллом.

Миссис Рот показалась через щель гардеробной. Она схватила кончик его галстука и сильно потянула, немного задушив его. Его губы врезались в ее губы, но в последнюю минуту она увернулась от него, жестоко рассмеявшись. Он застонал от разочарования.

— Где бы он ни оказался, он не будет с твоей дочерью.

— Нашей дочерью, — поправил он.

— Разве? Наша, я имею в виду? — спросила Беатрис вслух. — Кажется, у тебя сложилось впечатление, что она вся твоя.

Она крепко поцеловала его в губы. Близко. Он обхватил ее задницу. Я отвел взгляд.

Мне очень нравилась Арья, но я ненавидел ее родителей.

ГЛАВА 7

Арья

Настоящее время.

Удовлетворительный звон моих Лабутенов щелкающих по богатому мраморному полу, эхом отдавался в стенах здания Van Der Hout на Мэдисон-авеню. Холодная улыбка тронула мои губы, когда я подошла к администратору.

— Кромвель и Трауриг? — Мой ноготь того же алого оттенка, что и подошва моих каблуков, нетерпеливо постукивал по столу после того, как я вручила ей свое удостоверение личности. Я не могла поверить, что трачу на это время.

Секретарь вернула мне пропуск посетителя и мое удостоверение личности, и я сунула их в сумочку.

— Это тридцать третий этаж, мэм, где требуется контроль доступа. Пожалуйста, подождите, пока я позову кого-нибудь, кто сопровождает вас.

— Не нужно никого звать, Сэнд. Я иду вверх. — Баритон, такой низкий и глубокий, что он разлился по моим венам, прогремел за моей спиной.

— Здравствуйте, босс, — пискнула секретарша, ее профессиональные манеры таяли, как мороженое на горячем асфальте. — Новый костюм? Серый определенно ваш цвет.

Заинтригованная и немного сбита с толку флиртом, я повернулась и столкнулась лицом к лицу с одним из самых привлекательных мужчин на планете Земля — в прошлом, настоящем и будущем. Резной греческий бог в костюме Армани. Подбородок с ямочками и глаза цвета зимородка. Ходячая, говорящая бутылка ДНК премиум-класса, и если этого было недостаточно, он выделял достаточно тестостерона, чтобы затопить бейсбольное поле. Я даже не знала, был ли он классически красив. Похоже, его нос был непрофессионально вставлен на место после того, как его сломали, а линия подбородка была слишком квадратной. Но от него пахло уверенностью и деньгами, двумя формами криптонита в перенасыщенном пуле свиданий Манхэттена. Несмотря ни на что, я почувствовала, как мои щеки краснеют. Когда я в последний раз краснела? Наверное, когда я была подростком.

— Готовы увидеть Ван Дер Хаут изнутри? — Его тон светлый, лицо бесстрастное.

— Я могла бы прожить всю жизнь, не видя этого здания изнутри, но судьба привела меня сюда.

— Это привело вас на определенный этаж? — Его хорошее настроение было непоколебимо.

— Кромвель и Трауринг, — отрезала я.

— С удовольствием. — Он показал мне ряд жемчужно-белых зубов. Он был хорошим старым богатым мальчиком. Я узнала их за много миль. Сигары. Гольф. Ухмылка «Папа получит все».

Пока мы ждали лифт, я провела рукой по своему платью, коря себя за то, что проверила, есть ли у этого случайного незнакомца обручальное кольцо (у него его не было). Мне нужно поджарить рыбу покрупнее. В основном из-за того, что я собиралась на первую — и, надеюсь, последнюю — встречу папы по урегулированию его дела о сексуальных домогательствах.

Сексуальное домогательство! Ну и шутка. Папа был вспыльчив, но женщину никогда не обидит. Он был беспощаден в своей работе, без сомнения, но он не был неряшливым типом Харви Вайнштейна. Из тех мужчин, которые просовывают руку женщине под юбку или глазят на ее декольте. Я была в корпоративном квартале и могла распознать хищников еще до того, как они открыли рот, чтобы укусить. Отец не был похож ни на одного коррумпированного босса. Он не был слишком любезен, никогда не пытался очаровать, чтобы войти и выйти из социальных кругов, и держал свои руки при себе. Его сотрудницы открыто обожали его, часто восхваляя его за преданность мне. Он был крестным отцом сына его секретарши, черт возьми.

Горячий незнакомец и я смотрели на красные цифры на экране над опускающимся лифтом. Я постучала ногой.

Двадцать два... двадцать один... двадцать...

Был ли этот человек действительно начальником в регистратуре? Это сделало бы его

управляющим зданием, если не владельцем. Он выглядел молодым. С начала до середины тридцатых годов. Но и опытный. С легкомысленным, спокойным видом человека, который знает, что делает. Старые деньги открывают двери для новых возможностей; я была первым человеком, который признал это. На всякий случай я решила спросить, имеет ли он отношение к фирме Cromwell & Traurig.

— Вы партнер фирмы? Аманда никак не могла нанять помощника.

Его слегка кривая ухмылка расширилась на полдюйма.

— Нет.

Я вздохнула с облегчением.

— Хорошо.

— Почему?

— Я ненавижу юристов.

— Я тоже. — Его глаза метнулись к часам Patek Philippe.

Тишина опустилась на нас. Он не чувствовал себя чужим. Не совсем. Стоя рядом с ним, я могла поклясться, что мое тело узнало его.

— Ужасная погода, — прокомментировала я. Дождь не прекращался три дня подряд.

— Я думаю, это Стейнбек сказал, что климат в Нью-Йорке — это скандал. Впервые в городе? — Его тон был воздушным, но неразличимым. Мои инстинкты подсказывали мне быть начеку. Мои яичники сказали им заткнуться.

— Едва ли. — Я похлопала по шиньону на затылке, чтобы не сбиться. — Можно подумать, я привыкла к этому после стольких лет. Вы ошибаетесь.

— Вы когда-нибудь думали о переезде?

Я покачала головой.

— Мои родители и бизнес здесь. — И здесь был Аарон. Я по-прежнему навещала его чаще, чем хотела признавать. — А вы?

— Жил здесь время от времени всю свою жизнь.

— Окончательный вердикт?

— Нью-Йорк похож на непостоянного любовника. Ты знаешь, что заслуживаешь лучшего. Это не мешает тебе оставаться рядом.

— Вы всегда можете уйти, — заметила я.

— Я мог бы. — Он поправил темно-бордовый галстук. — Но я не любитель уходить.

— Я тоже.

Лифт со звоном открылся. Он отошел в сторону, приглашая меня войти первой. Я вошла. Он провел электронным ключом по блокноту и нажал тридцать третью кнопку. Мы оба смотрели на хромированные двери, наше отражение мерцало в ответ.

— Пришли на консультацию? — он спросил. У меня было ощущение, что я получаю его безраздельное внимание, но я также знала, что он не флиртует со мной.

— Не совсем. — Я осмотрела свои ярко-красные ногти. — Я здесь в качестве консультанта по связям с общественностью.

— Какой пожар вы сегодня тушите?

— Пылающее здание. Урегулирование сексуальных домогательств.

Он сунул телефон обратно в карман и расстегнул бушлат.

— Знаете, что говорят о больших пожарах.

— Нужны большие шланги, чтобы держать их под контролем? — Я изогнула бровь.

Его ухмылка стала шире. Мои бедра сообщили мне, что они продали этого человека и

без колебаний убежали с ним в Париж. Обычно я выбирала своих любовников с тем же прагматизмом, с каким выбирала себе одежду по утрам, и всегда выбирала среднестатистических, галантных типов. Те, у кого мало драмы. Но этот парень? Он выглядел как пиньята, полная сумасшедших бывших подружек, фетишей богатых парней и проблем с мамочками.

— Острый язычок. — Он окинул меня взглядом.

— Вы бы видели мои когти. — Я хлопнула ресницами. — Это будет быстро и безболезненно.

Мужчина обернулся и посмотрел на меня. Его бирюзовые глаза стали ледяными, как замерзшее озеро. В них что-то было. Кое-что я узнала и в себе. Упрямство, рожденное горьким разочарованием в мире.

— Это так?

Я стала чуть прямее.

— Я не позволю, чтобы это превратилось в медийный цирк. На кону слишком много.

Не может быть, чтобы Аманда Гиспен действительно думала, что у нее есть шанс. Она явно охотилась за папиными деньгами. Мы собирались отослать ее с солидным чеком и железным соглашением о неразглашении и сделать вид, что этого никогда не было. Папа не виноват, что нанял кого-то, кто выбрал этот путь, когда уволил ее. Теперь все дело было в том, чтобы свести к минимуму огласку этого дела. К счастью, адвокат Гиспен, этот Кристиан Миллер, не обратил никакого внимания на судебный процесс. Пока что. Просчитанный ход с его стороны, без сомнения.

— Мне жаль. — Его улыбка из приятной превратилась в откровенно леденящую. Тут я поняла, что у него острые зубы. Что нижние передние два перекрываются. Небольшой недостаток, который подчеркивал его восхитительные черты. — Кажется, я не расслышал твоего имени.

— Арья Рот. — Я повернулась к нему, давление на мою грудь стало более заметным. Мое тело покалывало от опасности. — А ты?

— Кристиан Миллер. — Он взял мою руку в свою, уверенно сжав ее. — Приятно познакомиться с вами, мисс Рот.

Мое дыхание выбилось из легких. Я распознала катастрофу, когда увидела ее, и, глядя на пронизательную ухмылку Кристиана, я точно знала, что меня разыграли. Только один из нас был удивлен раскрытием своей личности, и этим кем-то была я. Он уже одержал верх, когда вошла в приемную десять минут назад. И я глупо — невероятно — сыграла ему на руку. Показала ему свои карты.

— Администратор назвала тебя своим боссом. — К счастью, мой голос оставался ровным. Невозмутимым.

— Сэнди любит прозвища. Очаровательно, правда?

— Ты сказал, что не был партнером, — настаивала я.

Он пожал плечами, как бы говоря:

— Что ты можешь сделать?

— Ты солгал? — подтолкнула я.

— Ну, это было бы не очень спортивно. Я старший юрист.

— Значит, ты....

— Адвокат Гиспен, правильно, — закончил за меня Кристиан, сняв бушлат и выставив на всеобщее обозрение свой серый костюм-пятерку.

Двери распахнулись, как по команде. Кристиан жестом показал мне выйти первой, его манеры были безупречны, а ухмылка невыносима. Это было одновременно и странно, и удивительно, как он превратился из потенциального отца моих гипотетических детей в большого злого волка менее чем за шестьдесят секунд.

— Третья дверь справа, мисс Рот. — Я буду через минуту.

— Не могу дождаться. — Я мило улыбнулась.

Я позволила своим ногам нести меня к месту назначения, не смея оглянуться назад, пока собиралась с мыслями. Я все время чувствовала дымчатый взгляд Кристиана, покалывающий затылок. Оценка, расчет, схема.

Я знала, что этот человек воспользуется каждой слабостью, которую я ему покажу, и воспользуется ею в своих интересах.

Один-ноль в пользу хозяев.

***

— Большое спасибо, что нашла время быть здесь, дорогая. Я знаю, как занят твой день, и я, ну... смущен. — Папа сжал мою руку, когда я села рядом с ним. Мы сидели за овальным столом в Cromwell & Конференц-зал Трауриг. Потолки с фонарями в небе, церемониальные лестницы, итальянский мрамор с прожилками из розового золота и латунные держатели для ручек говорили мне, что Аманда Гиспен не балуется. Вероятно, она продала несколько внутренних органов, чтобы получить удовольствие от того, что ее представляет мистер Миллер.

— Не будь смешным, папа. — Я провела большим пальцем по внешней стороне его ладони. — Через пару часов все это станет древней историей, и мы сможем вернуться в наши дни. Я ненавижу, что тебе приходится иметь с этим дело.

— Это часть работы, — вздохнул он.

Терренс и Луи, папины адвокаты, сидели справа от него и уже делали записи в своих блокнотах. Они оживленно переговаривались между собой, не обращая на нас внимания. Когда все это началось, они объяснили, что против моего отца была подана жалоба в Комиссию по равным возможностям трудоустройства. Очевидно, это посредничество было частью процесса примирения КСРТ.

Посредник, строгая седовласая женщина в черном платье и белом воротничке Питера Пэна, печатала на своем ноутбуке, уже ожидая истца и ее команду.

Миниатюрная привлекательная женщина в вязаном бежевом платье неторопливо вошла в комнату, сжимая iPad и планшет, в сопровождении ассистента, который балансировал на подносе с напитками. Модная блондинка представилась Клэр Лесавой, младшим юристом. По тому, как она полностью проигнорировала мое существование, я поняла, что Кристиан еще не рассказал ей о моей оговорке. Я задавалась вопросом, наполнил ли он ее чем-то еще, и ненавидела себя за то, что мне было все равно. Он был придурком. Она могла иметь его.

— Что за задержка? — Терренс, у которого было морщинистое лицо броненосца, смотрел на Клэр так, будто она сама виновата в задержке. — Ваш клиент опаздывает на тридцать пять минут.

— Я считаю, что мистер Миллер сглаживает разногласия с мисс Гиспен перед встречей. Это не должно занять много времени. — Клэр ослепительно улыбнулась, наслаждаясь очевидным нетерпением Терренса. Она села перед нами. При ближайшем рассмотрении я решила, что Кристиан определенно общался с этим персоналом. Она была

по-журнальному красива.

Через пятнадцать минут вошли Кристиан и Аманда Гиспен. К тому времени собрание опоздало почти на час. Я посмотрела на время на своем телефоне. У нас с Джиллиан была назначена встреча с потенциальным клиентом в Бруклине менее чем через два часа. Из-за дождя и пробок я никак не могла успеть вовремя.

— Простите за опоздание. Нам с мисс Гиспен пришлось еще раз просмотреть заявления о предварительном посредничестве. — Ухмылка Кристиана была так ослепительна, такой добродушной, что не было абсолютно никаких шансов, что этот человек не нуждается в глубоком, длительном психологическом лечении. Кто получал такое удовольствие от рассмотрения дела о сексуальных домогательствах? Даже фиктивных? Юрист. Вот кто. Мой отец предупреждал меня о них. Адвокаты, а не психопаты, хотя и тех, и других следует по возможности избегать. Как человеку, которому за свою жизнь пришлось иметь дело с множеством адвокатов, он мог сказать о них только плохое. Конрад Рот принадлежал к той школе, которая считала, что тонкая грань между юристами и преступниками — это возможность и стипендия. Он страстно ненавидел юристов. Я быстро начала понимать, почему.

— Все в порядке, Кристиан, дорогой. — Посредник тепло похлопала его по руке. Ну дерьмо. У него уже было то преимущество, что его любили и уважали. Аманда Гиспен и Клэр Лесавой тоже с обожанием смотрели на него.

Кристиан сидел прямо передо мной. Я не сводила глаз с Аманды, которую знала всю свою жизнь. Неверяще моргая, я пыталась примирить человека, с которым я выросла, и женщину передо мной.

Было трудно переварить то, что она была женщиной, которая подсовывала мне печенью, когда я пряталась за ее столом в те дни, когда папа брал меня на работу. Это она дала мне книгу о птицах и пчелах, когда мне было двенадцать, потому что моя мать относилась к моей сексуальности как к единорогу, который никогда не появится. Тот самый человек, который сидит здесь и требует от папы оплаты за то, чего он не делал.

Посредник начал с краткой презентации того, что можно ожидать в ходе процесса. Я бросила взгляд на папу, который выглядел бледным, и его слегка укачивало. Мой отец всегда был больше, чем жизнь. Видеть его таким было ошеломляюще. Когда нам впервые позвонили по поводу обращения Аманды в суд, реакция моей матери была, мягко говоря, странной. Я ожидала хлопанье дверью, крики и театральную постановку. Вместо этого она восприняла эту новость с тихой покорностью. Она отказалась снова обсуждать эту тему и, конечно же, заказала двухнедельное уединение на Багамах, чтобы уйти от всего этого. Она никогда не была ни партнером для него, ни матерью для меня.

Папа нуждался во мне. Сейчас больше, чем когда-либо.

Я сунула свою руку в его руку под столом и нажала.

— Я с тобой, — прошептала я.

Оглянувшись вперед, я заметила, что Кристиан наблюдает за нашим разговором, его челюсть дергается.

В чем, черт возьми, теперь его проблема?

Посредник закончила объяснять процедуру.

— Пусть запись покажет, что нас совершенно не впечатлил ваш метод игр разума, а именно опоздание на час. — Луи что-то нацарапал на полях лежащего перед ним документа, имея в виду Кристиана.

— Пусть запись покажет, что мне насрать на то, что вы обо мне думаете, — ответил Кристиан, привлекая к себе все взгляды в комнате.

У папы отвисла челюсть. Аманда повернулась, чтобы посмотреть на Кристиана, ее лицо было искажено ужасом. Даже Клэр выглядела немного бледной. Кристиан, казалось, скучал по социальным сигналам, удобно устраиваясь на своем месте.

— А теперь, если мы можем продолжить.

Каждый из адвокатов выступил со своими показаниями. Посредник объяснил, что сейчас мы собираемся предложить мировое соглашение и обсудить его наедине в разных комнатах. Папа сказал мне, что не собирается опровергать жалобу Аманды по совету своих консультантов. Луи и Терренс думали, что это заставит Аманду ударить еще сильнее. Меня это не радовало, но я также ничего не знала о случаях сексуальных домогательств и просто хотела покончить с этим. Со стороны пиара я знала, что правильное и не правильное не всегда одно и то же. Правильнее было бы заставить это уйти по-тихому, даже если тебе придется проглотить свою гордость и заплатить мошеннице вроде Аманды.

Через час стало очевидно, что я не успею на встречу с Джиллиан. Любая приблизительная цифра, которую Луи и Терренс придумали и передали посреднику, тут же отвергалась торжественным Кристианом Миллером еще до того, как затащил своего клиента в отдельную комнату, чтобы обсудить это. Спина отца изогнулась вперед, как у креветки. Он покачал головой и недоверчиво закрыл глаза. Мы никуда не торопились.

— Я ничего в этом не понимаю, — сказал мне папа, бледный как привидение. — Чего она добивается? Если мы подадим в суд, пострадают все. Она должна это знать.

— Не волнуйся, папа. Она знает правду. Она не пойдет в суд. — Я погладила его по руке, но он не выглядел убежденным.

Я осторожно сунула свой телефон под стол и написала Джиллиан, что не поеду на нашу встречу в Бруклине. Моя лучшая подруга ответила быстро.

Не беспокойся об этом. Удачи Конраду. Держи меня в курсе. ХО

— Мы утомили вас, мисс Рот? — Кристиан протянул. Я чуть из кожи не выпрыгнула и ударилась коленом о стол. Внутренне я закричала от боли. Внешне я ухмыльнулась.

— Забавно, что вы спрашиваете, мистер Миллер. Ответ да, на самом деле. Вы меня особенно утомили.

Он нацелился на меня с тех пор, как я вошла в здание Ван Дер Хаут. Я поняла, что это был бизнес и что он брал с Аманды Гиспен целое состояние, которое ему нужно было как-то оправдать, но не за мою спину.

Кристиан щелкнул костяшками пальцев, не сводя с меня глаз.

— Мои извинения. Мисс Лесавой, не могли бы вы принести мисс Рот экземпляр «Us Weekly»? Возможно, она настроена на хорошую литературу.

Я скрестила руки на груди, встретившись с ним взглядом.

— Пусть это будет «Enquirer», мисс Лесавой. И можно мне, например, аудиOVERсию? Я не очень хорошо разбираюсь в словах. — Я выбрала самый тупой, самый воздушный тон, какой только могла издать.

— Возможно, вы двое могли бы заняться словесной прелюдией после того, как мы закончим переговоры, — отругал меня Луи. — Адвокат, я...

— Положите телефон на стол, мисс Рот, — рывкнул Кристиан, глядя на Луи, и его глаза впились в меня с открытой ненавистью.

Что, черт возьми, не так с этим человеком?

Настала очередь папы повернуть голову и посмотреть на меня. Надменная улыбка тронула мои губы.

— Извините, мистер Миллер, я пропустила записку, где вы являетесь моим начальником?

— Арья, — потрясенно прошипел папа. — Пожалуйста.

Глаза Кристиана сузились.

— Я предлагаю тебе послушать своего отца и положить трубку. Мое время стоит денег.

— Разозлить тебя стоит выставления счета, — возразила я. — Я даже добавлю иностранную валюту и немного биткоинов, если это означает, что ты будешь страдать.

Кристиан издал металлический смешок.

— Ты не изменилась.

— Прошу прощения? — отрезала я. Его улыбка исчезла через секунду.

— Я сказал, что тебе нужно измениться.

— Это не то, что ты сказал. У меня есть уши.

— У тебя также есть рот. И это тот орган, который тебе, кажется, нужно больше контролировать.

— Кто тебя воспитал? — Я мог сказать, что мои глаза были широко раскрыты и дики.

Он отбросил лежавшие перед ним документы в сторону.

— Никто, мисс Рот. Хотите услышать историю моей жизни?

— Только если у него трагический и внезапный конец.

Ну- ну. Это сошло с рельсов очень быстро.

Папа положил руку мне на запястье, его глаза умоляли.

— Что на тебя нашло, милая?

Наконец, я положила телефон на стол, чувствуя себя немного нехорошо. Я не могла оторвать глаз от Кристиана. Его бирюзовые радужки сверкнули на меня. Было в них что-то пугающее.

Переговоры продолжались еще двадцать минут, в течение которых я (горько) молчала. Каждый раз, когда нам казалось, что мы куда-то движемся, мы натыкались на блокпост. Наконец, Терренс потер свой вспотевший лоб.

— Мистер, я не понимаю. У вас репутация адвоката, который улаживает дела вне зала суда, но вы отказываетесь от каждого нашего предложения.

— Это потому, что я считаю, что это должно быть передано в суд. — Кристиан откинулся на спинку кресла, поправляя темно-бордовый галстук, который, как ни прискорбно, прекрасно смотрелся с его бледно-серым жилетным костюмом. Значит, это было правдой. Дьявол носил Прада.

— Тогда зачем вы нас сюда пригласили? — Нижняя губа Луи задрожала от ярости.

— Я хотел ознакомиться с комнатой. — Кристиан рассматривал свои идеальные квадратные ногти, выглядя как угрюмый, избалованный принц, которому до смерти скучно.

— Ознакомиться? — пробормотал Терренс одновременно с тем, как заговорил мой отец, впервые с начала собрания. — Вы не можете всерьез хотеть подать на это в суд! Это станет цирком...

— Мне очень нравятся цирки. — Кристиан поднялся на ноги, застегивая костюм (ага, определенно Прада). Клэр и Аманда последовали его примеру, встав по обе стороны от неггерным гаремом. — Красочный. Полный развлечений. Сладкий попкорн и сладкая вата. Что вам не нравится в цирке?

— Ни один из нас не нуждается во внимании СМИ. — Папа поднялся. Кончики его ушей были красными, все лицо покрывала пленка пота. Я удерживала себя от ярости, зная, что сейчас мне нужно быть холодной и расчетливой.

— Говорите за себя, мистер Рот. Мне очень нравится, когда меня видят.

— Это может стать очень грязным и очень рискованным для всей нашей карьеры. — Настала очередь Терренса предупредить.

— Наоборот, мистер Рипп. Моя будет процветать в результате. На самом деле, я думаю, это принесет мне главное место в этой самой фирме.

И вот так Кристиан и Аманда исчезли. Клэр и посредник остались, чтобы поговорить с папой и его адвокатами. Я ничего не могла с собой поделаться. Я встала и бросилась в коридор вслед за Кристианом. Он проводил Аманду в свой кабинет. Когда он заметил, что я иду, он кивнул ей, чтобы она ждала его внутри, и остался, засунув кулаки в карманы брюк. Он прислонился к стене.

— Уже скучаешь по мне?

— Зачем ты это делаешь? — Я резко остановилась перед ним. Мои эмоции были изношены, запуганы. Все красные провода. Ненависть, раздражение, желание и раздражение. Мужчина вывел меня из равновесия, чего не могли сделать даже мои пятидюймовые туфли на шпильке.

Кристиан постучал по губам, делая вид, что обдумывает это.

— Давай посмотрим. Потому что я собираюсь стать намного богаче и еще более знаменитым в своей области благодаря бесхребетной спине твоего отца? — Он спросил. — Ага. Должно быть, это так.

Мои кулаки сжались по бокам, все мое тело гудело от ярости.

— Я ненавижу тебя, — прошептала я.

— Ты меня утомила.

— Ты мерзкий человек.

— Ах, но, по крайней мере, я мужчина. Твой отец — слабак, который прихватил свой посох и теперь должен страдать от последствий. Отстой, когда твои деньги не могут вытащить тебя из беды, а?

Я испустила нечто среднее между лаем и хихиканьем.

— Мистер Миллер, по крайней мере, имейте порядочность, чтобы не притворяться, что вы не родились среди удачливых и сомнительных угрызений совести.

Что-то прошло по его лицу. Это было кратко, но это было там. Я бы сказала, что задело нерв, но сомневаюсь, что у этого человека он был.

— У вас есть ноги, мисс Рот?

— Ты знаешь, что да. Ты взял за правило пялиться на них в лифте.

— Я предлагаю тебе использовать их сейчас и прогуляться, прежде чем охрана выпроводит тебя. Тогда единственный огонь, который тебе придется тушить, — это тот, который губит вашу карьеру.

— Это еще не конец, — предупредила я, главным образом потому, что в кино это звучало очень хорошо.

— Я полностью согласен и советую тебе обратиться от него, пока он не взорвался на тебя.

Затем этот ублюдок захлопнул дверь своего кабинета перед моим носом.

Ошеломленная, я вернулась в конференц-зал. К тому времени, когда я пришла туда, папа и его адвокаты уже уехали.

— Мои извинения, мисс Рот. Через двадцать минут в этой комнате запланирована еще одна конференция. — Клэр ядовито улыбнулась мне, собирая свои документы. — Я сказала им, что они могут подождать вас в вестибюле внизу. Вы ведь не возражаете?

Я так же натянуто улыбнулась.

— Нисколько.

Я направилась прямо к лифту с высоко поднятой головой и нетронутой улыбкой.

Кристиан Миллер погибнет, если последним, что я сделаю, будет затащить его в бездну ада.

***

— Они в деле, и они любят нас больше, чем Оскар любит Салли Филд. — Позже этим же вечером Джиллиан шлепнула подписанный контракт на тумбочку у моей кровати и начала немного танцевать. Я была похоронена под пуховым одеялом, все еще прячась от мира после катастрофического дня в Cromwell & Трауриг. У меня в голове промелькнуло тошнотворное видение моего отца, стоящего в зале суда, сморщенного до бумажных кусочков самого себя.

Моя семейная жизнь всегда была сложной. Я потеряла своего брата-близнеца еще до того, как смогла узнать его поближе. Мои воспоминания о матери на протяжении всего моего детства были вращающейся дверью посещения реабилитационного центра и пропущенных дней рождений, выпускных церемоний и других знаковых событий, а также множества публичных кризисов. Папа был единственной константой в моей жизни. Единственный человек, на которого я могла положиться, который не урезал хорошую зарплату из-за того, что был рядом со мной. От мысли, что он собирается пройти через что-то настолько умственно изматывающее, как публичное судебное разбирательство, мне захотелось кричать.

— Ю-ху. Арья? Ари? — Моя подруга потеряла мне спину, нависая над моей фигурой. — Ты чем-то заболела?

Я застонала, стягивая одеяло до талии и поворачиваясь к ней лицом. Джиллиан ахнула, прикрывая рот рукой.

— Ты плакала?

Я прислонилась спиной к изголовью. Мои глаза были размером с теннисный мяч, но я думаю, что слезы, энергия и проклятия закончились пару часов назад.

— Аллергия, — пробормотала я.

Тонкие брови Джиллиан дернулись. У нее был сводящий с ума цвет кожи Кардашьян после обработки фотошопом, кудрявые черные волосы и глаза цвета ириски. Ее платье из лилового твида было взято из моего шкафа.

— Что сказали клиенты? — Спросила я.

Джиллиан и я учредили Brand Brigade, нашу консалтинговую фирму по связям с общественностью, когда мы оба были на распутье. Джиллиан работала в некоммерческой организации в качестве специалиста по связям с общественностью, и к ней приставали все привилегированные придурки в ее офисе и за его пределами, что делало ее жизнь невыносимой, а ее тогдашнего бойфренда ревнивым, в то время как я интернировалась через две политические кампании, которые закончились в скандале и уничтожении соответственно, работали сорок пять часов в неделю и получали в основном комплименты.

В конце концов, мы обе решили, что с нас достаточно и мы могли бы добиться большего сами по себе. Это было четыре года назад, и мы никогда не оглядывались назад. Бизнес

процветал, и я гордилась своей способностью обеспечивать себя, даже если моя мать рассматривала это как акт неповиновения.

Теперь я делала то, что у меня получалось лучше всего — вытаскивала людей из огурцов, в которые они сами себя втянули. Потому что, как сказала Джиллиан, в этом мире всегда можно было рассчитывать на две вещи: налоговое управление, обналичивающее наши чеки каждое 15 апреля, и уникальный талант людей ошибаться.

— Они сказали, что нас наняли и что им понравилась презентация Real Bodies, которую ты сделала для Swan Soaps. — Джиллиан плюхнулась рядом со мной, схватила одну из моих подушек и прижала ее к своей груди. — Они хотят трехмесячный пробный запуск, но подписали контракт и заплатили аванс. Завтра они пройдутся по мелкому шрифту. Это огромная возможность, Ари. Stuffed — крупнейшая в мире компания по производству многоразовых подгузников.

Я охала и ахала по поводу того, что Джиллиан заполучила этого клиента, но мое сердце было не на месте. Оно все еще кровоточило по всему известняковому полу офиса Кристиана Миллера.

Джиллиан ударилась своим плечом о мое.

— Ты расскажешь мне, что случилось? Потому что мы обе знаем, что аллергия была просто предлогом, чтобы я могла поговорить о сделке.

Не было смысла хранить секреты от Джиллиан. У нее были инстинкты агента ФБР и способность чують чужь с далеких континентов.

— Дело папы будет передано в суд.

— Ты шутишь. — Она запрокинула голову назад, и ее рот сложился в букву «О».

— Хотелось бы.

— О милая. — Джиллиан выкатилась из моей постели и через несколько минут вернулась с двумя бокалами красного вина. Она сняла каблуки и выбросила их в коридоре. — Обещай мне одну вещь — не заморачивайся. У них нет ничего на твоего отца. Ты сама так сказала. Мы раскрутим это дело на пиар-золото и сделаем так, чтобы он выглядел ангелом, которым на самом деле является папочка Конрад. — Она протянула мне один из стаканов, который, как я заметила, можно было использовать как ведро, и он был полностью полон.

Я сделала глоток, моргая на невидимую точку на моей стене.

— Должна ли я изучить это подробнее? — Я ворчала, в основном про себя. — Я имею в виду, если ты отбросишь тот факт, что этот человек — мой отец, обвинения против него будут довольно грубыми.

Джиллиан яростно покачала головой.

— Эй, я выросла с тобой, помнишь? Бывала у тебя дома каждый день с младших классов. Я знаю Конрада. Он тот парень, который возит тебя в Клойстерс каждый месяц, который дал своей секретарше годовой оплачиваемый отпуск, когда она родила. Алло? Кого волнует, что говорит Аманда Гиспен?

Я хотела взять каждое слово, сказанное Джиллиан, и запечатлеть его на своей плоти.

— Если Аманда солгала, зачем ей идти в суд? — Я играла адвоката дьявола.

— Потому что он ей отказал? Потому что у них что-то было, и он разорвал их отношения? — предложила Джиллиан. — Может быть сто разных причин. Люди постоянно увековечивают драму. Аманда может говорить все, что хочет.

— Под присягой? — Я сделала еще глоток вина. — Ей может грозить тюремный срок,

если ее поймают.

— Она может, но это маловероятно. Я просто не вижу у этой штуки ног, Ари. — Джиллиан утешительно улыбнулась мне. — Он будет в порядке.

Я прикусила губу, мои мысли перескакивали с полных ненависти глаз Кристиана на выражение лица отца, полное боли, смущения и недоверия.

— Кстати, я терпеть не могу адвоката, который представляет интересы Аманды Гиспен.

— Юристы точно не известны как лабрадоры профессионального мира. — Джиллиан бросила на меня сочувственный взгляд типа «тебе лучше знать».

— Да, но этот дерьмовый пирог из семи ярусов, Джилли.

— Кто это? — Джиллиан стучалась пальцами ног о мои по одеялу, как это делал Ники, когда мы были детьми, читая книги под моим библиотечным столом. Задумчивая улыбка тронула мои губы. О, Ники.

Я вспомнила тот день, когда позвонила личному сыщику папы и попросила его найти Ники. Чтобы убедиться, что он в порядке. Это был первый звонок, который я сделала после того, как мне исполнилось восемнадцать. Я заплатила сыщику деньгами, которые сэкономила летом на продаже туристической атрибутики.

Николай мертв, Арья.

За откровением последовало отрицание, гнев, слезы и мини-срыв. Знаете, чтобы завернуть все это в красивый бант. Полицейский объяснил мне, что такова природа зверя. Что такие дети, как Ники, часто проваливаются сквозь щели системы. Что он, вероятно, умер от передозировки, или в ножевой драке, или в результате вождения в нетрезвом виде. Но я хорошо знала Николая, и он не был каким-то сопляком, который замышлял что-то нехорошее. Трудно было поверить, что он больше не живет на том же кусочке голубого неба, под которым жила я.

— Просто самый бесящий человек на планете Земля, — простонала я в свой стакан.

— У самого бесящего человека на планете Земля есть имя? — спросила Джиллиан.

— Обычное, — фыркнула я. — Кристиан Миллер. Или как я предпочитаю называть его — воплощение Люцифера.

Джиллиан обрызгала мое твидовое платье и одеяло красным вином, подавившись смехом.

— Повтори?

— Я предпочитаю называть его Люци...

— Да, я поняла эту часть. Как его зовут?

— Кристиан Миллер, — раздраженно повторила я. — Кстати, спасибо, что испачкала мои простыни из египетского хлопка. Ты мой друг.

Джиллиан встала, бросилась в гостиную и вернулась с глянцевым журналом, который я не узнала, потому что, вопреки убеждению Кристиана, я не читала никаких сплетен или модных журналов (хотя в этом не было ничего плохого).

Она перелистывала страницы, пока не нашла то, что искала, а затем с триумфом помахала им перед моим лицом. Я узнала Кристиана через опухшие глаза, смотрящего в камеру в лихом смокинге, с сексуально растрепанными волосами, с ухмылкой, обещающей хорошее времяпрепровождение и неприятный разрыв.

— На что я смотрю? — спросила я, как будто моя способность использовать зрение испарилась где-то за последние пять секунд.

— Прочитай заголовок.

— Тридцать пять до тридцати пяти: выявлены самые подходящие холостяки Нью-Йорка!

Отлично. Мало того, что он был богат, красив и твердо намерен разрушить мою семью; его также все знали в городе, который мы делили. Я просмотрела детали.

Имя: Кристиан Джордж Миллер.

Возраст: 32 года.

Род занятий: судебный исполнитель в Cromwell & Трауриг.

Состояние: 4 миллиона долларов.

Рост: 187 см.

Женщина-мечта: Будет ли неполиткорректно, если я скажу, что предпочитаю блондинок? Глубокие карие глаза. Высокая и стройная. Научная степень — бонус. Обязательно кто-то серьезный. Увлекается вечеринками, хорошим вином и выбирает менее проторенные пути в жизни.

Я прижала к груди стакан с каберне, чувствуя себя атакованной. Женщина его мечты оказалась полной противоположностью мне. Как будто он создал ее, предвидя все, чем я не была.

Успокой свои сиськи, Ари. Он не отбрасывал тень. Он не знал о твоём существовании до шести часов назад.

— Я знаю, что мы должны его ненавидеть, но поскольку он проиграет это дело и получит гигантский кусок скромного пирога, не могла бы ты сказать мне, так ли он прекрасен в реальной жизни, как на картинке? — Джиллиан переместилась на моей кровати.

К сожалению, вблизи он выглядел еще лучше. Конечно, я не была достаточно любезна, чтобы признать это.

— Он отвратительный. Достойный бревна. — Я швырнула дурацкий журнал в мусорное ведро неподалеку, не удивившись, обнаружив лицо Кристиана, все еще ухмыляющегося мне с края упомянутого мусорного бака. Этот человек будет преследовать меня всю эту жизнь и, весьма вероятно, следующие четыре, если реинкарнация вообще существовала. — Это все фотошоп. Он похож на помесь людоеда и Ричарда Рамиреса.

— Ричард Рамирес уже много лет как мертв.

— Точно.

Джиллиан поджала губы, явно не купившись на это. В конце концов, она сказала:

— Ну, черт с ним, даже если он выглядит как полубог. Если он преследует твою семью, я тоже считаю его врагом.

— Спасибо. — Я сделала еще один глубокий вдох, чувствуя себя немного лучше после заявления об альянсе. По крайней мере, я лишила Кристиана Миллера возможности встречаться с одной из лучших женщин Манхэттена. Джилли была ловушкой.

— Просто для уверенности — значит ли это, что я могу найти его номер в LinkedIn? — Джиллиан пошутила.

Я ударила свою лучшую подругу по плечу.

— Предатель.

ГЛАВА 8

Арья

Прошрое.

Он был здесь.

Наконец-то.

Я поняла это по шагам. По тому, как они стучали по известняку. Уверенные, размеренные, точные. Его поддельные кроссовки поцеловали пол. Я закрыла глаза, прислонившись к книжной полке в библиотеке, мое дыхание порхало в груди, как бабочка.

Десять месяцев. Прошло десять долгих месяцев. Найди меня.

Укол острых ощущений прокатился по моему животу. Я никогда не делала этого раньше. Я сделала себя недоступной для Николая. Как бы мне ни хотелось ждать его у двери, как нетерпеливый щенок, готовый со всеми книгами и историями, которыми я хотела с ним поделиться, я не делала этого. На этих летних каникулах я хотела заново открыть себя. Быть загадочной и манящей, и все остальное, о чем я читала в книгах, что делает героинь достойными борьбы.

Я была в библиотеке, сжимая в руках черно-белую книгу «Искушение» Иэна Макьюэна в мягкой обложке, в мятно-зеленой атласной ночной рубашке. Я читала книгу в феврале, после того как ukrала ее из школьной библиотеки только что бы почувствовать, каково это — брать то, что не принадлежит мне, а затем каждый месяц с тех пор, как я ждала, чтобы рассказать об этом Ники. Даже если мы жили в одном городе, мы могли бы также жить в параллельных вселенных. Наши миры не соприкасались, наша жизнь вращалась вокруг разных школ, людей и событий. Только во время летних каникул мы столкнулись. Чтобы вселенная расцвела красками.

Несколько раз в течение года мне не терпелось послать ему письмо или электронное письмо или даже взять трубку и позвонить. Каждый раз мне приходилось отговаривать себя от уступа. Он никогда не искал меня в перерывах между летом — зачем мне это? Может быть, для него мы были не более чем убогой версией летнего лагеря. Может быть, мы даже не были друзьями. Всего лишь двое детей, проводящих лето в замкнутом пространстве, небрежно забытые взрослыми, которые нас создали.

Может быть, у него сейчас есть девушка.

Может быть, может быть, может быть.

Так что я ждала. Тушила книгу. Мариновалась в чувствах, которые она вызывала во мне. Они всегда возвращали меня к нему. Николаю. Мой Ники.

Шаги стали громче, ближе.

Я заправила мухомор за ухо, заставляя сердце биться медленнее. Я была влюблена в Николая Иванова с того первого дня на кладбище, просто я никогда не называла это чувство по имени. Только в этом году, когда все в школе стали объединяться в пары. Наличие парня каким-то образом в одночасье превратилось из постыдной вещи, которой занимаются только плохие девочки, в пик своего существования, и я отстала от этой тенденции. Ни одна из этих пар не общалась друг с другом в учебное время и не тусовалась, но у них был титул, и всякий раз, когда был выход в свет или день рождения, пары шептались друг с другом и целовались.

Поцелуи стали обрядом посвящения. Что-то, что нужно вычеркнуть из списка. В школе не было ни одного мальчика, которого я хотела бы поцеловать.

Единственные губы, которые я хотела бы ощутить на своих, были губы Николая.

Я перелистывала страницы «Искушения», но слова все время выскальзывали, как бы падая со страниц. Я была удивлена, что у моих ног не было кучи писем. Это было безнадежно. Пытаясь сосредоточиться на чем-то, что не было им.

А потом... блаженство. Тело Николая заполнило дверной косяк на моей

периферии. Дырявые туфли, джинсы, разорванные не там, где надо, и выцветшая рубашка с обтрепанными краями. С каждым годом он обострялся во что-то более красивое.

Я сделала вид, что не заметила его.

— Привет. — В уголке рта торчал незажженный окурок. Я размышляла, что бы подумала великая Беатриса Пот о том, что я хочу поцеловать мальчика, который запихивает в рот использованные с улицы сигареты. Наверное, не так уж и много, если честно. Пока я не принесла в дом болезнь, она не возражала бы, если бы я отпилила себе конечности в знак моды.

Я посмотрела вверх.

— Ой. Привет, Ники.

Его красота поразила меня, как молния. Два года назад он не был таким красивым. Каждое лето его черты оттачивались во что-то более мужское. Его челюсть стала острее, разрез между бровями стал глубже, а губы краснее. Но его глаза были его лучшей чертой. Точный, удивительный цвет голубого топаза. Он был высоким, гладким и стройным, и, прежде всего, обладал тем качеством, которому нет названия. Крутость ребенка, который знал, как постоять за себя. Как бороться за свое выживание. Меня тошнило от мысли, что у некоторых ребят он был два семестра в году. Чтобы любоваться, восхищаться, наслаждаться.

— Привет. — Он поднял глаза, ослепительно ухмыльнувшись, а затем снова обратил внимание на книгу. Я не могла дождаться, когда увижу его в плавках этим летом.

— Ты читал это? — Я прохрипела вопрос, мое лицо пылало.

Он покачал головой.

— Хотя слышал, что некоторые из них довольно непристойны.

— Ага. Но, типа, смысл книги не в этом.

— Поцелуй — это всегда цель всего. — Его глаза поднялись, чтобы встретиться с моими, и он позволил себе лихую ухмылку. Он вернул мне мою книгу. — Может, когда-нибудь я и попробую, если мистер Ван перестанет давать мне подержанные пентхаусы.

Я должна была сказать ему, о чем я думала весь год. То, что мне снилось ночью.

— Поздравляю, ты официально стал мерзким.

Он посмеялся.

— Я скучал по тебе.

— Ага. Я тоже. — Я накрутила прядь волос на указательный палец, чувствуя себя так странно в своем теле, как будто оно мне не принадлежало. — Я подумываю о том, чтобы взять уроки театрального искусства, теперь, когда я пойду в среднюю школу.

Я совершенно не собиралась, но мне нужна была убедительная предыстория.

— Круто. — Он уже бродил по комнате, открывая ящики в поисках новых, блестящих вещей для изучения. Мой дом был для Николая чем-то вроде тематического парка. Ему нравилось использовать зажигалки моего отца, скрещивать лодыжки на столах из красного дерева, делать вид, что он отвечает на важные звонки по старинному офисному телефону Toscano.

— Я подумала, может быть, мы могли бы переиграть часть книги. Ты знаешь, как практика, для моего прослушивания в сентябре.

— Переиграть что?

— Одну из пикантных сцен. В книге. Мне нужно сделать что-то рискованное для моего прослушивания.

— Рискованное? — пробормотал он, выдвигая ящики и засовывая в них руки.

— Да. Они не возьмут меня, если я дам им что-нибудь обычное.

О чем, черт возьми, я говорила? Даже я понятия не имела.

— Насколько непристойно? — Он был слишком рассеян, пытаюсь что-нибудь украсть.

Я схватила книгу и пролистала ее, прежде чем остановиться на странице 126 и передать ему. Он перестал рыться в ящиках. Его взгляд упал на текст. Я затаила дыхание, пока он читал. Когда он закончил, он вернул его мне, и я спрятал его в библиотеке позади себя.

— Ты ведь шутишь, правда?

Я покачала головой, мой пульс едва не выпрыгнул из кожи.

Николай замер. Его взгляд переместился с одного из ящиков стола на мой, недоверие коснулось его глаз. В них было знание. Непочтительность и раздражение. Я хотела воссоздать ту сцену в библиотеке, где Робби прижимает Сесилию к полке и целует ее так, будто настал конец света. Потому что для него это так.

Каждый волос на моих руках встал дыбом. Я не хотела плевать на собственные туфли. В то же время казалось, что я собираюсь сделать именно это.

— Мы просто поцелуемся, — уточнила я, изображая зевок. — Никаких других странных вещей, ясно.

— Просто поцелуй?

— Эй, это ты только что сказал мне, что все начинается и заканчивается поцелуем. — Я подняла руки, сдаваясь.

Его губы изогнулись в легкой ухмылке. Мое сердце свободно упало на пол.

— Ари, ты обыскала винный шкаф своего старика? — Ники стер маленькое пространство между нами. Он провел пальцем по раковине моего уха. Дрожь пробежала по мне. — Мы не можем целоваться. Если, конечно, ты не хочешь, чтобы наши родители убили меня.

— Ты имеешь в виду нас.

— Неа. — Он вынул сигарету из-за уха и пожевал окурок, не останавливая руки и рот. — Под присмотром папы Конрада тебе сойдет с рук практически все. Вина всегда лежит у ног бедняги со смешно звучащим именем. Разве ты не заметила тему во всех классических произведениях, которые мы читали прошлым летом?

— Я никому не скажу. — У меня сдавило горло. Полный камешков. Внезапно отказ обрел вкус, запах, тело. Это было живое, дышащее существо, и жало его кулака обожгло мне щеки. Я даже не могла злиться на Ники. Я была неохотным наблюдателем все время, когда мой отец, моя мать и Руслана бросали угрозы, как стрелы, в воздух, нацеленные на Ники.

Не смей прикасаться к ней.

Сделай шаг назад, сынок.

Николай, а тебе не надо помогать маме с посудой?

— Я знаю; дело не в том, что я тебе не доверяю, — согласился Ники. — Дело в том, что я не доверяю своей удаче. Если они как-нибудь узнают, подключено ли это место к проводам или что-то в этом роде..... Ари, ты знаешь, что я не могу.

Это было нежно, но окончательно. Тема закрыта. И хотя я понимала его, я также злилась на него, потому что он по-прежнему был уравновешен в отношении нас, тогда как я была логична, как грузовая шина, когда дело касалось его. Желчь в моем горле катилась на дюйм вперед ко рту. Но я не была такой девушкой. Я гордилась тем, что была именно такой, какой хотел меня видеть Ники. Я смотрела боевики, играла в мяч и говорила «чувак» по крайней мере пятнадцать раз в день.

— Эй, мы идем купаться или как? — Ники обхватил пальцами маленький хрустальный шар на полке позади меня и сунул его в карман. Он делал это часто, и я никогда не возражала. Может быть, потому, что я знала, что он никогда не возьмет то, что мне дорого. — Я тренировался в бассейне YMCA весь год. Приготовься к тому, что тебя раздавят, девочка с серебряной ложкой.

Острый укус за моими глазами сказал мне, что у меня есть три секунды, может быть, пять, прежде чем слезы начнут капать.

— Чувак. — Я фыркнула. — Кто сейчас под кайфом? Я собираюсь покончить с тобой. Дай мне надеть купальник.

— Встретимся у двери в пять.

Я развернулась и ушла, закрыв за собой дверь спальни, затем полезла за своим купальником в ящик стола, порезав при этом большой палец. Я истекала кровью, но ничего не чувствовала.

Я сосала кровь, глядя в зеркало и тренируя свою лучшую, самую яркую улыбку.

Это был мой первый урок юности.

С разбитым сердцем справлялись осторожно. В закоулках твоей души. Внешне я была сильной. Но внутри — я сломалась.

***

После соревнований по плаванию, в которых Ники действительно меня уничтожил, я избегала его всю первую неделю летних каникул.

Я делала это небрежно. В один день планировала сходить с друзьями в Сакс, в другой пошла в библиотеку. Я даже дошла до того, что присоединилась к маме и ее скучным друзьям на поздний завтрак.

Но Ники по-прежнему приходил каждый день с решительным стоическим выражением лица человека, который хотел, чтобы наша дружба продолжалась. И каждый день я придумывала что-то еще, чтобы сделать. Что-то, что не включало его в мои планы.

Я знала, что наказываю его за то, что он не поцеловал меня, пусть и окольным путем. Руслана заставляла его помогать ей по дому, чтобы занять его. Она давала ему несколько перерывов каждый день, которые он проводил на балконе гостиной, примыкающем к террасе моей спальни. Прыгать между балконами было выполнимо, но рискованно. Стекланный барьер был слишком высоким, поэтому приходилось перелезть через перила и висеть на краю небоскреба три фута, пока не переберешься на другую сторону.

Однажды в первую неделю, когда Руслана выносила мусор, а я только что вернулась с очередной бессмысленной прогулки, чтобы избежать его, Ники поспешил к стеклянному окну между нами и прижал к нему руки. Я сделала то же самое, мгновенно притянута к нему, как магнитом.

— Ты наказываешь меня? — спросил он без тени гнева в голосе.

Я недоверчиво рассмеялась.

— И зачем мне это?

— Ты точно знаешь, зачем.

— Вау, Ники. Сильно раздутое эго?

Он бесстрастно изучал меня. Я чувствовала себя самой большой идиоткой в мире. Он попробовал другую тактику.

— Мы до сих пор друзья?

Я бросила на него сочувствующий взгляд, который ненавидела. Так смотрели на меня популярные девушки в школе, когда я говорила что-то занудное или непристойное.

— Это нормально, если я не хочу проводить с тобой все лето, ты же знаешь.

— Полагаю так. — Он так внимательно смотрел на меня, что мне казалось, что он раздевает меня по части моей лжи, по одному пункту за раз. — Но, похоже, ты не хочешь провести со мной ни минуты.

— Хочу. Я поплаваю с тобой завтра. О, подожди. — Я щелкнул пальцами. — Я пообещала папе, что пойду к нему в офис и помогу его секретарям с документами.

— Я проигрываю в подшивке документов? — Его глаза вспыхнули.

— Как угодно, Ники. Это опыт работы. В любом случае, нам обоим следует подумать о том, чтобы найти работу на лето в следующем году. Мы слишком стары для этого.

Он сузил глаза, переводя взгляд с перил на меня. Я покачала головой. Я не хотела, чтобы он умер. Я имею в виду, ладно, может быть, немного, потому что он отверг меня, и это было больно, но я знала, что не выживу, если с ним что-нибудь случится.

— Не пересекай барьер, — предупредила я. У меня было ощущение, что мы говорили о гораздо большем, чем просто перила.

Но он сделал шаг. Вот-вот переступит. Я вздрогнула.

Мать позвала его вернуться. Он улыбнулся.

— Для тебя, Арья, я мог бы.

***

И он сделал.

После девяти мучительных дней, перемежающихся выходными, полными криков в подушку. Я зашнуровала кроссовки, готовясь к бесцельному блужданию по Манхэттену во второй половине дня, чтобы избежать встречи с ним. Руслана отсутствовала, покупала продукты, а мои родители были на работе и на уроке тенниса соответственно. В доме было тихо, если не считать Фифи, ши-тцу, которая громко лаяла на новую статую, которую Беатрис выиграла на аукционе в минувшие выходные. В этой собаке было бесконечное количество милоты и глупости.

Боковым зрением я заметила движение на своей террасе, а когда повернула голову, чтобы лучше рассмотреть, то увидел, что Ники висит между жизнью и смертью.

Я вскочила с кровати и побежала на балкон.

— Дурак! — Я плакала, мое сердце билось пять тысяч раз в минуту.

Но Ники был гибким и спортивным, он прыгнул в безопасное место и уже отряхивал руки, прежде чем я открыла балконную дверь.

— Ты мог умереть! — Я толкнула его в свою комнату, за перила.

— Не повезло, принцесса с серебряной ложкой.

Я ненавидела и наслаждалась этим прозвищем в равной степени. Раскопки раздражали, но он назвал меня принцессой.

— Ну, я могла быть голой!

— Мне могло повезти, — мягко ответил он, закрыв за нами дверь и прислонившись к комоду, скрестив лодыжки. Его лицо выглядело мягким, но напряженным. Как картина маслом. Я хотела плакать. Это было несправедливо, что он не был моим. И было несправедливо, что даже если бы он мог быть им, нам всегда приходилось бы держать это в секрете. — Нам нужно поговорить, приятель.

То, как он произнес слово «приятель», подсказало мне, что он больше не считает меня

ТАКОВЫМ.

— Поторопись. — Я встречаюсь с друзьями через полчаса.

— Нет, не встречаешься.

Скрестив руки на груди, я уже была в обороне. Я чувствовала себя глупо. До сих пор мы с Ники были родственными душами. Связаны невидимой связью. Двое забытых детей в большом городе. Несмотря на то, что мы были из разных слоев общества, у нас было так много общего. Теперь все казалось неправильным. Он одержал верх. Он знала, что я люблю его таким. Баланс сместился.

— Слушай. — Он потер затылок своих обсидиановых волос. — Я сошел с ума, ясно? Не то чтобы я не хотел тебя целовать. Просто мне бы очень хотелось, чтобы мои яйца были целыми к тому времени, когда я пойду в старшую школу, и... ну...

— Ты не можешь гарантировать, что это произойдет, если мой папа застанет нас вместе, — закончила я за него.

Он улыбнулся, улыбка, которая говорила мне, что ему плевать на то, что мой отец думает о нем, только на последствия, которые могут последовать, если он пойдет ему наперекор.

— В двух словах, да.

Я сделала шаг вперед, опустив руки по бокам.

— Я знаю, что мой отец чрезмерно опекает меня. Это дело Аарона...

— Нет, — решительно сказал Ники. — Это история богатого и бедного мальчика.

— Папа не такой, — запротестовала я.

— Он именно такой, с половиной. Честно? Если бы ты была моей дочерью, я бы тоже не хотел, чтобы ты была рядом со мной.

Его убежденность говорила мне, что нет смысла пытаться убедить его в обратном.

— В любом случае, я бы никогда не предложила, если бы думала, что нас поймают. Мне жаль. Я был глупой. И безрассудной. И...

— Арья?

— Да?

— Я еще не закончил говорить.

— Ой. — Невидимая лента затянулась вокруг моей шеи. — Извини. Эм, продолжай.

— Как я уже сказал, если бы ты была моей дочерью, я бы не хотел, чтобы ты была рядом со мной. — Он сделал паузу. — Но поскольку ты не моя дочь, я решил, что твоя театральная штучка стоит того, чтобы рискнуть. Не потому, что хочу тебя поцеловать, — он предостерегающе поднял палец, — а потому, что не хочу лишать мир новой Мерил Стрип.

Все в моем теле содрогнулось.

— Эй, я тоже не хочу тебя целовать. Но я хочу стать актрисой.

Я должна была чувствовать себя хуже, чем я чувствовала себя из-за этой лжи. В конце концов, мое желание стать актрисой было сродни моему желанию стать цирковым клоуном. То есть, не совсем. Или не совсем. Но так или иначе, я говорила себе, что цель оправдывает средства.

— Я ожидаю два билета на любой фильм, в котором ты будешь сниматься, когда вырастешь. И лимузин, который будет ждать у моего дома, чтобы отвезти меня туда. — Ники все еще покачивал пальцем.

— Лимузины немного устарели.

— Мои яйца, мои правила.

— Что еще?

— Лучше бы это был не плохой фильм. Если ты сыграешь Деми Мур в «Ничего, кроме неприятностей», клянусь Богом, Ари, я умываю руки перед тобой навсегда.

У меня вырвался сдержанный смех.

— Отлично. — Я убрала выбившиеся пряди волос с лица. — Я пришлю лимузин и заставлю тебя гордиться, если ты пообещаешь привести девушку не красивее меня в качестве свидания.

— Во-первых, это не переговоры. Я тот, кто берет на себя весь риск. Во-вторых полегче. — Он покачивался на носочках, немного смущенный. — Я действительно не знаю никого столь же красивого, как ты.

Тишина между нами вдруг стала тяжелой. Полная вещей, которые мы слишком боялись сказать. Он прочистил горло.

— А еще, если ты не составишь мне компанию, мама заставит меня вычистить твой потолок. Так что тебе лучше таскать задницу из этой комнаты, или вся эта сделка провалится.

Бездыханная истерия охватила мое тело. Это происходило. Николай Иванов собирался меня поцеловать.

— Подожди меня в библиотеке, — приказала я.

— Ладно. — Он повернулся, чтобы уйти.

— О, и Ники?

Он остановился, но не обернулся.

— Если ты снова перепрыгнешь через перила, тебе не нужно беспокоиться о том, что ты упадешь. Я убью тебя сама.

***

Он стоял ко мне спиной, когда я вошла в библиотеку.

Что-то заставило меня остановиться на пороге и впитать в себя вид этого мальчика, которого я любила, глядя на Нью-Йорк, раскинувшийся перед ним, руки сцеплены за спиной, стойка прямая, вид не менее мощный, чем у города, который ежедневно пожирал мечты и надежды.

Мне вдруг стало до ужаса ясно, что Николай собирается куда-то ехать, и где бы он ни был, он не собирается брать меня с собой. Он не мог позволить себе багаж. Его последней остановкой был не Хантс Пойнт.

— Твой папа уже здесь? — спросил Ники, по-прежнему стоя ко мне спиной.

Я вошла внутрь, мягко щелкнув дверью.

— Сегодня вечером у него мероприятие по сбору средств. Сказал, что не вернется до обеда. Горизонт чист.

Мои колени были как желе. Я проверила время еще до того, как пришла сюда. Было четыре часа дня. Моя мама была на другом йога-ритрите, за океаном. Руслана могла возвращаться из продуктового магазина, но она всегда давала о себе знать, когда знала, что мы вместе. Стучала кастрюлями, пылесосила в коридоре, громко разговаривала по телефону. Она не хотела нас ловить на случай, если мы что-то делаем не так. Знание пришло с ответственностью.

Ники развернулся на каблуках, его лицо было серьезным и решительным, как будто он собирался отправиться в камеру смертников. Я знала, что он делает это для меня. Часть его — большая его часть, я полагаю, — боялась целовать меня. Я могла бы все

отменить. Избавить его от дискомфорта.

Но я была недостаточно хороша.

Недостаточно добродетельна.

Папа говорил, что угрызения совести — это драгоценности нищего. Что мне не следует утруждать себя моралью. «Мы платим слишком много налогов, чтобы быть хорошими», — однажды рассмеялся он.

Я скользнула к одной из полок от пола до потолка, прижалась к ней спиной и закрыла глаза. Мне казалось, что я играю, так что, по крайней мере, эта часть не была ложью. Не в тот момент. Звук его шагов эхом отдавался за моей грудной клеткой. Тепло его тела говорило мне, что он рядом.

Когда он остановился прямо передо мной, мои глаза открылись. Он был так близко, что я не могла рассмотреть его лицо целиком. Только эти бирюзовые глаза, которые мерцали, как выкопанная часть океана. Интересно, выгляжу ли я такой же потерянной, как он? Он выглядел таким испуганным. Таким... не сексуальным.

— Это мой первый поцелуй. — Мой голос прозвучал слащаво и извиняющимся тоном. Чужой для моих ушей.

— Мой тоже. — Он прикусил нижнюю губу. Розовый оттенок на его щеках делал все более драгоценным. Я хотела поглотить этот момент, как сочный персик. Почувствовать его сладкие, липкие соки на своем подбородке.

— О, хорошо. Я почти уверена, что мне это не по плечу. — Я хихикнула.

— Невозможно, — серьезно сказал он, и я почему-то ему поверила.

Он наклонился, чтобы поцеловать меня, и промахнулся. Наши лбы неловко столкнулись. Мы отстранились и захихикали. Он попытался еще раз, на этот раз ладонями по бокам моей шеи и направляя свой рот к моему. Его губы были горячими и мягкими, со вкусом табака, кубиков льда и мальчика. Мы оба держали глаза открытыми.

— С тобой все в порядке? — пробормотал он мне в рот. Над верхней губой виднелась тонкая полоска волос, смоченная слюной. Он еще не успел побриться в первый раз. Мое сердце забарабанило в груди. Я надеялась, что он всегда будет помнить об этом. Девушка, которая поцеловала его раньше всех.

Я кивнула, поймав его губы своими.

— Угу.

— Хорошо, — прошептал он. — Черт, ты красивая.

— Ты сказал, что я некрасивая. Много лет назад. — Мы целовались. Говоря. Держа друг друга.

— Ложь. — Он покачал головой, его губы все еще изучали мои. — Ты есть и всегда будешь красивой.

Мое сердце взлетело. Он снова поцеловал меня, переплетая свои пальцы с моими с обеих сторон. Это все еще было неловко, но я отбросила чувство стеснения в сторону. Эйфория от поцелуя едва не вызвала у меня тошноту. Мне нравилось не само ощущение, а то, что я испытывала его вместе с ним. Осознание того, как сильно он рискует ради меня, воспламенило мою душу. В моей груди появилась боль, которая разворачивалась, как маленький листок бумаги. Расширяясь и увеличиваясь с каждой прошедшей секундой.

— Убери свои грязные руки от моей дочери!

Следующие несколько вещей произошли быстро. В одну секунду тело Ники было прижато к моему, а в следующую он уже лежал на полу, свернувшись калачиком из толстых

книг в твердом переплете, а фигура моего отца присела над ним, сжимая кулаком воротник его рубашки.

Раздался удар — звук удара кожи о кожу. Мое зрение затуманилось по краям.

— Я должен был знать... ты, маленький уб ...

Я не дала папе закончить предложение. Я бросилась на него, отдергивая его от Ники за руку.

— Папочка! Пожалуйста!

— ...разрушит твою жизнь. — Папа поднял его с пола уже за воротник, ударив Николая спиной о полки. На них обоих посыпались новые книги, но ни один из них не обратил на это внимания. Лицо папы было красным, почти багровым, а Ники выглядел вызывающе, выражение его лица было пассивным. Он не пытался отрицать или объяснять, что произошло. Не струсил. Он собирался довести это дело до конца, как и все остальное в его жизни.

Еще один удар отправил лицо Ники в полет, и на этот раз, по трещине, я поняла, что отец сломал ему нос.

Руслана ворвалась в дверь библиотеки с метлой. Я попыталась прыгнуть между папой и Ники, оторвав папины пальцы от его горла. Я была растеряна, расстроена и больна до тошноты. Я никогда не видела, чтобы мой отец был жестоким. Он всегда был нежным и любящим со мной, компенсируя все недостатки моей матери.

— Что тут происходит? — взвизгнула Руслана. Когда она увидела багровое лицо своего сына, смотрящего на моего отца, она прыгнула между ними, оттолкнув папу метлой в руках.

— Прочь! Слезьте с него! — взревела она. — Вы убьете его, и тогда я буду той, кто должен ответить властям.

Это было то, о чем она заботилась прямо сейчас? Действительно?

— Твой грязный, глупый сын прикоснулся к моей Ари. Я вернулся домой пораньше, чтобы захватить новый галстук перед сбором средств и...

— Боже! — закричала Руслана, повернувшись к сыну, который в этот момент представлял собой груды перемешанных конечностей, крови и опухшей плоти. — Это правда? Я сказала тебе не трогать ее!

Ники смело вздернул подбородок.

— Скажите что-то! — спросила она.

Ники повернулся к моему отцу, улыбаясь. Его десны кровоточили.

— У нее был приятный вкус, сэр.

Мой отец ударил его тыльной стороной ладони, используя кольцо братства, чтобы пролить еще больше крови. Лицо Ники переместилось в другую сторону. Его щека ударилась о полку. Это все было на мне. Моя вина. Я хотела сделать так много вещей.

Сказать ему, что мне жаль.

Сказать, что я не знала, что папа придет.

Чтобы помочь ему.

Объяснить все папе, Руслане. Мне нужно было спасти это. Чтобы защитить его.

Но слова застряли у меня в горле. Как шарик рвоты, блокирующий мои воздухопроводы. Мой рот открылся, но ничего не вышло.

Он не виноват.

— Иди в свою комнату, Арья, — прорычал мой отец, подходя к открытой двери и наклоняя голову в сторону коридора. Я не двигалась сначала. — Иди, черт возьми!

А потом я подумала о том, как изменится моя жизнь, если папа решит быть таким, как мама. Пренебрегать мной, смотреть в другую сторону, относиться ко мне так, как будто я очередной предмет мебели.

Шокирующе — постыдно — я двигалась, мои ноги были тяжелыми, как свинец.

Я все еще чувствовала взгляд Николая на своей спине. Жар предательства. Ожог от осознания того, что меня никогда не простят.

Что вещи уже никогда не будут прежними.

Что я потеряла лучшего друга.

ГЛАВА 9

Кристиан

Настоящее время.

Я сразу ее узнал.

Лебединая шея. Неземной взгляд Авы Гарднер и кошачьи зеленые глаза. Арья с каждым годом становилась все изящнее и элегантнее. В тринадцать лет она была красивой. В тридцать один — настоящей сногшибательной. Даже ее невинный ореол, ощущение чего-то целого и недосягаемого, потрескался, но все еще был цел. Она светилась с расстояния в несколько миль, и мне хотелось погасить ее великолепие. Приглушить ее свет и утащить ее с собой в тень.

Когда я заметил ее на стойке регистрации здания, я не мог поверить своему счастью. Она решила присоединиться к падению отца и занять первое место. Я понятия не имел, что она там делала. Моей немедленной реакцией было поговорить с ней. Узнать, узнала ли она меня. Имел ли я когда-нибудь значение. Или я был просто помощником, который украл ее первый поцелуй и заплатил за него с процентами.

Она понятия не имела, кто я такой. Ничего удивительного. Я всегда был вспышкой в ее мире. Неважный анекдот. Необходимость наказать ее, показать ей, что эта новая версия меня не может быть упущена из виду или спрятана в заведение, которое никто не видит и не достает, ударила в меня. Я не смог остановить себя.

Не из-за ненормативной лексики посреди посреднической встречи, как рэпер D-класса.

Не из-за отказа от любой предложенной компенсации, включая аппетитную восьмизначную сделку.

Не от жажды съесть ее лицо. Как будто я был все тем же четырнадцатилетним мальчишкой с зажатым носом, борющимся за крохи ее внимания, поглощающим ее в любой форме, которую она бросит в мою сторону.

Я сделал глоток виски, наблюдая за горизонтом Манхэттена из своей квартиры на Парк-авеню. Это была двухкомнатная, но вся моя, полностью оплаченная. Я всегда предпочитал качество количеству.

— Ты идешь спать? — спросила Клэр позади меня. Я мог видеть ее отражение в стекле моего окна от пола до потолка, прислонившегося к дверному косяку моей спальни, одетую только в мою белую рубашку, ее обнаженные ноги были полностью выставлены напоказ.

— Минуту.

— Я здесь, если тебе нужно поговорить, — предложила она. Но говорить с Клэр было бесполезно. Она бы меня не поняла. Она никогда этого не делала.

Я ненавижу тебя, сказала мне Арья сегодня днем в моем кабинете, и по тому, как дрожала ее нижняя губа, как много лет назад, когда она говорила об Аароне, я понял, что она

имела в виду именно это.

Хорошая новость заключалась в том, что я тоже ненавидел ее и был слишком рад показать ей, как сильно.

Ты мерзкий человек.

С этим пришлось согласиться. Особенно после того, как я взялся за это дело.

С тихим рычанием я швырнул стакан с виски на стеклопакет, наблюдая, как золотистая жидкость расплескивается по стеклу и стекает на пол, где мерцающие осколки хрустала ждали, чтобы их подобрал тот, кто убрал это место.

Это был человек, которым я стал.

Человек, который даже не знал имен людей, которые работали в его квартире.

Настолько оторванный от реальности, в которой я вырос, что иногда я задавался вопросом, было ли мое раннее детство реальным.

Потом я вспомнил, что единственное, что меня отделяло от Николая, это деньги.

Арья Рот собиралась заплатить самой дорогой для нее валютой.

Ее отец.

***

Через несколько дней это было повсюду. Подача жалобы Аманды Гиспен в окружной суд США по Южному округу Нью-Йорка. Как только КСРТ уведомил нас о праве на подачу иска, я отправил жалобу в офис клерка. Национальные газеты были повсюду. Новостные каналы опубликовали эту историю, сделав ее первым заголовком. Мне пришлось взять Uber домой и проскользнуть через гараж, чтобы избежать прессы. Клэр и я были вместе для этого дела. Родители Клэр прислали в офис огромный букет цветов, чтобы отпраздновать ее помолвку.

— Они очень хотят встретиться с тобой, когда папа приедет из Вашингтона. — Клэр сбросила бомбу, когда я похвалил ее за цветы. — Это на следующей неделе. Я знаю, что у тебя есть показания в среду и четверг...

— Извини, Клэр. Этого не случится.

Аманда была строго предупреждена не говорить ни с кем об этом. Она ушла из сети, переехав к своей сестре. Я не хотел, чтобы Конрад Рот или его токсичная дочь тянули за ниточки. В ту ночь, впервые за почти двадцать лет, я спал как младенец.

ГЛАВА 10

Кристиан

Прошлое.

После этого было много горячего гнева.

Горячего, бессильного, какого черта я делаю с этим.

На Арию, которая, вероятно, подставила меня, чтобы ее отец поймал нас, и в результате практически разрушила мою жизнь.

И на Конрада Рота, несносного, оскорбительного, дерьмового миллиардера, который думал (нет, зачеркните это, знал), что ему сойдет с рук то, что он сделал со мной, точно так же, как ему сошло с рук все остальное.

И в какой-то степени даже на маму, от которой я перестал ожидать многого, но которая каким-то образом умудрялась удивлять меня каждым предательством, большим или маленьким.

Но ничего общего с этим гневом не было. Это было похоже на большое жирное черное

облако, парящее над моей головой. Недостижимый, но все же реальный. Я не мог отомстить Арье — у нее был Конрад. И я не мог отомстить Конраду — у него был Манхэттен.

После того, как Конрад нанес свой последний удар, мне удалось поспешно и окровавленно сбежать от Ротов. Я залил кровью весь пол автобуса и привлекал неловкие взгляды даже ньюйоркцев, которые привыкли практически ко всему. Я, спотыкаясь, вернулся в свою квартиру и только там обнаружил, что у меня нет ключа. Он остался у мамы в Ротгах и, вероятно, прожег дыру в ее сумочке, пока она оттирала кровь сына с блестящих мраморных полов.

Так что я нашел временное решение для моей ярости.

Я выбил деревянную дверь.

Один, два, три раза, прежде чем мои суставы начали кровоточить.

Снова и снова и снова, пока не проделал дыру в дереве и переломы в костях.

И еще, пока дыра не стала достаточно большой, чтобы я мог просунуть в нее окровавленную руку и открыть дверь изнутри. Мои пальцы были в два раза больше своего первоначального размера и загибались. Неправильно.

Я подумал, что дело в сломанных вещах.

Они были более открытыми, их было легко взломать.

Я поклялся исправиться очень быстро и положить свои чувства к Конраду и Арье Рот в карманы.

Я вернусь к ним позже.

***

После этого я не мог оставаться в Нью-Йорке. Так сказала мама.

Правда, мне она этого не говорила. В конце концов, я был просто бесполезным ребенком. Скорее всего, она поделилась этой информацией со своей подругой Светой во время громкого телефонного разговора. Ее визгливый голос разнесся по маленькому зданию, сотрясая черепицу на крыше.

Я слышал только обрывки разговора снизу, где меня швырнуло на обитый пластиком диван Vans, прижимая к челюсти пакет с замороженным горошком.

— ... убьет его... сказал, что я дала ему обещание, я дала... думала о том, как это называется? Учреждение для несовершеннолетних?... сказала, чтобы он не трогал девочку... может, в школу какую-нибудь... никогда не заводи детей, Света. Никогда не заводи детей.

Жак, дочь миссис Ван, семнадцати лет, гладила меня по волосам. Мне повезло, что мистер Ван был там, доставив мне свой потрепанный пентхаус, когда мама выгнала меня, иначе мне негде было бы сегодня ночевать

— У тебя сломан нос. — Длинные ногти Жак царапали мой череп, вызывая мурашки по спине.

— Я знаю.

— Черт. Теперь ты больше не будешь красивым.

Я попытался улыбнуться, но не смог. Все было слишком пухлым.

— Черт, а я рассчитывал на этот заработок.

Она смеялась.

— Как ты думаешь, что теперь со мной будет? — спросил я не потому, что думал, что она знает, а потому, что она была единственным человеком в мире, который разговаривал со мной.

Жак размышляла:

— Я не знаю. Но, честно говоря, Руслана кажется немного дерьмовой мамой. Она вероятно, избавится от тебя.

— Ага. Возможно Ты права.

— Надо было держать язык за зубами, любовник. Эй, тебе кто-нибудь говорил, что у тебя красивые ресницы?

— Ты пристаешь ко мне? — Я бы выгнул бровь, но это снова открыло бы рану.

— Может быть.

Я застонал в ответ. Я зарекся от девушек на всю жизнь после сегодняшнего дня.

— Твоя мама когда-нибудь подстригала тебе ресницы, чтобы они стали гуще?

Я покачал головой.

— Моя мама никогда не была настолько дерьмовой, чтобы поменять мне подгузник, наверное.

Это была моя последняя ночь в Нью-Йорке за несколько лет.

На следующий день мама постучала в дверь «Вэнса» и бросила мои скудные пожитки в багажник такси.

Она даже не попрощалась. Просто сказала мне держаться подальше от неприятностей.

Меня отправили в Академию Эндрю Декстера для мальчиков на окраине Нью-Хейвена, штат Коннектикут.

Все из-за одного глупого поцелуя.

ГЛАВА 11

Кристиан

Прошлое.

Она собиралась прийти. Она должна была.

Я больше не смел мечтать. Во всяком случае, не часто. Но я сегодня я мечтал.

Может быть, потому что было Рождество, и какая-то часть меня — пусть и маленькая — все еще верила в праздничную чепуху, которой нас кормили с ложечки, когда мы были детьми. Я не был хорошим христианином, даже если напярчь воображение, но на улице говорили, что Бог проявил милость ко всем своим детям, даже к несчастным.

Ну, я был ребенком, и мне чертовски нужен был перерыв. Это было его время, чтобы выполнить свое обещание. Чтобы показать, что он существует.

Я не видел маму шесть месяцев. Дни приходили и уходили в шквале домашних заданий и команды по плаванию. На свой пятнадцатый день рождения я купил себе на заправке расфасованный кекс и загадал желание дожить до следующего дня рождения живым. С тех пор как меня отправили с Манхэттена, я не получил даже полусотенного телефонного звонка с вопросом "как дела, жив ли ты". Только одно скомканное письмо два месяца назад, испачканное дождем, отпечатками пальцев и неопознанным соусом, в котором она написала мне своим фирменным курсивным почерком.

Николай,

Мы проведем Рождество в моей квартире. Я возьму напрокат машину и заберу тебя. Жди меня у входа в четыре часа 22 декабря. Не опаздывай, иначе я уйду без тебя.

— Руслана

Это было безлично, холодно; на похоронах можно было найти больше энтузиазма, но я все равно был в восторге от того, что она помнила о моем существовании.

Постучав своими дырявыми туфлями о бетонную лестницу у двустворчатого входа

Эндрю Декстера, я взглянул на часы. Рюкзак был зажат между моих ног, а все мои мирские пожитки были в нем. Ожидание времени, чтобы идти вперед, напомнило мне обо всех случаях, когда я ждал маму на кладбище возле дома Арьи. Только вот у меня не было симпатичной девушки, с которой можно было бы провести время. Та конкретная хорошенькая девушка оказалась ничем иным, как мешком со змеями. Я надеялся, что где бы Арья Рот ни была в эти дни, карма трахала ее долго и упорно, без презерватива.

Пинок в спину вырвал меня из ментального тумана. Ричард Роджерс — Дикки для всех, кто его знал, — подкрепил этот жест, щелкнув меня по затылку, когда он мчался вниз по лестнице к ожидающему черному «Порше», остановившемуся перед входом в школу-интернат.

— Мама!

— Милый! — Его светская мать вышла из пассажирской двери с распростертыми объятиями, на ней было достаточно натурального меха, чтобы укрыть трех белых медведей. Мой одноклассник бросился в ее объятия. Отец ждал за рулем, мрачно улыбаясь, как ребенок на воскресной службе. Трудно было поверить, что Ричард, претендовавший на славу, пукая алфавит подмышкой, был достоин любви этой горячей женщины. Мать Дикки отстранилась, чтобы получше рассмотреть его, обхватив его лицо своими наманикюренными руками. Мое сердце дрогнуло и дернулось, как пойманный червь. Было больно дышать.

Где ты, черт возьми, мама?

— Ты так хорошо выглядишь, любовь моя. Я приготовила тебе твой любимый рассыпчатый пирог, — проворковала мать Дикки.

Мой желудок заурчал. Им нужно было убраться отсюда и перестать блокировать дорогу. Ричард запрыгнул в машину и уехал.

Она придет. Она сказала, что будет. Она должна.

Прошел еще час. Ветер усилился, небо из серого стало черным. Мамы по-прежнему не было видно, а моя и без того пошатнувшаяся уверенность рассыпалась, как черствый пирог, который уборщик подsunул мне в комнату на следующий день после Дня Благодарения, потому что знал, что я единственный ребенок, оставшийся на территории школы.

Четыре часа и шестнадцать шлепков по спине и «увидимся в следующем году» спустя, было темно и морозно, снег падал с неба толстым и пушистым, как ватные шарики.

Озноб не регистрировался. Ни тот факт, что мои дырявые мокасины промокли насквозь, ни то, что две слезы, выскользнувшие из моего правого глаза, замерзли на полпути. Единственное, что мне запомнилось, так это то, что мама подставила меня на Рождество и что, как обычно, я был один.

Что-то мягкое и пушистое упало мне на голову. Прежде чем я успел обернуться, чтобы посмотреть, что это такое, мальчик, которого я знал из команды по плаванию, Риггс, плюхнулся на ступеньку рядом со мной, подражая моему жалкому предчувствию.

— Как делишки, Иванов?

— Не твое дело, — прошипел я, срывая красную бархатную шляпу с головы и швыряя ее на землю.

— Это слишком заносчивое отношение для человека, который весит сорок фунтов. — Симпатичный ублюдок присвистнул, оглядывая меня.

Я повернулся, сильно ударив его по руке.

— Ох. Дерьмо. Зачем ты это сделал?

— Заткнись к черту, — прорычал я. — Почему еще?

Что он вообще здесь делал?

— Умри в аду, — весело ответил Риггс Бейтс, находя ситуацию бесконечно забавной.

— Уже, — ответил я. — Я здесь, не так ли?

Академия Эндрю Декстера была католическим учреждением для мальчиков прямо посреди сельской местности Коннектикута. Он был построен в 1891 году железнодорожным финансистом. Предполагалось, что он станет роскошным отелем номер один на Восточном побережье, но из-за финансовых неудач строительство было приостановлено на несколько лет, прежде чем кучка богатых новичков, стекавшихся из Европы после Первой мировой войны, бросила на него деньги, пихая в это место нескольких священников, учителей и их проблемных отпрысков. Одним из этих священников был Эндрю Декстер, и именно так появилась школа-интернат номер один для мальчиков в Штатах.

Не было никакого способа приукрасить это — Академия Эндрю Декстера была дерьмовой дырой. Чтобы добраться до ближайшего 7-Eleven, нам пришлось пройти десять миль в одну сторону. Мы были изолированы от мира, и не зря. В этом месте жили одни из самых отъявленных подростковых придурков в стране. Положительный момент: на случай зомби-апокалипсиса у нас будет буфер, прежде чем за нами придут пожиратели мозгов.

Было очевидно, что мама не придет. Тем более, что это Рождество я собирался провести в одиночестве, как и предыдущее. В прошлый раз единственным человеком, составлявшим мне компанию, был садовник, который в основном проверял, чтобы я не покончил с собой. И я не покончил. Вместо этого я читал и распечатывал хорошие примеры заявлений в колледж. Целью было стать миллионером. Если все идиоты вокруг меня и их родители были — почему я не мог?

— Какого черта ты вообще здесь делаешь? — Я обхватил руками колени, глядя на Риггса.

Он поднял одно плечо.

— У меня нет семьи, помнишь?

— Вообще-то я не помню. — Я изогнул бровь. — Следить за твоей задницей — не мое любимое хобби.

Я почти никогда не разговаривал с Риггсом или кем-либо еще в школе. Общение с людьми приводило к привязанности к ним, а ни одна часть меня не хотела привязываться. Люди были хлипкими.

— Ага. Мой дедушка, который меня вырастил, на прошлое Рождество избавился от кислородной привычки.

— Дерьмо. — Я пошевелил пальцами ног в мокасинах, пытаясь избавиться от онемения. Я начал чувствовать холод. — Ну, я уверен, что ты можешь купить нового дедушку или что-то в этом роде, — предложил я. Ходили слухи, что в нем плавал Риггс.

— Неа. — Риггс, казалось, прохладно относился к моим раскопкам, хотя я заслуживал того, чтобы меня за это выпороли. — Оригинал был незаменим.

— Это отстой.

Риггс пыхтел конденсатом изо рта от холода, пытаясь создать кольца дыма.

— Рождество — худший праздник в мире. Мы должны защитить его. Если я когда-нибудь открою благотворительный фонд, он будет называться «Убить Санту».

— Не жди жирных пожертвований.

— Ты удивишься, Иванов. Я могу быть довольно убедительным, а богатые люди любят тратить деньги на глупости. У дедушки было сиденье для унитаза из чистого золота. Раньше

я ел королевские кости. — Он цокнул, глядя куда-то вдаль. Ностальгия.

— Значит, ты не едешь домой на праздники? — спросил я, медленно отпуская надежду на то, что мама придет, и переваривая то, что сказал Риггс. — Подожди минуту. Тебя не было здесь во время каникул на День Благодарения.

Риггс хихикнул.

— Ага. Арсен и я отправились в поход в лес, когда никто не видел. Мы разожгли костер и закусили, и... эээ, устроили небольшой, в основном случайный пожар.

— Это был ты? — Мои глаза вылезли из орбит. После этого был целый день здоровья и безопасности, и мы все коллективно заземлились на выходные.

Риггс гордо просиял, выпятив грудь.

— Джентльмен не горит и не рассказывает.

— Ты только что рассказал.

— Ага. Мы полностью разожгли этот пожар. Но вкусняшки того стоили, чувак. Пушистые и сладкие. — Он поцеловал пальцы.

— Так где сейчас Арсен? — Я огляделся, как будто он собирался материализоваться из-за сосен. Я действительно не знал Арсена Корбина, но я слышал, что он был чертовски умен и что его семья владела чертовой кучей модных кварталов на Манхэттене.

— Наверху готовит макароны с сыром с кусочками бекона и немного рамена на кухоньке. Он послал меня за этим. — Риггс сунул руку в щель между курткой на молнии и шеей и вытащил фляжку. — Из кабинета директора Плат. Потом я увидел твою жалкую задницу на лестнице и решил дать тебе знать, что мы здесь.

— У Арсена тоже нет семьи? — Узел надежды застрял у меня в горле. Было приятно осознавать, что я не один такой. И плохо тоже, потому что, по-видимому, взрослые были просто мусором.

— О, у него есть семья. Он просто ненавидит их. У него серьезные разногласия со сводной сестрой или что-то в этом роде.

— Круто.

— Не для него.

— Он всегда мог игнорировать ее и бездельничать в своей комнате.

— Эх, не думаю, что это так просто. — Риггс наклонил фляжку в мою сторону, предлагая сделать глоток. Мои глаза переместились с серебряного сосуда на его лицо.

— Плат нас убьет, — сказал я лаконично. Я знал, что Конрад Рот вложил много денег в этот институт, чтобы гарантировать, что меня никогда не выгонят из особняка из красного кирпича с привидениями. Сюда отправляли всех детей, которые били учителей, проматывали семейные состояния или подсаживались на наркотики. Теперь мы все были проблемой директора Плата, а не тех, кто нас сюда отправил.

— Нет, если мы сначала убьем себя. Что, для протокола, я думаю, мы могли бы, между приготовлением Арсена, количеством алкоголя, которое мне удалось заполучить, и пожарами, которые мы разожгли. Ты идешь или че? — Риггс встал, его распущенные золотистые волосы упали ему на глаза.

Это был первый раз, когда я увидел Риггса Бейтса потрясающим человеком, каким он считал себя, а не каким-то богатым придурком, который думал, что он лучше всех остальных.

Я бросил еще один нерешительный взгляд на пустую дорогу.

— Не надо, Иванов. Люди переоценены. Родители, особенно.

— Она сказала, что придет.

— И я сказал, что не ел домашнюю лазанью Дикки на прошлой неделе. Тем не менее, два часа спустя я гадил листьями макарон и баклажанами в общей ванной.

Я сжал колени и приподнялся, следуя примеру Риггса.

— Да брось. — Он хлопнул меня по спине. — Есть что-то освобождающее в осознании того, что они тебе не нужны. Люди, которые создали тебя.

Может быть, выпал снег, и она застряла где-то без связи.

Может быть, она опоздала из-за предпраздничных пробок.

Возможно, она попала в ужасную автомобильную аварию.

Что бы это ни было, одно было точно.

Она не пришла.

***

Макаронны с сыром Арсена были ужасны. Комковатые и неравномерно приготовленные, с шариками апельсинового порошка повсюду. Его рамен вызывал желание пить отбеливатель, а я даже не знал, что можно испортить рамен. И все же мы были здесь, ели несвежий рамен быстрого приготовления, плавая в чем-то подозрительно похожем на мочу из пенопластовых стаканчиков. Риггс смешал все, что было во фляге, с Тропиканой, что придало ему разбавленный, но резкий привкус средства для мытья посуды. Это, должно быть, было тусклым светом в моей жизни. Если бы Бог действительно существовал, я собирался подать в суд.

Мы втроем сидели на кровати Арсена. Это была койка. Мы сели на нижнюю часть, используя верхний матрас его соседа по комнате Саймона, чтобы подпереть наши ноги.

— Мне нравится то, что вы сделали с этим местом. — Риггс провел деревянными палочками по комнате. У Арсена была целая стена, на которой он тысячу раз нарисовал граффити аккуратным, черным и жирным почерком:

Я ненавижу Грейслин Лэнгстон. Я ненавижу Грейслин Лэнгстон.

— Кто такая Грейслин Лэнгстон? — Я проглотил кусок макарон с сыром, не попробовав его.

— Злая сводная сестра Арсена, — добавил Риггс, положив лапшу в рот. Я все еще пытался пользоваться палочками для еды. Было множество вещей, которые богатые дети умели делать, а я нет. Использование палочек для еды было одним из них.

Арсен бросил на меня смертельный взгляд, его карие глаза просканировали меня с ног до головы. Я мог сказать, что он не в восторге от меня. Риггс был парнем с покладистым характером, но Арсен, похоже, не горел желанием расширять свой круг общения, в который на данный момент входил только Риггс.

— Ты уверен в этом, чувак? — спросил Арсен Риггса. — Мы ничего о нем не знаем.

— Это не правда. Мы знаем, что он очень беден и хорошо плавает. — Риггс рассмеялся, но каким-то образом я не мог обидеться на то, что сказал этот парень. В нем не было злобы, чего я не мог сказать об Арсене.

— А если он расскажет о фляжке? — Арсен говорил напрямую с Риггсом, не обращая внимания на мое существование.

— Взгляни на него. Он выглядит так, будто может навредить кому угодно? Я бы не доверил ему убить таракана. Он не расскажет о фляжке. — Риггс отмахнулся от него. —

Так. Арсен. Как ты относишься к Грейслин Лэнгстон? И, пожалуйста, не сдерживайся. — Риггс хихикнул в свою пенопластовую чашку с глутаматом натрия и канализационной водой.

— Я бы убил ее, если бы она стоила того, чтобы тратить на нее пулю, — выдавил Арсен, не сводя глаз с еды. — Из-за нее я провожу Рождество с вами, придурками.

— Опять не это. — Риггс зевнул. — Либо признайся в том, что с ней случилось, либо перестань ныть о ней.

— Это ты спросил. — Арсен пнул Риггса по голени. — Эй, а этот парень вообще умеет говорить или что?

— Я могу говорить, — отрезал я, помешивая лапшу в своей чашке. Я просто не хотел. На самом деле, сказать было особо нечего.

— Я внесу поправку. Можешь ли ты сказать что-нибудь интересное? — Арсен пригвоздил меня взглядом.

— Сделай ему поблажку. Его мать его подставила, — объяснил Риггс.

— Облом. — Арсен облизнул зубы. — Так какова твоя история, счастливчик?

— Что ты имеешь в виду? — Я нахмурился.

— Как ты оказался в этой тюрьме для подростков? Никто не приходил сюда добровольно.

Заставив себя оторваться от еды, я встретил его взгляд.

— Попался на драке с дочерью миллиардера. Это мое наказание. Не видел маму больше года. Не знаю, увижу ли я когда-нибудь снова.

Только когда я сказал эти слова, я понял, что искренне не знаю, увижу ли я ее когда-нибудь. Арсен погладил подбородок, обдумывая это. Он выглядел так, будто мог убить кого-то по-настоящему. В то время как у Риггса был неряшливый, милый вид, который очень нравился девушкам.

— Кто виноват? — спросил Арсен. — В том что тебя поймали. — Он поставил свою пенопластовую чашку на пол, схватил мою и сделал то же самое. Он открыл ящик тумбочки и достал укусные чипсы и немного попкорна. Он открыл оба пакета, и я облегченно вздохнул.

— Это имеет значение? — Я спросил.

— Жизнь имеет значение? — Арсен поморщился. — Конечно, это важно. Месть держит человека на плаву. Если есть виноват, есть расплата.

Я думал об этом.

— Значит, это была ее вина. — Я подобрал себе горсть попкорна. — Чем больше я думаю об этом, тем больше это похоже на подставу. Ее отец вошел через секунду после того, как я коснулся ее губ своими.

— Определенно подстава. — Риггс кивнул, громко жуя чипсы, скрестив ноги. — Она хоть была горячей?

— Хм-м. — Я потер подбородок, желая, чтобы Арья материализовалась в моем воображении. Мне не нужно было больше, чем думать о ее имени, прежде чем я ясно увидел ее. Ее болотные глаза и полный рот. — Да, я полагаю.

— Твоя догадка недостаточно хороша. Покажи нам, — потребовал Риггс.

— Как?

— У нее должны быть социальные сети.

— Держу пари, что есть, но у меня нет компьютера, — сказал я. Это была половина правды. У меня был компьютер, но древнего типа. Тот, на котором я едва мог использовать

Word. Даже потому, что Академия Эндрю Декстера требовала, чтобы у нас были компьютеры.

Арсен достал из своего кожаного рюкзака новенький ноутбук и протянул мне.

— Вот. Воспользуйся «MyFriends». Просто введите ее имя.

— У тебя есть «MyFriends»? — Я посмотрел на него скептически. Все, что я знал об Арсене Корбине, это то, что он был злым гением, который почти не посещал никаких занятий, но каким-то образом получалось так, что заканчивал каждый год с отличием. В то время как Риггс проводил время, пытаясь убить себя, лазая по деревьям, прыгая между крышами и ввязываясь в драки, Арсен был больше из тех, кто собирал самодельные бомбы и продавал их в Интернете. Если подумать, они были странной парой. Вероятно, они были так близки только потому, что их свело вместе одиночество.

— В исследовательских целях.

— Ты имеешь в виду преследование.

Арсен пнул меня в бок ногой в носке.

— Я лучше тебя терпел, когда ты держал рот на замке.

Я набрал имя Арьи в строке поиска, чувствуя, как кончики пальцев становятся липкими. Я даже не знал почему. Я часто думал об Арье — в основном о плохом — но она мне больше не нравится или что-то в этом роде.

Улыбающееся лицо Арьи появилось в ленте, и я нажал на него.

— Не могу поверить, что ее аккаунт не является частным. — Голова Арсена чуть не ударила меня, когда он заглянул в экран. — Ее родители, должно быть, тупые как кирпичи.

— Ее мама немного пропала без вести. Она всегда в походе по магазинам. Я думаю, она ненавидела Арию за то, что она не умерла вместо своего брата-близнеца. А ее отец ничего не смыслит в этом дерьме. — Я начал пролистывать ее фотографии.

Как и предполагалось, Арья развлекалась, пока меня не было. Только за последние пару месяцев она публиковала фотографии с посещения зимнего бала в своей школе, катания на коньках в Рокфеллере, девичника с подружкой по имени Джиллиан и лизания мороженого на Багамах. Но изображение, на котором продолжали останавливаться мои глаза, было последним изображением, опубликованным всего четыре часа назад. Местоположение указано как Аспен, Колорадо. Арья стояла на горе снега, в полной экипировке для сноуборда, улыбаясь в камеру, рядом со своим отцом. Горячий как лава гнев, который зашевелился в моем желудке, был вызван не тем, как оба этих придурка развлекались, пока я застрял здесь, в приюте для проблемных детей. Я уже привык к тому, что меня обманывают. Это был человек позади них, который заставил мой пульс резко участиться. Женщина, которая стояла позади них.

Мама.

— Николай? — Риггс махнул рукой перед моим лицом. — Как продвигается этот психический срыв?

— Это она. — Я имел в виду маму, но они оба моргнули при виде Арьи, полностью сосредоточившись на младшей девочке.

— Ни хрена, это она. У нас есть глаза. Она довольно горячая, но не настолько, чтобы быть брошенной в Эндрю Декстера. — Риггс вытер щетину тыльной стороной ладони.

— Горячее, чем Грейслин, — выплюнул Арсен, как будто его сводная сестра была здесь, с нами, и могла обидеться. Я понял, почему он был зол. Все эти ублюдки жили своей лучшей жизнью, а мы трое остались позади, забыты.

— Нет. Я имею в виду мою мать. Она поехала с Ротами в отпуск в Аспен и даже не сказала мне, что изменила свои планы. Вот она. — Я увеличил ее.

Глупо было из-за этого злиться, учитывая все обстоятельства, и все же — какого хрена? Она не могла позвонить? Написать смс? Написать еще одно глупое письмо? Она не застряла в снегу, не попала в пробку и не попала в ужасную аварию. Она была прямо здесь, во плоти, снова и снова выбирая этих людей вместо меня.

Это сводило меня с ума. Как мало я значил для этой женщины.

Я задавался вопросом, был ли у меня когда-нибудь шанс. Если бы она отказалась от меня, потому что я всегда напоминал ей о моем неявившемся отце. Или если бы я сам все испортил.

Арсен хлопнул меня по спине. Это был первый раз, когда он прикоснулся ко мне. Что кто-то прикоснулся ко мне, правда, с тех пор, как Конрад выбил из меня дневной свет.

— Похоже, она та еще штучка. Она тебе не нужна. Ты никому не нужен.

— Каждому нужен кто-то, — заметил Риггс. — По крайней мере, так я читал в книгах по самопомощи, которые украл в библиотеке.

— Зачем ты их крадешь? — Я спросил.

Риггс запрокинул голову и рассмеялся.

— Что еще я должен использовать, чтобы свернуть самодельные косяки?

— Мне нужны люди, — услышал я свой собственный голос. — Я не могу пройти через это в одиночку.

Эта школа. Эта жизнь. Эта горечь пронзала мою кожу каждый раз, когда я думал о Конраде и Арье.

— Отлично. Тогда мы станем кем-то друг для друга. — Арсен оживился, позволив пакету с попкорном, который он держал, упасть на матрас. — К черту их. К черту наши семьи. Наши родители. Люди, которые обидели нас. К черту рождественские обеды, украшенные сосны, ароматические свечи и аккуратно завернутые подарки. Отныне мы будем друг другу семьей. Втроем. Каждое Рождество. Каждую Пасху. Каждый День Благодарения. Мы будем держаться вместе и, блядь, победим.

Риггс ударил Арсена кулаком. Арсен поднял кулак и протянул его мне. Я смотрел на него, чувствуя, что стою на пороге чего-то большого. Монументального. И Арсен, и Риггс выжидательно смотрели на меня. Я подумал о том, что Арья сказала много лет назад, в Мемориале на горе Хеврон, о том, что деньги — это еще не все в мире. Может быть, она все-таки была права. Эти дети были богаты и не казались счастливее меня.

Я поднял руку, и мой кулак коснулся руки Арсена.

— Молодец. — Риггс рассмеялся. — Говорил же тебе, что Николай один из нас.

И с этого момента я им и стал.

ГЛАВА 12

Кристиан

Настоящее время.

— Арья Рот, должно быть, хороша в постели, потому что она точно знает, как испортить повествование. — Клэр рикошетом швырнула газету на мой офисный стол в понедельник утром.

Я по уши погрузился в изучение документов, которые Аманда Гиспен прислала мне на выходных. Стадия обнаружения была решающей для железного дела. Я знал, что адвокаты

Конрада собирались в срок подать ходатайство о том, чтобы не принимать во внимание письмо с определением ЕЕОС. За выходные я настолько погрузился в материал, что мы с Клэр просмотрели доказательства, вместо того чтобы устроить праздник, как мы планировали. Единственное, что я был настроен трахать, это семья Рот, причем сильно.

Я взглянул на заголовок газеты, нахмурившись, в то время как Клэр прислонилась бедром к моему столу, нависая надо мной. На фото передо мной Конрад Рот обнимал детей в больнице. Судя по всему, он подарил каждому из них новенькую игровую приставку из множества, до которых большинство смертных не могло дотянуться.

... Рот пожертвовал 1500 консолей GameDrop детской больнице Дона Хокинса, а также щедрое пожертвование в размере 2 миллионов долларов...

— Это полный бред. — Я свернул газету и швырнул ее в мусорное ведро рядом со мной. Клэр вытащила свой телефон и провела пальцем по экрану.

— Сегодня на различных новостных сайтах появилось еще три положительных материала о Конраде Роте. Хэштег #NoRothDoing набирает популярность в Твиттере. Бывшие коллеги рассказывают о том, какой он хороший и профессиональный человек. Властные женщины. Арья Рот усиленно работает над имиджем папы.

Одно только имя Арьи заставило меня покрыться крапивницей. Женщине не просто удалось залезть мне под кожу; она зарылась мне в живот и разожгла там костер.

— #NoRothDoing — самый глупый хэштег, который я когда-либо слышал, и, к сожалению, я слышал их много.

— Я согласна, но это работает. — Клэр вздохнула. — Что мы будем делать?

— Ничего. — Я пожал плечами. — Я буду говорить в зале суда, перед присяжными, которые действительно имеют значение. Интернет-тролли не моя целевая аудитория.

— Должны ли мы быть более тактичными в этом вопросе? Может, напугать ее немного? — Клэр села на край моего стола, скрестив руки на груди. Я откатил кресло, чтобы между нами появилось немного места. Клэр была великолепной, амбициозной, обеспеченной двадцатисемилетней девушкой. Но она начала становиться обузой, желая, например, уехать на выходные и чтобы я познакомился с ее родителями. Я изложил правила, когда мы начали спать вместе, объяснив, что я так глубоко погрузилась в зону плейбоя, что не мог найти выход из нее в здоровые отношения с помощью карты, фонарика и GPS. Она сказала, что понимает, и, может быть, когда-то и понимала, но все усложнялось, а это означало, что мне осталось несколько дней до того, чтобы все разорвать.

— Ты хочешь, чтобы я начал говорить с журналистами категории В? Потому что предвзятое отношение к подсудимому — тактика третьего сорта.

— Я говорю, что Арья Рот подрывает наше дело.

— Нет. Она потеет, и от нее пахнет. Я не беспокоюсь о ней.

Но Клэр не ошиблась. Просматривая одну из статей на ее телефоне, я понял, что должен был принять во внимание, что Арья по-прежнему хитра, находчива и, что больше всего раздражает, талантлива в своем деле. К тому времени, когда стало известно о деле Конрада Рота о сексуальных домогательствах, Арья нашла сотню различных способов раскрутить его. Она также использовала все грязные приемы. Аманда Гиспен недавно развелась. Утверждается, что ее бывший муж изменял ей. Арья изображала Аманду мужчиноненавистницей. Горько отзывается о разводе, бывшем муже и вообще о противоположном поле. Недавно Аманда просрочила выплату по ипотеке — очевидно, из-за развода. Теперь таблоиды предположили, что она преследует своего бывшего работодателя,

чтобы попытаться быстро заработать. Что не могло быть дальше от истины,

Арья была тщательной и настойчивой и работала круглосуточно.

К несчастью для нее, я тоже.

— Клэр права. — Из-за двери донесся низкий тенор Траурига. Клэр быстро встала, поправляя юбку-карандаш. Трауриг оттолкнулся от моего дверного косяка, делая вид, что не видит, как она направляет свою внутреннюю Шэрон Стоун в «Основном инстинкте». — Мисс Рот может создать проблему. Ты должен следить за ней. Освещение в СМИ решает все. Ты должен это знать, малыш. Ты выиграл дело в офисе окружного прокурора, потому что был любимцем таблоидов.

Моя челюсть дернулась. Больше, чем Арья подрывала мое дело, Трауриг подрывал мой престиж, называя меня малышом. Он не стал бы давать Клэр такое же прозвище, нет. Это будет расценено как сексизм. Но я был еще одним альфа-самцом, которого он хотел поставить на место.

— Все под контролем.

— Все, что я хочу сказать, это то, что ты не можешь позволить себе проиграть это дело. На кону много. — Трауриг взял на себя роль Капитана Очевидность. Он имел в виду мой шанс стать партнером.

— Линия принадлежит мне, чтобы победить. Расслабься и наслаждайся коктейлем.

— Вот что я хотел бы услышать, малыш.

— И брось детское дерьмо.

Он рассмеялся, толкая Клэр локтем на пути к выходу.

— Обидчивый. Ты позаботишься об этом, хорошо?

Трауриг вышел из моего кабинета. Клэр слонялась позади, играя прядями своих шелковистых волос.

Я сардонически изогнул бровь.

— Что-нибудь еще?

— Смотри. — Клэр откашлялась. — Это может быть не по правилам...

По опыту, предложениям, которые начинались таким образом, всегда предшествовало что-то необычное. Мое терпение уже было тонкое, лопнувшее, как крем-брюле.

— Но я не могла не уловить странную атмосферу между тобой и Арьей Рот. Конечно, зная тебя, я понимаю, что ты никогда не поставишь дело под угрозу и не возьмешься за него, если есть какое-то...

Она замолчала, надеясь, что я добровольно расскажу какую-нибудь информацию. Я сверкнул на нее смертельным взглядом, побуждая ее закончить предложение. Она поморщилась.

— Забавное дело. Мне просто интересно, не хочешь ли ты, чтобы я взяла на себя больше ответственности в случае, когда она касается. Если она каким-то образом заставляет тебя чувствовать себя некомфортно, возможно, я могла бы связаться с ней напрямую, чтобы тебе не приходилось иметь дело с ней лично, или...

— В этом не будет необходимости.

— Ой. — Она запнулась. — Могу я спросить, почему нет?

Потому что я обезумел от мести и хочу занять место в первом ряду, когда Арья, наконец, получит по заслугам.

— Потому что я вполне могу справиться со стареющим подростком с дипломом колледжа, у которого есть несколько контактов в некоторых местных газетах.

То, как мне удалось превратить Арию в не более чем прославленную куклу Братц, удивило даже меня. Хотя я сомневался, что был в курсе большинства из этих вещей. Ее проблема заключалась не в недостатке очков IQ, а в недостатке души.

— В точку. — Клэр с достоинством кивнула. — Знаешь, сегодня утром ты выглядишь по-другому. Более... живым.

Я сглотнул, но не ответил. Что я мог сказать? То, что я снова увидел Арию, вызвал у меня адский стояк?

Клэр с важным видом подошла к двери, затем остановилась на пороге и постучала в дверной косяк.

— Просто дай мне знать, если тебе что-нибудь понадобится, Кристиан.

Как насчет Арии, распластавшейся на моем столе, выдыхающей мое имя — старое и новое — умоляющей меня о пощаде?

Ну теперь. Мне действительно нужно было порвать с Клэр, если я начал отвечать ей таким образом. Даже если это было только в моей голове.

— Абсолютно.

В ту минуту, когда Клэр вышла из моего кабинета, я взял газету из корзины и начал подчеркивать потенциальные пробелы в тщательно выстроенном рассказе Арии.

Она собиралась узнать, что я не брал пленных, когда пошел на войну.

***

— Это худшее, что когда-либо случилось со мной, и я только что вернулся из зоны боевых действий. — Риггс сделал глоток пива, его прикрытые глаза осматривали комнату, как ястреб.

— Это вечер мелочей, а не чумы. — Арсен отхлебнул пива. Мы были в "Пивоварне". Я оперся локтями о барную стойку, наблюдая за группами людей, сгрудившихся вокруг столов, готовясь к главному событию. На небольшом подиуме, обычно предназначенном для полуобнаженных девушек из колледжа, стоял табурет. Ведущим вечера тривиала была какой-то звезда реалити-шоу из Нью-Джерси, который, по всей видимости, был полуизвестен тем, что занимался сексом с одним из своих товарищей по конкурсу в общественном бассейне. Это была причина, по которой я зарекся от телевидения и людей на нем. Когда речь заходила о развлечениях двадцать первого века, грань между культурой и мешком с дерьмом стиралась.

— Бары были изобретены для того, чтобы напиться и трахаться, а не для обучения. — Риггс наклонил свое пустое пиво в сторону Элизы, жестом приглашая ее принести нам еще одну порцию. — Мне нужен отпуск.

— Ты живешь, чтобы отдыхать, — поправил я. — Успокойся на минутку.

— Никогда, — поклялся Риггс. Я поверил ему. Кочевник повернулся ко мне, нахмурившись. — Кстати, о местах отдыха, как Элис нравится ее новая квартира во Флориде?

Элис была самой важной женщиной в моей жизни. Во всех наших жизнях, если честно. Но я считался "хорошим" ребенком. Тем, кому не наплевать, кто присылал цветы на дни рождения и рождественские открытки, когда я не мог приехать.

— Она без ума от этого. Между всеми экскурсиями для старшеклассников и занятиями по тай-чи она чертовски крута в дзен, — подтвердил я. — Я разговаривал с ней пару дней назад.

— Мы должны навестить ее, — сказал Риггс.

— Если кто-то и может вытащить меня из Нью-Йорка, так это она, — согласился Арсен.

— Я поговорю с ней о свиданиях. — Я коротко кивнул, хотя и знал, что ни за что не уеду, пока не выиграю дело Конрада Рота.

— Эй, мы должны заняться всякой ерундой. — Арсен повернулся спиной к женщине, которая осторожно приближалась к нему на высоких каблуках. Не дай бог, он заговорит с кем-то, кто не участвовал в программе стипендий Макартура. — Моя голова полна бесполезной информации, и мне нравится побеждать.

— Даже если ты выиграешь двухдневный отпуск в трехзвездочном отеле в Такоме? — Я сделал глоток виски. — Потому что это дерьмо, которое ты здесь выиграешь.

— Особенно. — Арсен принял свое свежее пиво от Элизы, оставив ей чаевые, не глядя в глаза. Этот человек ненавидел женщин с такой страстью, что я подозревал, что он будет одним из тех людей, которые умирают в одиночестве и оставляют все свои миллионы соседской собаке или кому-то случайному на другом конце света. — Помогает мне увидеть, как живет другая половина.

— Тебе плевать, как живет другая половина.

Арсен чокнулся своей пивной бутылкой с моей.

— Второй половине это знать не обязательно.

— Я беру назад все, что говорил о вечере викторин. Видимо, в этом есть свои достоинства. — Взгляд Риггса остановился на входе. Я проследил за его взглядом, прикусив язык, пока во рту не появился металлический привкус крови.

Вы шутите. Каковы, черт возьми, шансы?

Прошло три недели с тех пор, как я встретил Арию в своем офисе. Целых три недели, за которые я перегруппировался, собрался и сумел забыть о ее надоедливом рту и восхитительном теле. И вот она вальсирует на моем родном поле в маленьком черном комбинезоне с жемчужным колье и убийственно красных туфлях от Balenciaga. С ней было еще три женщины, все с поясами, как на конкурсах красоты, с надписью «Девочки Шерлока Холмса». Очевидно, она была не только холодной и злой; она также была отстойной.

— Подними челюсть с пола, приятель, пока кто-нибудь не наступил на нее. — Риггс хлопнул меня по плечу на периферии, посмеиваясь. — Хорошо, я вижу, ты смотришь на маленькую Одри Хелперн вон там. К счастью для тебя, я не привередлив. Я возьму Блонди.

— Как насчет того, чтобы прогуляться? — Я отмахнулся от его прикосновения. — Я ухожу отсюда.

— Долгий день в офисе? — Риггс сверкнул улыбкой, полной щетины и ямочек. Неудивительно, что он плавил трусики и сердца исключительно своим существованием. — Дай угадаю, овсянка и книга Дэна Брауна на ужин?

С точки зрения зрелости мой лучший друг был не старше пакета молока в моем холодильнике и ни вполонину не утонченнее.

— Эта женщина — дочь обвиняемого по делу, над которым я работаю, тупиц.

— И что? — Арсен нахмурил брови. — Это вечер пустяков, а не публичная оргия.

— Не думаю, что Риггс сможет сделать так, чтобы это было не так. — Я скользнул в свой пиджак. Последнее, что мне было нужно, это смотреть на Арию Рот. Контроль над импульсами был моей любимой формой искусства. Я всегда сдерживал свои потребности. Я не гуглил и не проверял ее с пятнадцати лет. Я игнорировал ее существование с первого курса. Для меня она была как мертвая. Видеть ее красивой, счастливой и живой не входило в мои планы. Если бы я мог помочь. — Держись подальше от неприятностей, и проследи, чтобы этот парень надел на нее резину. — Я похлопал Арсена по спине, собираясь уходить.

— Спасибо папа. О, и кстати. — Риггс преградил мне путь своим телом. Он посмотрел на что-то за моей спиной. — Одри Хепберн идет к нам, и в отличие от тебя, она, кажется, очень рада тебя видеть.

— Конечно. — Глаза Арсена с любопытством мелькнули у меня за спиной, по его лицу расплылась улыбка. — Арья Рот.

Я набил карман кошельком и телефоном, моя челюсть затвердела.

— Она бомба. — Риггс присвистнул.

— Она точно взорвала мою жизнь, — выдавил я. — Я уйду.

Я обернулся, столкнувшись с кем-то маленьким. Этим кем-то, конечно же, была Арья. Я чуть не сбил ее с ног. Она отступила на несколько шагов назад, и одна из ее подруг, предположительно та, которую Риггс хотел сделать последнюю зарубку на своем ремне, поймала ее.

— Прикольно столкнуться с тобой. Буквально. — Арья пришла в себя, ее острая улыбка осталась нетронутой. Она следила за мной? Потому что это было незаконно, помимо того, что неэтично. Я смотрел на нее с открытым презрением.

Импульсное управление. Ты христианин, а не Маленький Ники. Она не может навредить тебе.

— Мисс Рот.

— Уже уходишь?

— Я вижу, ничто не ускользает от тебя, — ровно протянул я.

— Похоже, ты убегаешь от меня. Мелочи — не ваша сильная сторона, мистер Миллер?

Ухмыльнувшись, я наклонил голову, чтобы прошептать ей на ухо.

— Все — моя сильная сторона, мисс Рот. Было бы мудро помнить об этом.

Выпрямившись, я заметил, что что-то мелькнуло в ее лице. Признание? Смущение? Она помнила меня? Что бы это ни было, оно исчезло, сменившись ледяной улыбкой.

— На самом деле, твоему управлению средствами массовой информации не помешало бы несколько настроек. Я оказалась здесь с моим деловым партнером Джиллиан и нашей командой мечты, Хейли и Уитли. Позвони нам после завершения нашего дела. Мы дадим тебе несколько советов. — Арья достала черную визитку с розово-золотым курсивом и сунула ее мне в руку. Я уловил слова Brand Brigade. Ну- ну. У нее была своя компания. С другой стороны, у нее также был папа, который купил бы ей космический корабль, если бы она захотела сыграть космонавта.

— Спасибо, мисс Рот, но я лучше посоветуюсь с бродягой на углу Бродвея и Канала, который кричит в мегафон, что его похитили инопланетяне и теперь он бессмертен. — Я швырнул ее карточку прямо в мусорное ведро за барной стойкой.

— Хорошая идея, мистер Миллер. Он понимает в управлении СМИ больше, чем ты.

Ее улыбка не дрогнула, но по блеску в ее глазах я мог сказать, что она не привыкла к тому, что мужчины смотрят на нее так, будто она не из чистого золота.

— Ты все еще здесь, — вздохнул я, когда она не попыталась перестать преграждать мне путь. — Пожалуйста, просвети меня, почему.

— Ты видел, что они назначили судью Лопес для судебного процесса? — Ресницы Арьи дрогнули.

— Я не буду обсуждать с тобой это дело.

Я обошел ее стороной. В последнюю минуту она протянула руку, чтобы коснуться моего бицепса. Прикосновение выстрелило огненной стрелой прямо в мой пах. Мое тело всегда

имело свойство предать меня, когда дело касалось ее.

— Останься, — потребовала она, как раз в тот момент, когда выбывший из реалити-шоу объявил в микрофон, что все группы должны зарегистрироваться и занять места до начала игры. — Давай посмотрим, чего ты стоишь.

Я засунул кулаки в передние карманы.

— Чего бы я ни стоил, ты не можешь себе этого позволить.

— Хорошо. Покажи мне, чего мне не хватает.

— Сомневаюсь, что ты будешь грациозна в поражении.

— Я довольно благородный человек, — возражала она.

Я фыркнул.

— Милая, ты и слово «честь» не должны быть даже в одном почтовом индексе, не говоря уже о предложении.

Арья развернулась и ушла, ее миньоны качались позади на шпильках.

— Риггс, запиши нас, мы остаемся, — рявкнул я. Мои глаза все еще были на Арье. Риггс подошел к сцене. Я был уверен, что любое имя, которое он выбрал для нашей команды, было одновременно оскорбительным и, по крайней мере, немного сексуально унижительным для женщин.

Реалити-ТВ Душ, назвавшийся доктором Итальянским Стадом (учетные данные не подтверждены), объявил, что существует восемь команд, включая S Team D, как нас окрестил Риггс.

Оставим Риггсу право ассоциировать меня с генитальным герпесом в присутствии человека, с которым я должен был встретиться в суде на следующей неделе.

— Я бы назвал тебя идиотом, но тогда бы идиоты всего мира обиделись. — Я повернулся к Риггсу, сопротивляясь желанию ударить его головой о колониальный стол. Я старался не смотреть на Арию, но это было тяжело. Она была прямо там. Красивая, блестящая и разрушительная. Как человеческая красная кнопка.

К тому времени, когда закончились первые несколько раундов, осталось всего четыре команды. Были Team Quizzitch, группа технарей в круглых очках для чтения и с модными прическами; Girl Squad, группа девушек из колледжа; девушки Шерлока Холмса — это была команда Арьи — и Арсен, Риггс и я.

Вопросы для разминки ко второму раунду требовали IQ пивного рукава. От названия столицы США до того, сколько точек традиционно было у снежинки. Несмотря на то, что вопросы едва ли требовали двух функционирующих клеток мозга, Girl Squad выгнали следующей за то, что они не знали, в какой стране происходит действие «Звуков музыки», и перепутали Австрию с Австралией.

— Напоминает мне о том времени, когда ты сказал девчонке, что у тебя есть степень бакалавра астрономии, а она ответила, что она Телец, и спросила, правда ли, что они перфекционисты, — поддразнил Риггс Арсена, кудахча.

С неохотой, и только для себя, я должен был признать, что девушки Шерлока Холмса были хороши. Особенно Арья и Джиллиан. К несчастью для них, между мной и Арсеном у них не было шансов. Во время каникул, когда Арья работала над своим загаром на Мауи или каталась на лыжах в Сен-Морице, Арсен таскал нас с Риггсом в библиотеку академии, и мы читали целые энциклопедии, чтобы сжечь время.

Через сорок минут после начала вечера команда Quizzitch развалилась из-за того, что неправильно назвала месяц, когда русские праздновали Октябрьскую революцию (ответ был

ноябрь), оставив нас с девочками Шерлока Холмса лицом к лицу.

— Здесь все накаляется. — Доктор Итальянец Стад взволнованно потер ладони, говоря слишком близко к микрофону на сцене. У него было достаточно воска для волос, чтобы вылепить статую Леброна Джеймса в натуральную величину, а зубы были такими же большими и белыми, как клавиши пианино. Не помогало и то, что он выглядел в рваных джинсах и безвкусной дизайнерской рубашке, а его топ цеплялся за тело, которое видело больше стероидов, чем отделение интенсивной терапии. Я все еще был удивлен, что он был достаточно грамотен, чтобы прочитать вопросы. — Девочки Шерлока, как вы думаете, кто победит? — Он повернулся к Арье, которая сидела на другом конце комнаты.

Она заправила пряди своих каштановых волос за уши, и я снова поймал себя на том, что смотрю на нее.

— Мы победим, в этом нет сомнений.

— А вы, ребята? — Доктор Стад заставил себя оторвать взгляд от Арьи. Арсен бросил на него сочувствующий взгляд.

— Я даже не собираюсь отвечать.

По выражению лица доктора Итальянского Стада я мог сказать, что его сердце было твердо с девочками, как и другие части.

— Ладно, кто-то здесь соревнуется. Мы вступаем в финальный раунд. Помните — один удар и вы выбываете. Это время денег. Точнее, время ваучеров STDs. Сто баксов, вы все!

— Я едва могу сдерживать свое волнение. — Арсен сделал поток пива, его голос был сухим.

— Какое второе имя у Джо Байдена? Девочки Холмс, это касается вас и перейдет к другой команде, если вы не сможете ответить на вопрос.

Женщины сгрудились, соприкасаясь головами и шепча, прежде чем Арья выпрямила спину и сказала:

— Робинетт. Окончательный ответ.

— Вы правы. Хм. Не знал этого. — Доктор Итальянец Стад почесал свои жесткие волосы. Я сомневался, что он знал, на каком континенте находится, так что это меня не удивило. Он повернулся к нам. Комната по-прежнему была переполнена людьми, которые хотели посмотреть, какая группа выиграет джекпот.

— Следующий вопрос касается STDs — как быстро вращается Земля?

— Тысяча миль в час. — Арсен зевнул.

— Девочки Холмса — чем римляне полоскали рот?

— Мочой! — крикнула Джиллиан, практически вскочив со своего места, коктейли на ее столе расплескались. — Они использовали мочу. Это очень странно, но кто мы такие, чтобы судить?

— Правильно! STDs, для чего был изобретен рожок мороженого?

— Держатель цветов, — сказала я, не теряя ни секунды.

Доктор Стад присвистнул.

— Черт, сегодня вечером я узнаю много интересного! Это почти заставляет меня хотеть открыть книгу. — Он повернулся к нашей команде соперников. — Хорошо, девочки, чего не может гепард из того, что могут тигр и пума?

Арья инстинктивно открыла рот, чтобы ответить, но не смогла произнести ни слова. Она нахмурилась, ошеломленная мыслью о том, что чего-то не знает.

— У кошки есть язык? — Я изогнул бровь, забавляясь ее взглядом.

Она повернулась к Джиллиан. Они перешептывались взад и вперед. Я сидел, сложив руки на груди. Арья Рот вне себя — мой самый любимый вид в мире. Больше, чем восход солнца, наверное.

— Полагаю, ты захочешь взять его, когда нам передадут. — Во время разговора Арсен продавал акции через приложение на своем телефоне.

— Эй! — Доктор Итальянский Стад взвизгнул. — Ты не должен пользоваться телефоном! Ты жульничаешь.

— Ты не должен проводить игру, основанную на знаниях. Ты тупица, — возразил Арсен, не отрывая глаз от экрана. — И все же мы здесь.

Но Риггс выхватил телефон у нашего друга, наклонив его в сторону доктора Итальянского Стада, чтобы он знал, что Арсен продает акции, а не гуглил ничего.

Арья почесала щеку, и мой член дернулся в брюках. Я никогда больше не коснусь ее десятифутовым шестом — я научился на своей первой и последней ошибке с ней — но было бы соблазнительно заставить ее выкрикивать мое новое имя и лишиться ее оргазма или двух.

— Девушки Холмса? — спросил доктор Итальянский Стад, проверяя время на своем телефоне. — Часы тикают. Еще десять секунд, прежде чем я передам его другой команде.

— Минутку, — отрезала Арья, снова переводя взгляд на Джиллиан и других женщин. На секунду я увидел прежнюю Арию. Девушка с разбитыми коленками, которая протестующе рычала, когда мы плескались в ее бассейне, а я стартовал на наносекунду раньше нее. Она плескала меня, а затем продолжала уговаривать меня участвовать еще в дюжине состязаний — кто сможет дольше задерживать дыхание под водой, кто сможет пушечным ядром погрузиться дальше в бассейн — пока она не выиграет что-нибудь. Мы оба были отчаянно упрямы. Это не изменилось. Что изменилось, так это моя готовность успокоить ее. Отказаться от чего-то только ради удовольствия видеть ее улыбку.

Уши Арьи приобрели приятный оттенок алого. Наши взгляды встретились. Что-то прошло между нами. Слабое узнавание.

— Четыре... три... два... — Доктор Итальянский Стад отсчитывал секунды.

— Плавать! — воскликнула Арья. Это слово пронзило меня под дых. Я только что подумал о нашем совместном отдыхе в бассейне. — Может, гепард не умеет плавать? А тигр и пума могут?

— Ваш ответ неверный. — Доктор Стад сделал преувеличенно грустное лицо и подвинулся к нам на своем сиденье. — Я передаю это STDs. Если вы правильно ответите на этот вопрос, вы выиграете.

Я повернулся, чтобы посмотреть на Арию, глядя ей прямо в глаза, ее унижение волнами исходило от ее тела.

— Втягивать когти.

— Прощу прощения? — Ее глаза сузились.

— Единственная вещь, которую гепарды не могут делать, а пумы и тигры — это втягивать когти. Не все кошачьи рождены одинаковыми.

— Правильно! — Доктор Итальянский Стад вскрикнул. — Команда STDs, вь победители!

— Нет! — Арья встала, топнув ногой. Это было нелепо, дерзко и — несмотря на все это — глупо и мило.

Потому что это доказало, что она все та же избалованная маленькая принцесса, которую я любил ненавидеть.

Был шквал восторга. Доктор Стад даже выстрелил из пистолета с конфетти и позвал нас на сцену, чтобы получить наш приз и ненужное братанское объятие. Арсен швырнул Элизе пачку денег и удалился в ночь, даже не попрощавшись, покончив с человечеством на один вечер. Риггс отошел в угол бара, его лапали цыпочки из Girl Squad, которые ворковали над ним. Арья ворвалась в туалет, ее щеки покраснелись, вероятно, чтобы поплакать в раковину.

Мудрый человек не стал бы следовать за ней. И все же я был здесь, пробираясь в туалет для мужчин и женщин. Поскольку заходить с ней внутрь было ненормально, я решил слоняться без дела и отвечать на электронные письма на своем телефоне, пока она не выйдет. Все еще жуткий, но не достойный судебного запрета. Когда она вышла, лицо ее было мокрым, плечи поникли. Она остановилась на полпути, когда увидела меня.

— Ты преследуешь меня? — спросила она.

— Забавно, я как раз собирался спросить тебя о том же самом. Это место моей тусовки. В городе насчитывается более двадцати пяти тысяч ночных заведений. Каковы шансы, что ты появишься здесь впервые в моей жизни сразу после того, как стало известно о суде?

— Неплохо, учитывая, что мы, вероятно, живем в одном районе, ходим в одни и те же школы и путешествуем в одних и тех же социальных кругах.

— Вычислила меня? — Я провел рукой по линии подбородка, скользя глазами по ее лицу.

Она вздернула подбородок.

— Более или менее. Хотя я скажу, тебя трудно выследить, мистер Миллер. Не так много информации о вас в сети.

Мои губы дернулись. Она купилась на мой фарс-миллионера. Наверное, думала, что мы из одного яхт-клуба.

— Как далеко ты продвинулась в своих исследованиях? — Я положил руку ей на голову, зажав ее между собой и стеной туалета. Она пахла Арьей. Персиковый шампунь, смешанный со сладостью ее кожи. О длинном, ленивом лете, спонтанном плавании в бассейне и древних книгах. Как мое надвигающееся падение.

Ее глаза встретились с моими.

— Ты закончил Гарвардскую юридическую школу. Поташился прямо в офис окружного прокурора. Трауринг и Кромвель завербовали тебя после того, как ты завел крупное дело, хотя был мелкой сошкой. Заманили тебя на темную сторону белых туфель. Теперь ты известен как акула, которая получает от своих клиентов огромные суммы.

— В чем тогда тайна? — Я наклонился вперед на дюйм, вдыхая больше ее. — Похоже, я открытая книга. Нужен мой номер социального страхования и полная история болезни, чтобы дополнить картину?

— Ты родился восемнадцатилетним? — Она склонила голову набок.

— К счастью для моей матери, нет.

— Нет никакой информации о тебе до того, как ты поступили в Гарвард.

Горький смех вырвался из моего горла.

— Мои достижения до восемнадцати лет включают в себя победу в играх в бир-понг и удачу в кузове моего грузовика.

Она скептически посмотрела на меня, нахмутив тонкие брови. Я заговорил до того, как она успела задать дополнительные вопросы.

— Я дам тебе одну вещь: благодаря тебе тот мешок с мусором, который тебя породил,

выглядит в СМИ настоящим ангелом.

— Это простая задача. Он невиновен. — Ее губы были в нескольких дюймах от моих, но я полностью контролировал ситуацию.

— Это не тебе решать. Если ты продолжишь вмешиваться в повествование до суда, я склоняюсь к тому, чтобы дело было закрыто. — Соблазн заткнуть рот уже слишком велик.

— Откровенные женщины доставляют тебе неудобства? — промурлыкала она, ее глаза сверкали. Это было так похоже на наши шутки полтора десятилетия назад, что я чуть не рассмеялся.

— Нет, но плаксивые маленькие девочки — да.

Это заставило ее отстраниться. Она раздраженно скривила рот.

— Ты пришел сюда для чего-то другого, кроме как ткнуть меня в лицо своей маленькой, незначительной победой?

Ты бы предпочла, чтобы я ткнул в тебя чем-нибудь другим?

— Да, на самом деле. — Я оттолкнулся от стены, давая ей — и себе — немного места. — Во-первых, пивоварня — это моя область. Моя территория. Найди девчачий коктейль-бар, в котором проводятся вечера викторин. А еще лучше — прочитай книгу или две, прежде чем попробовать это в следующий раз. Твоим общим знаниям не помешало бы несколько настроек. — Я использовал слово, которое она использовала для моих навыков управления СМИ.

Она открыла рот, без сомнения, чтобы сказать мне, чтобы я засунул свое самомнение себе в зад на пяти разных языках, но я продолжил прежде, чем она успела перебить мои слова.

— Во-вторых, я думаю, что заслуживаю одну порцию информации в обмен на это. — Я предъявил ваучер Денни, который доктор Душебаг вручил мне ранее сегодня вечером. Ее глаза заблестели от восторга. Я знал, что ей не нужен настоящий ваучер. Только о том, что она представляла. О возвращении домой с призом. Это была классическая Арья. Она могла поймать меня за ногу, когда мы делали круги в бассейне, иногда играя грязно. Что угодно, чтобы выиграть.

— Хочешь информацию? — она спросила. — Ты невыносим. Как тебе такой забавный факт? Теперь передай это. Мои сотрудники заслуживают бесплатного обеда Денни.

Она потянулась, чтобы взять ваучер. Я поднял руку выше, усмехнувшись.

— Извини, я должен был уточнить. Вопрос задаю я.

Она вскинула руки в воздух, не привыкшая к вызову.

— Ну?

— Как мне к тебе обращаться — мисс или миссис?

Я взял за правило не проверять семейное положение Арьи, но это не значит, что мне не любопытно. На ее пальце не было кольца. С другой стороны, она не показалась мне женщиной, которая будет щеголять кольцом.

Ее рот изогнулся в улыбке.

— Ты заинтересован. — Ее глаза вспыхнули.

— Ты заблуждаешься. — Я подавил желание смахнуть большим пальцем один из ее развевающихся волосков. — Мне нравится все знать. Знание — сила.

Она облизала губы, глядя на ваучер, который я держал между пальцами. Золотой билет Вилли Вонки. Я видел, как рушится ее решимость. Она хотела сохранить тайну, но еще больше хотела выиграть.

— Я не замужем.

— Я удивлен. — Я протянул ей билет. Она схватила его, словно я собирался передумать в любую секунду, и запихнула его в свою сумочку.

— Я предполагаю, что ты с симпатичной помощницей.

— Почему ты так решила? — Я был удивлен. Я полностью игнорировал Клэр в рабочее время, если только это не было связано с делом, над которым мы работали.

Арья пожала плечами.

— Назови это догадкой.

— Я также могу назвать это завистью.

Она легко улыbnулась.

— Измени повествование, как тебе заблагорассудится, чтобы помочь твоему хрупкому эго, дорогой. Это свободная страна. — Она развернулась, готовая уйти.

— У тебя хорошее чутье, принцесса с серебряной ложкой.

Ее голова закружилась так быстро, что я подумал, что она вот-вот вывихнется из плеча.

— Как ты меня только что назвал?

Ну, дерьмо. Оно только что вылилось из моего рта. Как будто и не было почти двух десятков лет. Как будто мы были все теми же детьми.

— Принцесса, — сказал я.

— Нет. Ты сказал «принцесса с серебряной ложкой». — Ее глаза сузились в щелочки.

— Нет, — солгал я. — Но это неплохое прозвище.

— Твоя игра в газлайтинг слаба. Я знаю, что я слышала.

— Что ж, раз уж у тебя нет никакого способа доказать это, а я не сдвинусь с места, я настоятельно рекомендую тебе оставить это без внимания. Я назвал тебя принцессой. Больше ничего.

Она обдумывала это целую минуту, прежде чем коротко кивнула.

— Увидимся на предварительном слушании на следующей неделе. — Она отдала честь, не дожидаясь, пока я подтвержу или опровергну свои отношения с Клэр.

Конечно. На следующей неделе. Мне пришлось ждать семь дней, прежде чем я увижу ее снова.

И это прекрасно. Ты ненавидишь ее, помнишь?

— Не могу дождаться.

Она ушла, ее туфли на шпильках постукивали по липкому деревянному полу. Типично. Она всегда оставляла вмятины, куда бы ни пошла.

— О, и мисс Рот?

Она остановилась и обернулась, изогнув бровь. Я провел языком по зубам.

— Хорошие когти.

***

В ту ночь я позволил себе одну оплошность.

Ладно, ладно, две оплошности.

Во-первых, я погуглил Арию. Она была директором и основателем Brand Brigade вместе с Джиллиан Базен. С отличием окончила Колумбийский университет, участвовала в качестве консультанта в нескольких политических кампаниях и часто посещала благотворительные мероприятия с самым дорогим папочкой. Предположим, они были бы двумя горошинами в испорченном стручке, сбивающими всех на пути к следующей цели. Там же было несколько ее фотографий. О потрясающей женщине, которая заставила меня навсегда отказаться от

зеленоглазых брюнеток.

Второй промах случился в душе, когда я прижался лбом к плитке, закрыл глаза и позволил горячим иголкам воды смыть день. Посмотрев вниз, я обнаружил, что я тверд, как камень. Мой член налился кровью, умоляя об освобождении.

Импульсное управление. Помни, что ты ненавидишь ее.

Но то, что мой мозг знал очень хорошо, мое идиотское тело отказывалось принимать. Каждый раз, когда я думал об Арье в этом черном платье и жемчугах, мой член стучал по прессу, привлекая внимание. Простите, сэр, но я бы хотел освободиться. Я мог бы позвонить Клэр и попросить ее решить эту проблему, но Клэр это не устроит.

Это было тогда, когда я начал оправдываться за свой член, который никогда не был подходящим местом.

Как всегда, я представил себе проницательные аргументы.

Что такое один придурак в великой схеме жизни?

Я все еще ненавидел Арию Рот. Я все еще собирался уничтожить ее и ее отца, разрушить ее идеально устроенную вселенную. План не изменился.

Лучше выкинуть это из головы сейчас, чем потом с ней.

Я не мог иметь ее. Она была вне досягаемости. Поддаться искушению в душе было гораздо лучше, чем поддаться ему в мандаринском ресторане, перепробовав целую коробку презервативов и закрутив в процессе весь мой иск.

Она никогда не узнает.

Мой фаворит из трех.

Арья никогда бы не догадалась, что мужчина, которого она видела сегодня, был парнем, который поцеловал ее дрожащими губами. Который каждый сентябрь считал дни до следующего летнего перерыва. Кто станет пробираться к Дуэйн Рид, чтобы понюхать шампунь, которым она пользовалась, когда скучать по ней становилось слишком тяжело.

Я схватился за член, моя ладонь двигалась вверх и вниз. Я закрыл глаза, сжимая его сильнее, представляя, как мои пальцы пробегают по ее бедрам, задирают ее платье, прижимают ее к моему офисному столу, прижимают ее спиной к стопке документов и моему ноутбуку...

Низкое рычание вырвалось из моего рта. Я даже не дошел до той части, где я был внутри нее, как моя рука была покрыта теплым, липким выделением.

Я отшатнулся, выключив кран и толкнув стеклянную дверь. Я обернул полотенце вокруг талии и подошел к зеркалу, прислонившись к туалетному столику и сердито глядя на себя.

Ты идиот. Я покачал головой. Она уже глубоко проникла в твои вены.

ГЛАВА 13

Арья

Настоящее время.

Был медицинский термин для того, чем я была прямо сейчас.

Жалкой.

Ладно, может быть, это не медицинский термин, но это, черт возьми, было то, с чем я сейчас имела дело.

Хотя я не выглядела такой, сидя рядом с папой на досудебном заседании. Я выглядела презентабельно в сером шерстяном платье и на высоких каблуках, мои волосы были заколоты во французскую косу. Но я чувствовала себя идиоткой, мое сердце бешено

колотилось в груди, потому что я знала, что он будет здесь.

Принцесса с серебряной ложкой.

Теперь я тоже начала фантазировать.

Достаточно того, что Кристиан был на днях в пивоварне. Каковы шансы, что место, которое Джилли и я так долго хотели попробовать, было его дырой в стене? Теперь мне пришлось смотреть, как он уничтожил единственную настоящую семью, которая у меня осталась.

Я сжала влажную руку папы. Он постарел на десять лет за месяц. С тех пор, как стало известно о судебном процессе, он почти не спал и не ел. На прошлой неделе я водила его к психиатру. Она прописала ему "Амбиен" и еще одну таблетку, которая должна была повысить уровень серотонина. Пока что ни то, ни другое не помогло.

— Эй. Не волнуйся. Терренс и Луи — лучшие в своем деле. — Я коснулась тыльной стороны его ладони. Он повернулся, чтобы посмотреть на меня, с красными глазами.

— Второй лучший в своем деле. Аманде нет смысла нанимать Миллера. Я слышал, он даже не принимает новых клиентов.

— Он увидел огромный кейс и взял его. — Я просканировала комнату. Я никогда раньше не была в зале суда, поэтому мне не с чем было сравнивать этот зал, но здание суда Дэниела Патрика Мойнихана показалось мне шикарным. Прямо театральным, даже. Занавески из красного бархата с золотыми кистями; бесконечные спиралевидные мраморные лестницы; подставки из красного дерева; и церковные скамьи, которые будут заполнены до краев журналистами, фотографами и сотрудниками суда, как только начнется настоящий судебный процесс. На данный момент это были только судья, ответчик, истец и их команды.

Я почувствовала Кристиана Миллера еще до того, как увидела его. Задняя часть моей шеи покалывала от горячего ощущения, и все мое тело ожило, покалывая повсюду. Моя рука дрожала внутри папиной. Чувство вины захлестнуло меня.

— Я не сделал ничего плохого. Может быть, шутка здесь и там — ничего сексуального. — Папа уставился на наши переплетенные руки. — С Амандой. Неправильно делать из меня пример. Я хочу, чтобы это закончилось, Арья.

— Это будет скоро.

— Слава богу, ты у меня есть, милая. Твоя мать...

— Бесплезная? — Я прервала его слова. — Я знаю.

На периферии появились Кристиан, Аманда и Клэр. Я не осмелилась взглянуть на него, но увидела, как он держится: по-акульки, криво и невозмутимо. Его волосы были свежестрижены, темный костюм выглажен, галстук на тон темнее его голубых глаз. Он высасывал внимание из всего остального в комнате.

Глаза судьи Лопеса загорелись, когда он увидел Кристиана. Было видно, что они знали друг друга.

— Видел вас на поле для гольфа в эти выходные, советник. Джек Никлаус давал вам частные уроки?

— Ваша честь, не скромничаю, но я играл против Траурига. Вы увидите лучшие качели на школьной площадке.

Я могла сказать, что папе, Луи и Терренсу не нравилось, что Кристиан вел себя с судьей по-дружески, по тому, как они ерзали на своих местах, делали записи в своих блокнотах и потели. Папа выпустил мою руку из своей и помассировал виски. Я повернулась, чтобы

посмотреть на него.

— Все в порядке?

Он кивнул, но не ответил.

Через несколько минут, когда Луи и Кристиан перешли к разговору о предварительном слушании и отборе присяжных, стало очевидно, что Кристиан пришел более подготовленным и готовым. Клэр бросала на него обожающие взгляды, и меня пронзила ревность. Было совершенно очевидно, что они спят вместе и что она влюблена в него.

Также было совершенно очевидно, что мне нужно перестать пускать слюни на адвоката, который хотел уничтожить моего отца.

Остальная часть слуха была размытой. Стороны обсудили даты и ожидаемую продолжительность судебного разбирательства — от четырех до шести недель. Я провела время в основном за изучением Кристиана, недоумевая, почему, черт возьми, он показался мне знакомым.

— Видишь что-нибудь, что тебе нравится? — Голос отца вырвал меня из мечтаний.

Я выпрямилась на стуле, прочищая горло.

— Скорее бы оттолкнуться от скалы.

Дело было не в его внешности. Я никогда не встречала такого красивого мужчину. Скорее, что-то было в его глазах. То, как он хрустел костяшками пальцев, когда говорил, и ту мальчишескую застенчивую ухмылку, которую он отпускал, когда думал, что никто не смотрит, и писал для себя заметки.

Когда все было сделано и улажено на сегодня, Кристиан, Аманда и Клэр выбежали первыми. Папа, Луи и Терренс слонялись позади. Губы папы были сжаты в тонкую линию, я открыла бутылку воды, протягивая ему.

— Это бред. Итак, судья Лопес знает Миллера. Это было ожидаемо. В конце концов, он судебный пристав.

— Закрой это, Арья. Этого бы не случилось, если бы не ты. — Папа коснулся моего плеча и направился к двери, Луи и Терренс шли за ним по пятам. Я последовала за ним, нахмурившись.

Что, черт возьми?

— Прошу прощения?

Это был первый раз, когда мой отец относился ко мне иначе, чем с обожанием, и язвительность его слов вывела меня из равновесия.

— Вся эта шарада — длинный средний палец в нашу сторону. Способ доказать свою точку зрения. Чтобы сбить нас, Ротсов.

— Ну, ладно, но какое это имеет отношение ко мне? — Мы скользили по коридорам здания суда к выходу. Он остановился, повернувшись ко мне лицом.

— Ты раздражала мистера Миллера на каждом шагу во время посредничества. Ты умоляла о реакции. И ты действительно получила ее в виде того, что мне пришлось предстать перед судом за это.

— Ты винишь меня? — Я ткнула пальцем в грудь.

— Ты явно очарована им.

— Потому что я ему ответила? — Я почувствовала, как мои брови удивленно коснулись линии роста волос.

— Потому что у тебя всегда был вкус к нарушителям спокойствия, а мне всегда нужно было убирать за тобой.

Ох. О. Это было богаче, чем его банковский счет. Я откинула голову назад, чтобы избежать капле слюны, вылетающих из его рта. В тот день в офисе Кристиана я, без сомнения, была сама не своя, но Кристиан явился на суд во всеоружии, и это не имело никакого отношения к моему поведению.

— Прежде всего, я рада, что ты переписал историю в те годы, когда я пыталась простить тебя за то, что произошло. Во-вторых, я собираюсь продолжить и списать этот разговор на тот факт, что ты не спал уже три недели и живешь исключительно на кофе и таблетках, отпускаемых по рецепту. — Я достала из моей сумки салфетку и протянула ему. Он схватил ее, вытирая слюну, покрывающую его нижнюю губу.

Мы вышли из здания суда и скользнули прямо в его ожидающий Escalade.

— Где тебя посадить, Ари? — Папин водитель, Хосе, позвонил с водительского места, а Луи и Терренс вполголоса рассказали папе о том, что произошло сегодня.

Я дала Хосе свой рабочий адрес и снова обратила внимание на папу.

— У Кристиана Миллера есть претензии к тебе. Ничто не могло изменить его мнение.

— Почему? — Папа прервал Луи и Терранса, его глаза пригвоздили меня к окну. — Почему я — его гора, на которой он должен умереть? Он ежедневно видит дела намного хуже моего. Все, что я сделал, это дал Аманде несколько похлопываний и вынюхал, нет ли у нее романа, — выплюнул он.

— Ты дал ей несколько похлопываний? — У меня кружилась голова от гнева.

Он добавил, закатив глаза:

— Предположительно. Ради всего святого, Арья. Предположительно.

— Добавление слова «предположительно» не делает тебя невиновным, — заметила я. — Ты невиновен?

— Конечно я невиновен! — Он вскинул руки в воздух. — Даже если бы было несколько серых линий, роман по обоюдному согласию не сродни сексуальным домогательствам. Твоя мать никогда не обращала на меня внимания.

— Ты продолжаешь противоречить себе. — Однако, даже когда я это говорила, я знала, что не собираюсь копаться в семейном чулане, опасаясь, что меня погребут в костях. — У тебя был или не был роман с Амандой Гиспен? Ты прикасался к ней неподобающим образом или нет?

— Я не сделал ничего плохого, — отрезал папа.

— Мы ходим кругами, — пробормотала я, закрывая глаза.

— Ты можешь выйти в любое время.

Я пыталась принять его слова за чистую монету. Но папа был прав.

Кристиан Миллер хотел разлучить мою семью, и я начала беспокоиться, что у него были веские причины для этого.

***

После того, как Хосе подбросил меня до работы, мы с Джиллиан встретились с потенциальным новым клиентом. Я облажалась шестью способами до воскресенья. Джиллиан чуть не выгнала меня оттуда — через окно — и я даже не могла ее винить. Генеральный директор Vi's Kneads, сети пекарен, которая становилась публичной компанией, вышел из нашего офиса совершенно не впечатленным после того, как я заикалась во время презентации. Было очевидно, что мы не получили контракт.

— Мне очень жаль, — сказала я Джиллиан, когда мы вышли из конференц-зала, стоя в нашем открытом кирпичном офисе. — Я должна была прийти более подготовленной. Я

просмотрела нашу презентацию этим утром, но мой мозг превратился в кашу после слушания.

Джиллиан устало и раздраженно махнула рукой.

— Все в порядке. У тебя был очень длинный день. Как мистер Прик?

— Все-таки придурок.

— Ты пыталась убить его сегодня?

— Только телепатически.

— Горжусь тобой. — Она вздохнула, бросив на меня сочувственный взгляд. — А твой папа?

— Ведет себя как подросток и мало что понимает.

— Он находится в состоянии сильного стресса, — заметила она.

Я прошла к своему столу и включила ноутбук. Я переплела пальцы и потянулась, прежде чем ввести имя Кристиана в поисковую систему. Я уже делала это раньше, когда впервые поняла, что он будет представлять Аманду. Но на этот раз я не попала на его страницу в LinkedIn или его профессиональный профиль в его фирме. Я сразу зашла в его социальные сети. Там было немного. Всего одна забытая страница в Facebook, которая выглядела так, будто не обновлялась с каменного века. Я дважды щелкнула изображение Кристиана в более молодом возрасте, улыбающегося в камеру с двумя мужчинами, которые были с ним на вечере викторин.

Я пролистала его профиль, но там не было ничего, кроме того, что люди поздравляли его с несколькими повышениями и отмечали его на фотографиях компании. Единственным человеком, которому постоянно нравилось большинство его фотографий, была женщина по имени Элис, но у нее не было фотографий в профиле. Бывшая? Поклонница? Я была уверена, что Клэр не рада существованию Элис.

Последней вещью, в которой он был отмечен, был пост семимесячной давности от парня по имени Джулиус Лонгория. Там не было фотографии, просто регистрация в блестящем спортзале в центре города. Сообщение гласило: Здесь, чтобы попотеть!

Барабанила пальцами по столу, я обдумывала свой следующий шаг. Ходить в его спортзал было безумием. С другой стороны, я никогда не утверждала, что нахожусь в здравом уме. Он и раньше думал, что я сталкер, когда мы случайно натолкнулись друг на друга в пивоварне. Это в значительной степени подтвердило бы все его теории Рокового Притяжения обо мне, а затем и некоторые другие.

С другой стороны, в Кристиане Миллере было что-то такое, что меня не устраивало. Я не могла определить, что именно, но что-то было... не так. Это стоило выяснить, ведь в его руках было будущее отца. Кроме того, что, если бы я обнаружила, что Кристиан пристает к симпатичной тренерше или сам занимается чем-то непристойным?

Потом была Клэр. Я подозревала, что он тоже спит с ней. Разве не существовал политики запрета на братание для людей, которые работали в одной субординации? Это стоило внимания.

Любые рычаги, которые я могла бы получить на него, будут работать в мою пользу на данном этапе, и все было справедливо в любви и войне.

Я знаю это выражение твоего лица. — Джиллиан пересекла комнату, печатая что-то на своем ноутбуке. — Что бы ты ни задумала, Ари, брось это. На нем написано «катастрофа».

Но семя было посажено.

Кристиана Миллера ожидал еще один неожиданный визит.

***

«Солнцестояние» представляло собой трехэтажный тренажерный зал на Коламбус-авеню, в котором располагались спа, крытый бассейн, парикмахерская и восковой салон. По сути, вы могли войти туда, как на обложке Enquirer, а выйти, как на обложке Sports Illustrated.

Я записалась на пробный месяц и заплатила за удовольствие непристойную сумму денег.

Вопреки распространенному мнению, я много считала копейки в течение многих лет. В восемнадцать лет я стала финансово независимой (не считая обучения в колледже, которое оплачивали мои родители). Мне нравились модные бренды, и я покупала их в магазинах со скидками, но мне не нравилось тратить деньги без необходимости.

Я приезжала в «Солнцестояние» и утром, и вечером, чтобы попытаться поймать Кристиана, кататься на беговых дорожках и следить за ним. К третьему дню я подумала, что могла бы потренироваться, пока занимаюсь детективной работой, и взяла с собой бикини и шапочку для плавания.

Поскольку плавание было единственной тренировкой, которую я действительно могла терпеть, я пошла в крытый бассейн. Это напомнило мне о том, когда я была моложе, с Ники.

Первые два круга были мучительны. Мои легкие горели, и я проглотила немного воды. К третьему кругу я вошла в ритм вещей. На десятом круге я вырвалась из воды, когда достигла края бассейна, жадно вдохнув и позволив каплям воды попасть мне в рот. Я бредила от истощения.

— Смотрите, что кошка притащила.

Моя голова вскинулась, и я встретилась с Кристианом Миллером во плоти. На нем были плавки, его шесть кубиков Adonis были выставлены на всеобщее обозрение. Волосы на его груди блестели. Вот откуда я знала, что он плыл рядом со мной все это время, когда я не обращала на него внимания.

— Мне уже нельзя ходить в спортзал? — Я оперлась одной рукой о бортик бассейна и с удовлетворенным стуком сорвала с головы шапочку для плавания. — Почему бы тебе просто не прислать мне по электронной почте список мест, которые я могу и не могу посещать в городе?

Кристиан поправил пояс своих плавков. Его V-образная стрижка позволила Джо Манганьелло составить конкуренцию его деньгам.

— На самом деле это неплохая идея. Я поручу это своему секретарю.

— Посмотрим, как это у тебя получится. — Я ухватила за край, вылезла из воды и неторопливо подошла к скамейке, где оставила полотенце и шлепанцы. Кристиан последовал за мной, украдкой поглядывая на мои ноги, пока я заворачивалась в полотенце.

— Ты хочешь сказать, что пришла сюда не из-за меня? — Он скрестил руки на груди.

Я фыркнула, как будто сама идея была нелепой.

— Хочешь верь, хочешь нет, мистер Миллер, но мир не вращается вокруг тебя.

Он смотрел, как я вытираюсь.

— Ты часто плаваешь?

Хм. Никаких словесных перепалок. Может, он чем-то заболел.

— Только что снова начала. А ты?

— Каждый день с двенадцати лет.

Я могла сказать. У него было жилистое, длинное и худощавое тело пловца. Его мускулы

были очерчены, но не выпуклы.

— Это здоровый вид спорта, — сказала я. Отлично. В следующий раз я бы дала ему рецепт печенья с гранолой.

— Да, — ровно ответил он, не давая мне сорваться с крючка.

— Я скучала по плаванию. — Больше бессмысленных слов от тебя.

Кристиан начал кружить вокруг меня, как акула, на его губах играла ухмылка.

— Почему ты здесь, Рот? Действительно, сейчас. Какова твоя игра?

— Что-то в тебе кажется знакомым. — Я обернула вокруг себя полотенце и повернулась, чтобы посмотреть на него. — И я намерена выяснить, что это такое. Кроме этого, я просто наслаждаюсь своей новой ежедневной тренировкой.

Его голубые глаза держали мои в тисках. Впервые я увидела в них что-то, что не было ненавистью или пренебрежением. Было любопытство с примесью надежды. Я чувствовала, что что-то упускаю. Как будто у нас было два разных разговора о двух разных вещах. Больше всего я думала, что то, что мы делаем, было чем-то неправильным. Запрещенным.

— Вы хотите сказать, что мы знакомы, мисс Рот? — спросил он очень медленно, как будто намекая мне на что-то.

— Я говорю, что части головоломки не складываются, и я не собираюсь сдаваться, пока не соберу полную картину.

— Скажите мне, мисс Рот. Что произойдет, если вы проиграете это дело?

— Я не проигрываю, — сказала я быстро, слишком быстро. Потому что нежелание проиграть было лучшим стимулом, чем задавать себе вопрос на миллион долларов — виновен папа или нет.

Наступила пауза. Тишина повисла во влажном, горячем воздухе, как меч над шеей.

— Встретимся во влажной сауне через двадцать минут. — Слова вырывались из его рта, как будто он боролся с ними. Он повернулся и пошел прочь. Я смотрела назад на его треугольник, чувствуя, что уже видела его раньше. Даже прикасалась. Но этого не могло быть. Я бы запомнила такого мужчину, если бы легла с ним в постель. Единственный другой человек, который когда-либо заставлял меня так отчаянно нуждаться в чем-то, что я никогда не могла определить, давно ушел. Ники умер, и даже после того, как мне сказали, что он умер, я все равно время от времени тщетно искала его.

Но Кристиан был здесь, и Кристиан был другим. Бессердечный и хитрый, за много миль от милого, угрюмого мальчика, который украл мое сердце.

Я собиралась сделать то, что должна была сделать, чтобы защитить единственного мужчину в моей жизни, которому не все равно.

Даже если это означало умереть на мече моих принципов.

ГЛАВА 14

Кристиан

Настоящее время.

Что-то в тебе кажется знакомым.

Это предложение выбило меня из колеи, и вот, двадцать минут спустя, я сидел на деревянной скамье во влажной сауне и ждал Арию.

Не помогло и то, что в своем красном бикини она выглядела достаточно хорошо, чтобы поесть. Или то, что я почти каждую ночь ходил в "Пивоварню", надеясь, что она бросит мне вызов и появится. И продолжит то, на чем мы остановились в прошлый раз.

Я прислонился головой к стене, капельки пота стекали по моему телу в белое полотенце, обернутое вокруг талии. Я был твердым. Я всегда был твердым, когда рядом была Арья Рот. И по какой-то причине казалось, что она всегда рядом. Я не мог избавиться от нее, теперь, когда она снова вошла в мою сферу.

Мне было отвратительно, что она пришла на предварительное слушание. Не только потому, что это заставляло меня иметь дело с постоянным полугодием, когда я обменивался советами по гольфу с судьей Лопес, но и потому, что вид ее несчастной не произвел на меня желаемого эффекта. Как бы я ее не ненавидел — и действительно ненавидел, — ее отец был моей главной рыбой.

Не говоря уже о том, что Клэр начала нервничать. Я не приглашал ее с тех пор, как началось слушание, и не помогло то, что она заметила, что я не могу оторвать глаз от Арьи, когда мы находимся в одной комнате. Мне пришлось напомнить себе, что Клэр знала, что это никогда не было серьезно. Что я подчеркивал это ей снова и снова.

Дверь сауны с визгом открылась и закрылась. Мои глаза оставались закрытыми. Я ждал, что она скажет что-нибудь. В конце концов, она была той, кто прыгал через обручи, чтобы найти меня.

— Кристиан. — Ее голос был хриплым, полным тепла.

— Сядь, — приказал я.

— Не раньше, чем ты согласишься на меня.

— Сядь. Вниз, — произнес я.

— Сначала посмотри на меня.

— Сделай так, чтобы это стоило моих усилий. — На моих губах заиграла улыбка. И тут я услышал это. Мягкий шорох ее полотенца, упавшего на мокрый пол. Была ли эта сумасшедшая женщина полностью обнажена? Есть только один способ узнать это.

Я открыл глаза. Арья стояла передо мной, как каждый раз, когда я представлял ее в своих фантазиях. Ее грудь была впечатляющей. Ее соски маленькие и розовые, бедра шелковистые и круглые. Ее тело напоминало песочные часы, с которых капал пот. Ее кожа гладкая и бархатистая, умоляющая о прикосновении.

Она не стоит партнерства, не говоря уже о том, чтобы прибить ее отца. Она делает это, чтобы погубить тебя. Эта пони с одним трюком соблазняет на разрушение.

Она сделала несколько шагов в мою сторону. Мы были одни, но кто-то мог войти в любую минуту. Влажная сауна была унисекс. Я мог сказать, что она собиралась сесть верхом и оседлать меня, если я не остановлю это. Как бы мне ни было больно — особенно одной части меня — отвергать ее, я не мог уступить ее ухаживаниям.

Она наклонилась ко мне, обхватив одной рукой мое плечо, ее зеленые глаза встретились с моими. Она положила другую руку мне на грудь. Они инстинктивно напряглись. Мой член угрожающе зашевелился на полотенце. Внезапно мы снова стали четырнадцатилетними.

Я сплел пальцы вокруг ее запястья, отталкивая ее руку.

— Я пас.

— Почему?

— Никогда не показывай свою шею тому, кто хочет отрубить тебе голову.

— Хотя шея красивая. — Глаза Арьи блеснули. Я хотел смеяться. Она не отошла. — Это из-за Клэр?

Клэр. Ее имя на губах Арьи казалось странным. Неправильно. За мои тридцать два года не было другой женщины, которая держала бы свечу в притяжении, способностях и

разрушении Арьи.

— Ревнуешь? — Я провел языком по нижней губе.

— Может быть. — Она скользнула руками по моим плечам.

Мое сердце забилось быстрее. Я не ожидал такого ответа.

— Не надо.

— Ты хочешь сказать, что не спишь со своим партнером? — спросила она, и я не мог солгать, хотя это и было заманчиво.

Я покачал головой.

— Я говорю, что она не имеет значения.

Всегда оставался шанс, что Арья пыталась найти рычаги давления на меня, а трахаться с коллегой по работе было не самым лучшим вариантом.

— В чем тогда проблема? Химия налицо. — Ее тон был деловым, почти кратким.

— Да. — Я сверкнул зубами, круто и собранно. — А вот желание испортить мое дело — нет. Если я прикоснусь к тебе, я проиграю, и мы оба это знаем. Теперь оберни себя полотенцем и припаркуй свою задницу поперек скамьи. Нам нужно поговорить.

Она отступила, отступив назад и подняв полотенце. Она обернула его вокруг себя и подошла к дальнему концу скамейки, сидя передо мной, спокойная и собранная, как будто ее не отвергли несколько минут назад.

— Ты должна очистить свои руки от него. — Я провел рукой по своим мокрым от пота волосам.

— Нет, — просто сказала она.

— Он виноват.

— Ты бы так сказал; ты адвокат Аманды Гиспен.

— Я говорю это, потому что у меня есть глаза и уши. Я просмотрел ответы на обнаружение твоей стороны. Это нанесет много разрушений твоему отцу. То, что дерьмо вот-вот попадет в вентилятор, не означает, что ты должна испачкаться.

— Кристиан, — сказала Арья почти укоризненно. Еще одно воспоминание о себе тринадцатилетнем возрасте. Она всегда была властной. — Что ты делаешь?

— Даю тебе совет.

— Ты собираешься взять с меня пятьсот баксов в конце этого часа?

— Ты имеешь в виду две штуки. И ответ нет. Этот совет я даю тебе бесплатно, хотя ты должна считать его бесценным. Адвокаты твоего отца — они входят в его штатную команду по судебным разбирательствам?

Я понятия не имел, что я делаю и почему, черт возьми, я это делаю. Я просто знал, что должен бросить ей кость. Я хотел победить, но не по умолчанию. Дело Конрада Рота сейчас выглядело слабым. Прогулка в парке.

— Нет. — Арья покачала головой. — Это внешний советник. Он уже работал с ними. Их очень рекомендует его команда.

— Его команда не стоит ни цента, а его главного юрисконсульта следует уволить. Любой новичок скажет тебе, что при рассмотрении любого иска, связанного с полом, присяжные более сочувственно отнесутся к женщине-судебнику. Особенно кто-то молодой.

— Как Клэр, — заметила Арья.

— Как Клэр. Но это не относится к делу.

— Ты хочешь сказать, что ему нужно нанять женщину-адвоката? — Ее зеленые глаза

вспыхнули любопытством, и вот она, Арья, которую я знал и которой был одержим. Очевидно, она все еще была там, под толстым слоем дизайнерской одежды, головокружительных движений и дерьма.

— Правильно.

— Это сексизм.

Я пожал плечами.

— Это не делает его менее правдивым.

— Почему ты говоришь мне это? — Ее глаза сузились. — Ни одна часть тебя не хочет, чтобы мой отец выиграл это дело.

Улыбаясь ей, как глупому ребенку, я нарочито по-мужски объяснил.

— Я буду застегивать этого щенка, если ты привлечешь самого Иисуса Христа, чтобы он представлял твоего отца. Было бы неплохо немного попотеть, пока я это сделаю. Я даю тебе фору.

Взгляд Арьи скользнул по моей груди. Я был рад, что не могу сделать то же самое с ней, теперь, когда она снова закуталась. Мой IQ упал на шестьдесят девять пунктов, когда она была голой.

— Ты кажешься мне довольно вспотевшим, — заметила она.

— В суде.

Она вытянула свои бронзовые ноги, шевеля пальцами. Я ничего не мог поделаться. Я украдкой посмотрел. Сначала на ее стройные икры, затем на пальцы ног, которые она переплетала с моими, когда мы были детьми, читая под столом в своей библиотеке.

— Так скажи мне, Кристиан, откуда я тебя знаю?

Теперь мы общались по имени. Это было нехорошо. Тем не менее, было странно называть Арию мисс Рот.

Я напряг мышцы.

— Ты кажешься умным печеньем. Разберись.

Ты играешь с огнем, — я слышал предупреждение Арсена в своей голове.

Может быть, — ответил я. Как я могу не играть, когда пламя так прекрасно?

***

На следующий день я позвал Клэр в свой офис.

— Мисс Лесавой, пожалуйста, присаживайтесь.

Клэр всегда хорошо выглядела, но в последние дни она, похоже, прилагала дополнительные усилия. Возможно, чтобы напомнить мне, что она может предложить больше, чем ее острый ум.

Она сидела передо мной, беззаботно улыбаясь.

— Эй незнакомец. Пыталась дозвониться до тебя прошлой ночью. Твоя голосовая почта работала сверхурочно.

Я был занят, дробил на мысленные картинки Арьи. Но я полагал, что она могла бы обойтись без этой части информации.

— Извини. — Я разгладила галстук поверх рубашки. — Я был занят. Послушай, Клэр, я сразу перейду к делу. Ты великолепна, умна, как кнут, и совершенно не в моем вкусе. Я измученный, ебанутый мудака, который не может сказать нет, когда ему в руки падает что-то хорошее, и тем самым я замедляю тебя. Так что я делаю тебе одолжение и отменяю дела до того, как ты начнешь обижаться на меня, и совместная работа станет сложной задачей.

Я подумал, что это была милая короткая речь. Особенно если учесть, что ни одна из

этих вещей не была ложью. Она была слишком хороша для меня. Я был измучен. И все становилось все сложнее, особенно теперь, когда мы занимались делом Рота.

Клэр нахмурилась, не удосужившись казаться невредимой. Я знал, что должен обождать это в ней, но я не мог не скучать по играм разума Арьи. Ее надменная гордость. Ее упрямство.

— Ты не думаешь, что мне решать, достаточно ли ты хорош или нет? — спросила Клэр.

— Нет, — мягко сказал я. — Я неплохо подделываю качество.

— Я думаю, ты недооцениваешь себя. — Клэр перегнулась через стол, схватив мою руку в свою. — Ты мне очень нравишься, Кристиан.

— У тебя нет причин для этого.

— Тем более, что ты не понимаешь, насколько ты прекрасен.

Я одарил ее взглядом, что это не сработает.

— Это мисс Рот? — Она опустила мою руку.

— Не надо, Клэр.

— Значит, так. — Она встала, но не ушла. Ожидание полного отказа. Чтобы я передумал.

Я замаскировал свое раздражение беспокойством.

— Ты заслуживаешь лучшего.

— Очевидно, что да. — Она невесело улыбнулась, но не двинулась к двери. Она ждала чего-то другого. Что-то, что я был не в состоянии дать ей. Человечество. Раскаяние. Сочувствие. Я хотел убить Арию и Конрада именно тогда. За то, что они лишили меня всего того, что я мог бы дать другим.

— Я надеюсь, что этот вопрос улажен и позади, — сказал я.

И это было, когда я увидел это. Осознание пришло ко мне. То, как она закрыла глаза, сказало мне все, что мне нужно было знать. Она поняла это.

— Да. Все совершенно ясно. Это все, мистер Миллер? — Клэр задрала нос кверху.

— Да, мисс Лесавой.

Это был последний раз, когда Клэр говорила со мной в тот день.

ГЛАВА 15

Арья

Настоящее время.

— Ты уверена, что собираешься съесть этот кекс? — Мать — или просто Беатрис, поскольку ей не нравилась женщина лет тридцати, публично именуемая ее мамой, — выглянула из-за своего меню, неодобрительно скривив рот.

Мой отец сидел рядом с ней, молча намазывая кусок тоста маслом. Поддерживая зрительный контакт с Беатрис, я откусила большой кусок апельсиново-клюквенного кекса, который держала в руке, и крошки посыпались на мое мятно-зеленое платье от Гуччи.

— Похоже на то, Беа.

Мы сидели в Columbus Circle Inn, очаровательном ресторане в пастельных тонах с цветами из дутого стекла, на воскресный бранч. Беатрис Рот редко меня видела. У нее были комитеты, благотворительные организации и обеды, но она делала это раз в год, когда мы ходили на могилу Аарона на годовщину его смерти. После этого было традицией завтракать. В то время как каждый год потери моего брата-близнеца был отмечен восклицательным знаком, я не могла вспомнить, когда в последний раз моя мать относилась

к моему дню рождения как к чему-то большему, чем просто запятая.

— Ты должна следить за своей фигурой, Арья. Тебе уже не двадцать. — Мама поправила свои новые серьги с бриллиантами с единственной целью привлечь к ним внимание.

Я редко видела свою мать, хотя жила прямо в квартале от нее. И всякий раз, когда я видела ее, она всегда говорила что-то недоброе. Ей было противно мое отсутствие желания стать содержанкой. По ее мнению, я слишком много работала, слишком мало занималась спортом и слишком часто говорила о политике. В общем, как светская львица я была ослепительной неудачницей.

— Я буду иметь это в виду, когда буду искать мужа-женоненавистника, которому нужна трофейная жена без мозгов и без аппетита.

— Тебе обязательно быть такой грубой все время? — Она сделала глоток джина и диетического тоника.

— Должна ли я? Нет. Делаю я это? Конечно, когда я в настроении.

— Оставь ее в покое, Беа, — устало предупредил мой отец.

— Не указывай мне, что делать. — Она бросила на него взгляд, прежде чем снова обратить внимание на меня. — Такое твое отношение не делает этой семье никакой пользы. Твой отец сказал мне, что ты довела до крайности адвоката Аманды Гиспен. Практически выманила его, чтобы он предстал перед судом.

— Беатрис! — взревел мой отец. Он извинился за тот день на слушаниях, и я согласилась, хотя с тех пор между нами что-то оборвалось. Хрупкое доверие, которое мы восстановили, когда мне было пятнадцать.

Я подавилась булочкой, когда она продолжила с раздраженным видом.

— Честно говоря, я удивлена, что ты не потратила больше времени и ресурсов на то, чтобы раскрутить это в СМИ.

— На самом деле, я безостановочно работаю над тем, чтобы получить положительную оценку в прессе. Непростая задача, учитывая обвинения, с которыми он столкнулся. — Я не так много могу сделать до начала суда. Кроме того, — я повернулась к отцу, — я разговаривала с человеком, чьим мнением я дорожу, и он предложил тебе нанять женщину-юриста в состав твоей команды. Судя по всему, присяжные отнесутся к женщине благосклонно.

Папа сделал глоток сангрии.

— Спасибо, Арья. Твоя работа состоит в том, чтобы заставить меня хорошо выглядеть, а не давать мне юридические советы.

— Ты сказал, что мне нужно больше помогать тебе, — бросила я вызов.

— Да, в твоей области знаний.

— Ну, тебе не кажется...

Наш разговор прервала официантка, которая поставила на стол наши пироги с заварным кремом, «Кровавую Мэри» и яйца «Бенедикт». Мы все остановились, пока она не вышла за пределы слышимости. Когда она ушла, он начал говорить прежде, чем я успела закончить предложение.

— Послушай, я не заинтересован в найме любого другого адвоката, женщины или нет. Это будет выглядеть так, будто мы в отчаянии. — Он начал яростно резать свой пирог со шпинатом.

— Мы в отчаянии. — Мои глаза чуть не вылезли из орбит.

— Это не то, что я хотел бы, чтобы Кристиан Миллер увидел.

— О, теперь ты заботаешься об оптике? — Я закричала, зная, что всего этого можно было бы избежать, если бы папа был немного менее дерзким, когда увольнял Аманду. Предполагая, что все остальное, что она сказала, было неправдой, что было гипотезой, которая с каждым днем казалась мне все менее вероятной. Кроме того, я, честно говоря, не хотела заботиться о том, что думает Кристиан. Если бы я позволила себе заикливаться на этом, я бы сползла в нору и умерла бы от унижения от его отказа в сауне «Солнцестояния». Он и Клэр, вероятно, хорошо посмеялись над этим. Это было прекрасно. Не то чтобы мнение Миллера мешало мне спать по ночам.

— Нет большего греха, чем гордыня, папа. Гордость — это роскошь, которую ты сейчас не можешь себе позволить, — размеренно сказала я, пробуя другой угол.

— Арья, я не собираюсь вносить изменения в последнюю минуту только потому, что какой-то твой друг сказал тебе, что я должен это сделать. — Отец бросил салфетку на стол и встал. — На этой ноте я думаю, что пришло время тебе улучшить свою игру. Ты следовала за мной повсюду, как потерянный щенок, и пока очень мало сделала, чтобы помочь мне выбраться из этого.

Выйти из этого? Он думал, что у меня есть агентство, чтобы помочь ему сорваться с крючка?

— Виновата. Позволь мне поискать мою волшебную палочку «Ваша честь, он невиновен». — Я не знала, как мы с папой оказались там, где находимся сейчас. Мама смотрела между нами так, словно мы были двумя незнакомцами, прервавшими ее поздний завтрак.

Он покачал головой.

— Увидимся дома, Беатрис. Арья. — Он опустил голову, встал и ушел. Я сидела безмолвная, пока моя мать делала еще один глоток напитка. На нее почти не повлияло то, насколько расстроен папа. С другой стороны, я ни разу не видела, чтобы мои родители вели себя как нормальная пара. Их отношения больше походили на отношения двух братьев и сестер, которые не очень любили друг друга.

— Думаешь, это сделал он? — выпалила я.

Безупречное поведение моей матери не сломалось. На самом деле, она продолжала вскрывать свои яйца Бенедикт вилкой и ножом и откусывала от еды.

— Арья, пожалуйста. У твоего отца определенно было немало романов, но все они были по обоюдному согласию. Эти женщины бессовестно бросались на него. Я уверена, что в какой-то момент он и Аманда наслаждались обществом друг друга, и она ожидала большей компенсации после того, как он отказался от нее в пользу более новой модели.

— Он тебе изменял? — Но я уже знала ответ на этот вопрос.

Мать гортанно рассмеялась, оторвав крошечный кусочек хлеба на закваске и зажав его между своими алыми губами.

— Изменял, изменяет, будет изменять. Выбирай время. Но я бы не стала использовать именно этот термин. Измена подразумевает, что мне не все равно. Я уже давно не заинтересована в выполнении своих супружеских обязательств. Всегда было понятно, что если он хочет женской ласки, ему придется искать ее в другом месте.

— Почему вы не развелись? — Я выплюнула, гнев гудел под моей кожей. У меня не было иллюзий, что у моих родителей был счастливый брак, но я думала, что они полужункциональны.

— Потому что, — бубнила она, — зачем нам проходить через этот ужасный безвкусный беспорядок, когда у нас есть понимание?

— Где твоя гордость?

— Где его? — спросила она почти весело. — Добродетели не стареют в высшем обществе. Ты думаешь, что проскальзывать в постель к незнакомым женщинам и выходить из нее, как вор, более почетно, чем то, что я сижу дома и знаю об этом?

Моя реальность, какой я ее знала, рухнула. Я бы не сказала, что поставила папу на пьедестала, но определенно смотрела на него сквозь розовые очки. Теперь мне стало интересно, что еще мои родители скрывали от меня.

— Сколько у него было романов? — Я поудобнее устроилась на стуле, чувствуя, как на меня надвигается сыпь.

Мама пренебрежительно махнула рукой.

— Шесть? Семь? Я имею в виду серьезных любовниц. О, кто знает? Я не знала об Аманде, но были и другие. Его неверность началась рано. На самом деле, еще до того, как ты и твой брат родились. Но после того, как Аарон умер...

Мое сердце треснуло. Не полностью, но достаточно, чтобы в тот момент она была человеческой и милой, а не просто женщиной, которая игнорировала мое существование с того дня, как потеряла моего брата.

— Это ужасно.

Мама деликатно улыбнулась.

— Правда? Он был прекрасным отцом для тебя все эти годы, когда я едва могла смотреть на тебя. Ты слишком напоминаешь мне своего брата.

За это она меня ненавидела? Поэтому она игнорировала мое существование?

— Он никогда ничего от меня не требовал, даже когда было ясно, что я больше не та женщина, в которую он влюбился. Страшно ли с его стороны искать любовь где-то еще или это просто естественно?

— То, в чем его обвиняют, не имеет ничего общего с любовью.

Мама задумалась.

— Твой отец — извращенный человек. Во всяком случае, может быть.

— Ты думаешь, он способен на все то, в чем его обвиняют? — Я пыталась удержать ее взгляд, но он был пуст. Пустой. Дома не было никого, кроме изумрудно-зеленых глаз Беатрисы Рот. — О сексуальных домогательствах к кому-либо?

Мать подала сигнал на чек, не встречая моего взгляда.

— Ого, становится холодно. Давай продолжим это как-нибудь в другой раз, хорошо?

***

— Ари? — Уитли, наш офис-менеджер, высунула голову из-за экрана своего Мас на следующий день на работе. — Там кто-то внизу, чтобы увидеть тебя.

Я дважды щелкнула по своему цифровому планировщику, нахмурившись.

— У меня нет никаких встреч до трех. — Даже это было в Сохо, в нескольких кварталах от моего офиса.

Джиллиан бросила на меня пытливый взгляд через всю комнату, как и Хейли, наш штатный графический дизайнер. Уитли покусывала кутикулу, прижав переговорный телефон между плечом и ухом.

— Он внизу.

— У него есть имя? — Я выгнула бровь.

— Я уверена, что да.

— Теперь самое время спросить, что это такое.

Уитли опустила голову, спрашивая у человека, как его зовут. Она наклонила голову, чтобы видеть меня за экраном.

— Кристиан Миллер. Он говорит, что ты будешь рада его видеть.

Мой желудок нервно перевернулся, и банка с бабочками раскрылась, наполнив ее бархатистыми хлопающими крыльями.

— Он врет.

Она передала ему мой ответ, затем выслушала, что он сказал, и засмеялась.

— Он говорит, что знал, что ты это скажешь, но у него есть информация, которую ты хотела бы знать.

— Скажи ему, что я спущусь через минуту.

Я нерешительно погладила себя по волосам, схватила телефон и солнцезащитные очки и направилась к лестнице. Поскольку шансов, что мне понравится этот разговор, не было, я решила покончить с этим. Без сомнения, Кристиан был здесь, чтобы поразить меня плохими новостями. Вопрос был в том, как он узнал, где я работаю, если он бросил мою визитку в тот день, когда мы встретились в пивоварне?

Я спускалась по лестнице по две ступеньки за раз. Кристиан ждал на обочине, играя со спичками и разговаривая по телефону. Увидев меня, он поднял палец вверх, не торопясь закончить разговор. Только после того, как он подробно объяснил одному из своих помощников, как он хочет, чтобы они подали ходатайство о принуждении к чему-то в суде, он выключил свой телефон и спрятал его обратно в нагрудный карман, повернувшись, чтобы посмотреть на меня, как будто я была трехдневным заплесневелым блюдом, которое он только что обнаружил, глядя на него из кухонной раковины.

— Мисс Рот. Как вы?

— Хорошо, примерно пять минут назад. — Я надвинула солнцезащитные очки на нос. — А теперь мне интересно, какой свежий ад ты приготовил специально для меня.

— Ты ранишь меня. — Он достал сигару, говоря тоном, который совсем не звучал обиженно. — Я бы никогда не стал готовить свежий ад специально для тебя. Хотя тебе вот-вот доставят щедрый кусок.

— Покончим с этим, Миллер.

— Я хотел сказать тебе лично, прежде чем ты узнаешь из слухов. Адвокаты, которых нанял твой отец, кажутся столь же компетентными, как и ручные камни, и, кажется, даже не могут замедлить скорость, с которой движется дата суда. — Он зажег сигару. К несчастью, даже выдыхая вонь прямо мне в лицо, он больше походил на модель с обложки Esquire, чем на антигероя мафиозного фильм

— Еще четыре женщины выступили вперед и решили присоединиться к иску Аманды Гиспен. У одной есть красочные, очень интимные фотографии, которые ей прислал твой отец. Не то, что ты хотела бы увидеть сама, а то, чем я обязан поделиться с другими, чтобы ревностно представлять своих клиентов, что означает включение этого в доказательства, чтобы фотографии были представлены в увеличенном виде в зале суда во время суда.

Прижав руку к краснокирпичному зданию своего офиса, я рвано вдохнула, стараясь не выглядеть такой опустошенной, какой была на самом деле. Это вышло из-под контроля. Теперь против него свидетельствовали пять женщин? А фотки были?

Он сделал это? Мог ли он?

Теперь я знала, почему моя мать сказала, что не хочет знать. Ответ был ужасающим. Одна жалоба была чем-то, что я могла перестроить в своей голове. Придумать оправдание, в отсутствие контекста и других жертв. Пять были проблематичными. Тем более, что, будучи сама женщиной, я знала, насколько подавляющей была перспектива сидеть на трибуне перед опытными адвокатами, подвергаясь допросам и расспросам о чем-то, что так сильно меня задевало. Я почувствовала, что у меня слабеют колени.

Кристиан пристально изучал меня, словно ждал, когда упадет пенни.

— Эта штука не исчезнет, Ари.

— Ари? — Я подпрыгнула, мои глаза расширились.

— Арья, — поправился он, слегка покраснев. — Твоя жизнь вот-вот рухнет, если ты не отойдешь от этого.

— Похоже на то, и ты слишком рвешься на фейерверк. Ты ожидаешь, что я откажусь от собственного отца в качестве пиар-клиента? — Я откинула волосы на одно плечо.

— Нет, я ожидаю, что он бросит твою фирму и избавит тебя от неловкого разговора. Попроси Джиллиан бросить его, если тебе неудобно это делать. — Откуда он узнал о Джиллиан? Неужели он искренне думал, что я поверила в то, что он беспокоится за меня и мое дело? — Ты должна поступить правильно, сделав шаг назад от этого. Хотя, если подумать, я понятия не имею, почему ты этого еще не сделала.

— Не притворяйся, будто знаешь меня, — выдавила я. — И не дыми на меня дымом. — Я выхватила сигару из его пальцев, сломала ее надвое и выбросила в ближайшее мусорное ведро.

— Ты сумасшедшая, — сказал он, но на его лице отразилось веселье, а не гнев. Ему нравилось раздражать меня. Он получал удовольствие от моего гнева. — Что, кстати, я нахожу странно восхитительным.

— Не флиртуй.

— Почему нет? — он спросил. Уф. Хороший вопрос. Притяжение сводило с ума.

— Клэр? — устало спросила я.

Он покачал головой.

— Твердо в прошлом по состоянию на прошлую неделю.

— Жаль это слышать, — сказала я монотонно.

Он ухмыльнулся.

— Нет, тебе не жаль.

— Ты прав. Сейчас я довольно сосредоточена на дерьмовом шоу под названием «Моя семейная жизнь».

— Понятно. — Он не мог перестать пялиться на меня, и наоборот.

— Я ценю предупреждение, мистер Миллер.

— Суд будет быстрым. Судья Лопес не хочет зрелищ. Доказательства непроверяемы. Это должно быть быстрое завершение.

— Сейчас самое время прекратить болтать. — Я повернулась к входной двери, готовая уйти.

— Арья?

Он был глухим?

Я повернулась к нему лицом, на моем лице была пластмассовая улыбка.

— Да, Кристиан?

— Не ходи в суд на следующей неделе. Там будут вещи, которые ты не хочешь

видеть. Не говоря уже о том, что для тебя это самоубийство карьеры. — Голос у него был мягкий, глаза уже не такие холодные, как несколько дней назад в сауне.

— Некоторые вещи стоят того, чтобы умереть за них. Он мой отец.

— Да. Твой отец. Не ты. Как только ходатайство о объединении будет удовлетворено, все средства массовой информации будут об этом, и никакая милая фотография твоего отца в больнице, целующего младенцев, не заставит это уйти. Инвесторы заберут свои деньги из его хедж-фонда. Правление, вероятно, заставит его уйти в отставку. Обвинения изменились, изменилось и наказание, сама ткань дела. Конрад Рот не вернется на Уолл-стрит. Если ты все еще хочешь сделать карьеру, сейчас самое время дистанцироваться от него.

— Ты бы повернулся спиной к своему родителю? — Я сузила глаза, ища его.

Кристиан грустно улыбнулся, глядя вниз. Его большой палец перебирает коробок спичек.

— Я переезжал своих родителей с полуприцепом, чтобы выпить чашечку теплого чая. И я даже не чайный человек. Поэтому я не уверен, что я тот человек, которому можно задать этот вопрос.

Что-то в том, что он сказал, заставило меня почувствовать себя обнаженной. Виновной.

— Ты хочешь поговорить об этом? — Спросила я.

Он покачал головой, найдя мой взгляд.

— Нет. У тебя есть собственная семья, о которой нужно беспокоиться.

— Да. И я предпочитаю дать моему отцу презумпцию невиновности.

— Нет никаких сомнений. Его преступления — объективная реальность, полностью зафиксированная и засвидетельствованная. Я не убийца доброй репутации твоего отца. Я всего лишь коронер. Тело было уже холодным, когда я пришел сюда. Кроме того, есть еще один вопрос, который следует учитывать.

— И это?

— Я не могу пригласить тебя на свидание, пока ты связана с этим делом.

Мой рот открылся. Была ли я больше зла или шокирована? Я не могла сказать, но я знала, что ударила бы его, если бы моя семья уже не была в плохой прессе. Это было за гранью. Его высокомерие поражало.

— Ты хочешь встречаться со мной? — Я выплюнула.

— Я бы не стал заходить так далеко. Я хотел бы переспать с тобой и готов поставить все галочки, чтобы добраться из пункта А в пункт Б.

— Ты использовал эту линию на С...

— Нет. Мне не пришлось.

Я опустила солнцезащитные очки, полуулыбаясь.

— Забавно, ты не казался таким стремящимся быть со мной, когда мы вместе были в сауне.

— Сауна была плохо спланированной схемой. Не говоря уже о том, что я не хотел быть в серой зоне неверности. Теперь это в прошлом..

— Ты мне даже не нравишься. — Я взмахнула руками в воздухе, раздраженная. Я начала ходить по тротуару, не обращая внимания на любопытные взгляды окружающих нас людей. Кристиан выглядел более чем комфортно, как будто привык загонять людей в угол.

— Мне не обязательно нравиться тебе, чтобы хотеть переспать с тобой. Я полагаю, к твоему довольно преклонному возрасту ты будешь знакома с концепцией траха ненависти.

— А откуда тебе знать, какой у меня довольно преклонный возраст? — Я остановилась,

повернувшись, чтобы посмотреть на него. Я видела это тогда. Просто вспышка одерьмованное выражение лица человека, сказавшего что-то, чего ему не следовало говорить, прежде чем его лицо снова стало нормальным.

— Я знаю все обо всех, касающихся моих дел.

— Если ты думаешь, что я пересплю с кем-то, кто пытается разорить моего отца, тебе нужна проверка реальности с помощью терапии.

— Значит, да.

— Не приходи сюда больше, Кристиан.

С этими словами я развернулась и толкнула входную дверь в свое здание.

Я вернулась в офис, споткнувшись о лестницу как минимум три раза. Мой разум был перемешан. С Кристианом, с папой и семейным коктейлем Молотова моих родителей. Когда я толкнула дверь, меня встретило каменное лицо Джиллиан. Она держала свой портфель, ее губы были только что накрашены, сигнализируя мне, что она уходит.

— Ты забыла о нашей встрече с ShapeOn. Нам только что позвонили и сказали, что ты опоздала на тридцать минут. — Джиллиан попыталась говорить тише, но не смогла, как она часто делала, когда была расстроена. Я догадалась, что забыла внести это в свой ежедневник. Дерьмо. Это был уже второй клиент, с которым я облажалась в этом месяце.

— Я... — Я замолчала, придумывая, что сказать. Джиллиан покачала головой, протискиваясь мимо меня и выходя за дверь. Я стояла как вкопанная на пороге, недоумевая, что, черт возьми, произошло.

***

Весь остаток дня я пыталась дозвониться до отца по мобильному. Он не ответил. Правда надвигалась на меня, как конверт, запечатанный вокруг меня дюйм за дюймом.

К тому времени, как я ушла с работы на день, я решила, что отчаянные времена требуют отчаянных мер, и позвонила своей матери. Она ответила после третьего звонка, голос звучал холоднее, чем обычно.

— Арья. Ты звонишь мне из ниоткуда, так что я продолжу и предположу, что ты хочешь спросить о своем отце.

Привет и тебе, мама.

— Я тоже не помню, чтобы ты звонила, чтобы проведать меня, — ответила я, потому что, честно говоря, мне надоело ее отношение. — И да. На самом деле я звоню, чтобы спросить о папе. Он не отвечает.

Я слышала, как она двигалась по своей величественной гостиной, ее дизайнерские тапочки скользили по мрамору. На заднем плане лаяла ее карманная собачка.

— Твой отец весь день отсиживался в своем кабинете со своими адвокатами, проводя встречу, к которой я не хочу иметь никакого отношения. Новые улики и истцы определенно усложнят дело. Можешь себе представить, с чем мне придется столкнуться, когда я пойду на обед в загородный клуб на следующей неделе? Я думаю отменить все это. Фото члена, Арья! Как это некрасиво.

Фото члена. Это был термин, который я никогда не думала, что услышу от своей матери.

Опять же, она говорила о себе, а не о нем. Я дошла до двери своего дома, набрала код и открыла ее.

— Думаешь, это сделал он? — Я повторила свой вопрос с нашего позднего завтрака. Только на этот раз меня встретило уже не веселье, а мрачное молчание. Я никогда

не умела читать свою мать. Во всяком случае, недостаточно, чтобы понять, о чем она думает. Если у нее был очевидный ответ на мой вопрос, я не знала.

— Это не имеет значения, не так ли? Мы его семья. Мы должны поддерживать его.

Должны ли мы? Я подумала. Даже если он причинил вред другим? Злонамеренно?

Я толкнула дверь своей квартиры, затем сняла каблуки и устала на антикварные полки на стенах. Там было полно моих и папиных фотографий с каникул, благотворительных балов и праздников. С мамой нет. Она никогда ни за что не увязывалась. Папа вырастил меня один.

— Финансовые последствия — это еще одна вещь, которую следует учитывать. — Голос мамы донесся из телефона, который я держала в руках. — Компания пойдет прямо к банкротству, если Конрад не уйдет в отставку, и даже если он это сделает, может быть слишком поздно. Не говоря уже о том, что они судятся с ним на большую часть его состояния. Не могу поверить, что он сделал это с нами.

— Дай мне поспать над этим, мама.

— Хорошо. О... и Арья? — Мама фыркнула на другом конце. Я замерла, ожидая ее следующих слов. — Не будь чужой. Знаешь, ты тоже можешь позвонить мне. Я все еще твоя мать.

Вряд ли, — подумала я.

Ты вообще никогда не была мне никем.

ГЛАВА 16

Арья

Настоящее время.

Я решила взять выходной, чтобы расслабиться. И под «выходным» я имела в виду полный релакс. Я хотела получить ответы и разобраться в претензиях к отцу. До вчерашнего дня я осторожно предполагала, что папа говорит правду, когда он категорически отрицал это. Я не была уверена. Пройшей ночью я написала Луи, который подтвердил, что получил дополнительные запросы на обнаружение. Другие женщины присоединились к иску, и сумма в недавно поданном заявлении о возмещении ущерба была астрономической; это лишит моего отца большей части его активов, если он проиграет.

Я думала о Кристиане всю поездку на метро от моей квартиры до пентхауса моих родителей на Парк-авеню. Мне совершенно не нравилось, что он был прав насчет того, что я сделала шаг назад.

Когда я добралась до квартиры родителей, мама ждала у двери.

— Спасибо что пришла. Я подумала, может быть, мы могли бы заказать суши на обед или что-то в этом роде? — Обнадеживающая улыбка тронула ее губы.

— Хм, что? — Я хотела убедиться, что это не розыгрыш. Она никогда ничего мне не предлагала. И после того, как мне несколько раз отказали в подростковом возрасте, я прекратила попытки.

— Суши. Ты. Я. Я могу помочь тебе покопаться в папиных вещах.

В мои планы сейчас не входило играть с мамой в "Банду Брейди", но я признала, что она приложила усилия. Я похлопала ее по руке и прошла мимо нее в сторону спальни.

— Извини. Мне лучше всего работается, когда я одна.

Я добралась до двери главной спальни, используя секретный стук, который был только у нас с папой. Один рэп, такт, пять рэпов, такт, два рэпа.

— Папа?

Ответа не было. Мама появилась рядом со мной, выкручивая подол своего платья.

— Знаешь, он весь день был в угрюмом настроении. Он даже не отвечал на звонки своих адвокатов.

— Папа! — Я снова постучала, отбросив секретный стук. — Открой дверь. Я не смогу тебе помочь, если ты не поговоришь со мной. Мне нужно понять, что произошло.

Я не могла сомкнуть глаз в течение ночи. При мысли о том, что мой отец был способен на такие вещи, мне захотелось броситься в реку Гудзон.

Мама жалась рядом, выступая в роли любопытной публики.

— Уходи, — крикнул папа через дверь.

— Папа, я хочу помочь.

— Серьезно? Потому что ты пока не слишком помогла.

— У меня есть вопросы, — выдавила я. Мои растущие подозрения и его отношение были плохой комбинацией.

— Если ты мне не веришь, может быть, тебе не стоит приходить в суд.

— Никто не сказал, что я тебе не верю. — Хотя, надо признаться, моя уверенность в его невиновности была весьма шаткой. — Я просто хочу...

— Я не собираюсь отвечать ни на один из твоих вопросов. Отстань! — взревел он.

Я инстинктивно отступила на шаг, чувствуя, как горят щеки, как будто он ударила меня. Мой отец еще ни разу не кричал на меня. Это не значит, что я не была свидетелем его агрессии по отношению к другим. Если я была честна с собой — а я не была в большинстве случаев, когда дело доходило до него, — у него были проблемы с управлением гневом, сколько я себя помню. Но, конечно, гнев был раком. Это коснулось всего в твоей жизни. То, как ты вел себя в офисе, всегда перетекало в твою домашнюю жизнь. Твоя любовная жизнь. Твоя жизнь.

Я повернулась к матери.

— У тебя есть ключ от его картотеки? Я хотела бы ознакомиться с его трудовыми договорами.

Папа был бизнесменом старой закалки. Он считал, что все нужно распечатать и сохранить на хранение. Любая переписка, которую он имел с сотрудником, будет храниться в его кабинете. Он был слишком осторожен, чтобы держать эти штуки на работе.

Мать ломала руки.

— Думаешь, это может помочь?

— Стоит попробовать. — Даже если это не поможет его делу, это должно было помочь мне понять, были ли основания для каких-либо обвинений.

Десять минут спустя я сидела на роскошном ковре в кабинете отца, и передо мной лежала документация за тридцать лет. Все было там. От соглашений об обслуживании до личных электронных писем и писем о расторжении договора. Интересно, сколько из них он передал Луи и Терренсу? Я задавалась вопросом, передал ли он им что-нибудь вообще. Он казался запертым в том, что касалось этого суда. Часть меня хотела позвонить Кристиану и попробовать выяснить, что именно у них на него есть. Но, как упомянул Кристиан, его главная цель состояла в том, чтобы трахнуть меня, а не помочь мне.

— Арья? — Моя мать постучала в дверь папиного кабинета через три часа после моего исследования, держа поднос с лимонадом и печеньем. Что случилось с царем кексов? Похоже, теперь, когда появилась реальная возможность, что я стану ее единственной семьей,

мне можно было есть углеводы. Я сомневалась, что она останется с моим отцом, если он останется без гроша в кармане.

— Я просто оставлю это здесь, — осторожно сказала она, прокравшись на цыпочках в комнату и поставив напиток и закуску рядом со мной. — Дай мне знать, если тебе нужно что-нибудь.

Мне нужно было, чтобы ты была именно такой, когда я была подростком. Признать мое присутствие, вместо того, чтобы возмущаться.

Я могла не знать Аарона, но я всегда чувствовала его потерю. Он витал в воздухе этого дома, каждый предмет мебели, каждая картина были пропитаны им. Огромная пустота, оставшаяся там, где должен был быть другой член семьи.

— Спасибо. — Я не отрывала взгляда от окружавших меня гор папок. Она задержалась у двери.

Я взяла еще одну сердечную распечатку электронной почты между Амандой и папой, добавив ее в свою стопку Аманды. Я пыталась понять, где это пошло боком между ними.

— Эм, мама? Я как бы пытаюсь здесь работать.

— Ой. Конечно. Хорошо.

Она закрыла дверь с тихим щелчком.

— Ну давай же. Убитые горем поклонники. Жадные до денег оппортунисты. Покажите мне свои истинные лица. Скажите мне, что это все ложь... — прошептала я себе, просматривая документы.

Вселенная, должно быть, услышала меня, потому что через две минуты из одного из манильских файлов выпал черный конверт. Он был проложен бумагой и запечатан.

Что за...?

Я подняла голову, осматривая пустую комнату, прислушиваясь к звукам в коридоре. Берег был чист. Я поднесла к нему нож для открывания конвертов и разорвала его начисто. Пачка пожелтевших бумаг посыпалась на ковер. Я подняла одно письмо, и мое сердце бешено колотилось в груди. Почерк показался знакомым, но странным. Начертано курсивом, как будто человек экономит бумагу.

Дорогой Конрад,

Я сделала так, как ты сказал мне. Я не отвечала ни на письма Николая, ни на телефонные звонки. Мне плохо от этого. Он все-таки мой сын. Но ты знаешь, что моя верность с тобой. Я скучаю по нему и хотела бы увидеть его в ближайшее время. Как думаешь, я смогу провести с ним Рождество? Конечно, я также хотела бы провести его с тобой. Но только если она не придет. Я не могу вынести ее вида. Она не заслуживает ни тебя, ни Арию.

С любовью,

Руслана

Письмо выпало из моих пальцев. Николай.

Руслана говорила о Николае. Но что она имела в виду, делая то, о чем просил ее папа? Почему папа попросил ее не отвечать Ники после того, как он переехал? Это была не та версия, которую отец дал мне все эти годы назад для того, что произошло после того постыдного дня.

Одна вещь, которую не потребовалось детективу, чтобы заключить из этого, была их инспирированная интрижка. Я предположила, что «она» была моей матерью, которая действительно отказалась от наших ежегодных празднований Рождества в пользу работы над

своим загаром в Сиднее. Не было ничего необычного в том, что папа и Руслана возили меня куда-нибудь на каникулы, отвлекали от моего безматеринского существования. Но Руслана всегда оставалась в отдельной комнате и почти не говорила с отцом. Я взяла еще одно письмо.

Дорогой Конрад,

Я подозреваю, что ты лжец. Если нет, то почему ты до сих пор с Беатрис?

Ты сказал, что оставишь ее ради меня. Тем не менее, прошло три года, и посмотри на нас. Николай уже мужчина. Он даже не разговаривает со мной. Я потеряла связь со своей единственной семьей, думая, что присоединюсь к твоей. Николай должен был заботиться обо мне, когда я состарюсь. Теперь он даже не отвечает на мои звонки. Есть поговорка, с которой, я уверена, ты знаком. Вам, янки, она нравится. Ты не покупаешь корову, если можешь получить молоко бесплатно

Теперь я чувствую себя скотиной, Конрад, и мне совсем не нравится это чувство.

Все еще твоя,

Руслана

Мой желудок резко перевернулся. Руслана и Николай не общались все эти годы? Как мой отец был связан со всем этим? Он выглядел бешеным в тот день, когда нашел нас с Ники в библиотеке, воспроизводя сцену из "Искупления". Но он не мог... не хотел...

Бедный Ники. Неужели мой отец был способен на такие зверства?

Если пахнет свиньей и выглядит как свинья...

Я схватила еще одно письмо. А потом еще одно. Слова расплылись, расплывшись за листом непролитых слез.

Дорогой Конрад... Я не могу есть... Я не могу спать... моя любовь к тебе горит как полночное масло...

Дорогой Конрад... Я подумываю взять дело в свои руки и поговорить с Беатрис... если ты не скажешь ей, я скажу. Ты сказал, что оставишь ее. Ты солгал?

Дорогой Конрад... Я в отчаянии. Когда ты мне перезвонишь?

Дорогой Конрад... пожалуйста, не увольняй меня. Я буду в порядке. Я обещаю. Я не переступлю твоих границ. Мне жаль, что я сделала. Я была... смущена. Я не могу позволить себе потерять эту работу. Я уже слишком много потеряла.

Последнее письмо разбило остатки моей надежды на пол.

Дорогой Конрад,

Ты не оставляешь мне выбора. Я сама поговорю с Беатрис.

Купи мое молчание или заплати за то, что ты сделал.

— Руслана

Руслана не ушла; ее уволили.

Уволили. Спрятали там, где мама не могла ее видеть. Изгнали из папиного королевства, как и Николая.

Я до сих пор помню, что сказал папа в тот день, когда Руслана перестала приходить, ни звонка, ни записки. Я, студентка колледжа, зашла поздороваться.

— Я предполагаю, что она просто хотела переехать куда-нибудь, где много русских. Фокс-Ривер отвечает всем требованиям, — сказал он. Мне тогда казалось таким странным, что наша верная домработница, которая жалуется на зиму уже в сентябре, охотно решает переехать на Аляску. Мне также показалось странным, что я не могла узнать ее адрес. Послать ей цветы или подарочную корзину за все те годы, что она нам помогала. Она

исчезла с лица земли.

Теперь кусочки головоломки начали вставать на свои места.

Николай.

Руслана.

Аферы.

Аманда.

И самое главное — то, как мой отец обращался со мной сейчас, когда думал, что я его раскусила. Как он закрыл мне доступ в свое королевство.

Я встала, оставив разбросанные бумаги на полу кабинета. Мама попыталась остановить меня у двери, но я протиснулась мимо нее, выбежала из дома, прислонилась к кусту, и меня вырвало.

ГЛАВА 17

Арья

Прошое.

— Где он? — спросила я на следующий день после того, как Николая отправили домой, стоя на краю отцовского кабинета. Мне потребовался целый день, чтобы смотреть на него, не опасаясь физической атаки на него.

Руслана продолжала выполнять свои обязанности как ни в чем не бывало, но каждый раз, когда я пыталась расспросить ее о Ники, она либо делала вид, что не слышит меня, либо делала вид, что моет посуду и складывает белье, как будто не могла говорить и выполнять свои задачи одновременно.

Папа оторвался от своих бумаг, уронил ручку и откинулся на спинку сиденья.

— Дорогая. Где твоя мать?

— Попробуй угадать. — Я прислонилась плечом к дверному косяку, мой голос едва слышно шипел. — Сейчас где-то в мире проходит неделя моды. Возможно, она сжигает твои деньги и одновременно ворчит на тебя. — Вообще-то, она была на йога-ретрите, но мне хотелось ее обругать. Это был первый раз, когда я сказала что-то плохое о ней, чтобы поднять себе настроение. Как ни странно, это не сработало. Горечь, забившая мне горло, с каждым днем становилась все острее. Как резиновый мячик с большим количеством резинок. — А теперь ответь на мой вопрос — где Ники?

Папа откатил кресло, жестом приглашая меня сесть перед ним. Я направилась к креслу, сохраняя суровое выражение лица.

— Послушай, Арья, это нелегко сказать. Но я полагаю, что правда — это то, от чего даже я не могу тебя защитить. — Он почесал щеку. — Позволь мне начать с того, что я сожалею о том, как отреагировал, когда нашел вас двоих. Я не могу не подчеркнуть этого достаточно. Ты моя дочь, и защищать тебя — моя главная забота. Когда я увидел, как он прижимает тебя к полке, я подумал... ну, на самом деле, я не думал. В этом была проблема. Я действовал из чистых отцовских инстинктов. Хочу тебя уверить, что позже я пошел к Николаю и выразил сожаление по поводу своего поведения. Я не примитивный человек. Насилие ниже меня. Итак, сначала давай разберемся с этим. Он выглядел нормально и хорошо. Несколько царапин, но не более того.

Я посмотрела вверх, на потолок в стиле собора, чтобы не заплакать. Я знала, что не могу позволить ему сойти с рук за то, что он сделал. Более того, я не смогла бы пройти мимо этого, даже если бы захотела. Я видела жестокого, злого человека. Человек, которого я не

хотела видеть в роли отца.

— Ты лжешь, — холодно сказала я.

— Думаешь, я стал бы тебе лгать? — Он беспомощно посмотрел на меня, совсем другой человек, нежели тот, которого я видела вчера, избивающего Ники до полусмерти.

— Да, — сказала я ровно. — Ты сделал гораздо хуже Николаю.

— Об этом. — Папа обдумывал свои следующие слова. — Дорогая, я просто... я не был уверен, что я видел. Я знаю, что вы с Николаем были близки. Но после того, как я пошел извиниться лично к Николаю, он сделал просьбу, от которой я не мог отказаться. Ты должна понять, я сделал то, что он хотел, чтобы я сделал только потому, что чувствовал себя таким виноватым. И... ну, я не мог ему отказать, на случай, если он воспользуется моим поступком против меня. Я должен был думать о нашей семье. Ты не можешь оставаться здесь с мамой одна.

— Что ты сделал? — Мой голос был таким холодным, что по спине пробежали мурашки.

— Арья...

— Выкладывай, папа.

Он закрыл глаза, уронив голову на руки. На этой неделе я впервые задумалась, не все ли в порядке с папой. Идея была слишком сложной, чтобы ее переварить. В конце концов, он был моей единственной семьей.

— Он спросил меня, могу ли я купить ему билет в один конец к его отцу, который живет в Беларуси. Я согласился.

Мир вокруг меня закружился, хотя мои ноги все еще были прикованы к земле.

Николай. Ушел.

— Он хотел начать все сначала в другом месте. Жить в месте, где ему не пришлось бы отсиживаться все лето рядом с искушением. Это убивало его, милая.

Меня тошнило. Желчь ударила мне в горло, кислый вкус взорвался во рту. Я проглотила все это. Гнев, стыд, разочарование. Больше всего — унижение.

Так вот что чувствовало разбитое сердце. Тысячу ударов ножом в душу. Я никогда не собиралась встречаться. Никогда.

— Он сказал, что больше не хочет проводить здесь лето? — Я быстро моргнула, едва избежав слез. Папа закрыл лицо руками, упершись локтями в стол. Он не мог видеть меня такой.

— Прости, Арья. Я уверен, что он очень заботится о тебе. Он просто не хочет, чтобы все было так... сложно. Я могу уважать это. Хотя я пытался уговорить его остаться. В основном для Русланы. Видишь ли, он ее единственный сын.

Пока я все это переваривала, я чувствовала, как у меня трясутся руки на коленях. Чувство предательства лишило меня дыхания. Хотя у нас с Ники было только лето, оно держало меня на плаву. Они наполнили меня всеми хорошими вещами. Стало легче смотреть в мир.

— Ты забудешь о нем. Прямо сейчас кажется, что наступил конец света, но правда в том, что каждое приветствие заканчивается прощанием. Ты так молода; ты его даже не вспомнишь.

— Я попрошу у Руслана его номер, — услышала я свой собственный голос, не обращая внимания на его слова. Моя гордость была уязвлена, но никогда больше не разговаривать с Ники было хуже, чем запятнанное эго. Папа провел рукой по седой гриве, выдувая воздух.

— Она не даст его тебе, — резко сказал он. Затем, чтобы смягчить удар, пояснил: — Руслана пытается наладить отношения с Николаем, и сейчас он не хочет иметь ничего общего с семьей Ротов. Справедливо, а?

— Из-за того, что ты сделал? — Мои зубы стучали от ярости.

— Нет. Потому что он думает, что ты сделала это нарочно. Он не хочет с тобой разговаривать.

Это было похоже на еще один удар, на этот раз по тому месту, где была спрятана моя душа. Между грудью и желудком.

— У тебя есть адрес его отца? Так что я могу хотя бы написать ему? — спросила я стальным голосом, расправляя плечи. Я не собиралась сдаваться. Ники должен был знать правду.

— Конечно. Я запишу тебе адрес. Успокойся, когда пишешь ему, ладно? Не злись и все такое. Я чувствую себя ужасно из-за того, как все сложилось. Надеюсь, он сможет найти там свое место.

Нет. Надеюсь, он доползет до дома. Для меня.

Я хотела, чтобы Ники потерпел неудачу.

Признал поражение и вернуться.

Тогда я впервые обнаружила, что у любви есть и другая сторона. Темно и колючая проволока. Ржавые гвозди и полно гноя. Ядовитая, как и я.

— Эй, пап?

— Да сладкая?

— Не утруждай себя разговором со мной. Насколько я понимаю, ты все равно что мертв.

***

Той ночью я написала Ники свое первое письмо. Он состоял из четырех страниц и состоял из извинений и объяснений того, что произошло в тот день. Я также добавила несколько наших фотографий. Снято у бассейна и в парке. Почему-то я боялась, что он забудет мое лицо. Я протянула Руслане письмо с уже проштампованной печатью, внимательно наблюдая за ее реакцией. Выражение лица моей экономки оставалось стоическим, когда она заверила меня, что отправит его по почте.

Две недели спустя я отправила Ники еще одно письмо. На этот раз я обвинила его в вещах. Игнорирования меня, предательства, отказа от нашей дружбы.

Все это время папа пытался вернуть мою благосклонность. Осыпали меня подарками — новой камерой, билетами в Wicked, сумочкой, которую большинство взрослых женщин сочло бы слишком роскошной, — но я не уступала.

На следующей неделе я отправила Ники третье письмо с извинениями за письмо номер два.

Чем больше времени проходило без ответа, тем больше росло мое отчаяние. Я тосковала по дому, паниковала, распухла от вины и негодования. Если он решил так легко меня бросить, возможно, он заслужил мое приставание. Моя гордость, и без того хрупкая, как терновый венец, порвалась на ленточки. Все, что я хотела, это поговорить с Ники. Чтобы услышать его голос. Чтобы снова увидеть его кривую ухмылку, когда он пошутил надо мной с очередным саркастическим замечанием.

Первые четыре месяца первого года обучения я писала ему. Его ответ пришел в виде нежеланного подарка за день до Рождества: все мои письма с обратным адресом, все еще

запечатанные и нераспечатанные.

И вот, наконец, я сломалась.

Он не хотел говорить со мной. Слышать от меня. Напоминать о моем существовании.

Тем временем папа прятался в тени, выжидая возможности примириться.

— Мне очень жаль, — говорил он. — Я бы сделал все, чтобы сделать это лучше.

Месяцы прошли, а мой гнев — нет. В тот год я почти не видела папу, каждый вечер и выходные строила планы и не включала его в них.

Однажды, когда дыра в форме Ники в моей груди казалась особенно пустой, папа прошел мимо моей комнаты по пути в главную спальню. Меня перекинуло через кровать, и я смотрела в никуда.

— Что в нем такого интересного? — он спросил. — Потолок.

— Нет лучшего вида в этом гнилом доме. — Я звучала как мальчишка, и я знала это.

— Вставай. Я покажу тебе вид.

— Ты уже многое мне показал. — Мы оба знали, что я имела в виду Ники. Чувак все еще завладевал каждой моей мыслью.

— Я сделаю это достойным того, чтобы ты потратила на это время, — умоляюще умолял папа.

— Сомневаюсь. — Я фыркнула. Хотя мой гнев на него не уменьшился, я также осознала, что мне не на кого опереться, кроме Джиллиан. Мои школьные друзья были случайными, а родственники жили далеко.

— Дай мне шанс. — Он прислонился плечом к дверному косяку. — Ты либо отдашь его мне сегодня, либо в следующем месяце, либо в следующем году. Но я заставлю тебя простить меня. Не заблуждайся в этом.

— Хорошо, — удивилась я, услышав свой собственный голос. — Но не думай, что после этого мы будем круты друг с другом или что-то в этом роде.

Он отвел меня в Met Cloisters, чтобы увидеть средневековое искусство и архитектуру. Мы шли плечом к плечу, все время молча.

— Знаешь, — сказал папа, когда мы подошли к надгробным изображениям, — в Вестминстерском аббатстве их больше. Мне больше всего нравится королева Елизавета Первая. Если хочешь, я могу показать тебе это.

— Когда? — высокомерно спросила я. В какой-то момент в течение этого года быть ужасной для него стало все равно, что есть. Еще одна вещь в моей повестке дня.

— Завтра? — Он поднял брови, предлагая мне свою хитрую улыбку Конрада Рота. — Я свободен завтра.

— У меня завтра школа, — сообщила я, мой голос заметно потеплел.

— Ты многому научишься в Лондоне. Много истории.

Итак, через год я срезала угол и вернула папу в свою жизнь.

Мы сделали Клойстерс ежемесячным мероприятием.

***

Лондон не изменил меня.

Как и поездки в Париж, Афины и Токио.

Я по-прежнему была одержима всем, что связано с Ники, жаждала крох информации о нем.

Я сменила тактику с постоянной озабоченности им на всплески вопросов и приставаний. Я могла неделями не говорить о нем, а потом несколько дней безостановочно

спрашивала о нем.

Руслана объяснила, что Ники счастлив в Минске. Что если он не ответил, то это из-за его плотного графика. Папа поддерживал, но каждый раз, когда я пыталась попросить его проверить Ники через его частного сыщика, он отказывался, говоря, что делает это для меня. Что мне нужно было двигаться дальше. Что он ненавидит видеть меня полностью заикленной на своих мыслях.

Может, со мной что-то не так. Может ли любовь сделать тебя больным? Я предполагала, что может. Я всю жизнь наблюдала, как моя мать оплакивала моего брата, и не хотела тосковать по тому, кто никогда не вернется.

Тем не менее, когда мне исполнилось шестнадцать и я получила свой второй первый поцелуй от Эндрю Брауна, все, о чем я могла думать, это то, что он не был Ники.

Но я знала, что заставить папу что-то сделать невозможно. Кроме того, я должна была выбирать свои сражения. Мамы почти не было с нами. Моей единственной постоянной семьей был мой отец, и я не хотела разрушить ее, ссорясь из-за мальчика, который даже не удосужился написать мне в ответ.

Годы текли рекой, топив меня во всевозможных первых знакомствах с мальчишками, которые не были Николаем Ивановым. Первые семь минут в раю (Роб Смит). Первый сеанс поцелуев под трибунами (Брюс Ли). Первый бойфренд (Пирс Роквиш) и первое горе (Кэрри и Эйдан из «Секса в большом городе», потому что давайте признаем, что Пирс был великолепен, но не Эйдан). Ники всегда сидел на обочине моего сознания, заставляя каждого парня, с которым я встречалась, терпеть неудачу. Интересно, сколько девушек он поцеловал за эти годы? Если бы он все еще думал обо мне, когда прикасался к другим девушкам, скользя руками под их рубашки. Было безумием, что я не могу спросить его. Но, может быть, и повезло, потому что большая часть меня не хотела знать.

И вот, когда мне исполнилось восемнадцать, я первым делом позвонила частному сыщику папы. Дэвид Кесслер был лучшим на Манхэттене.

Дэвид вернулся ко мне через четыре недели после того, как я попросила его найти Ники, сообщив мне о его смерти.

Я не вставала с постели три дня, после чего страх превратиться в свою мать пересилил страдания от осознания того, что его нет в живых.

С этого момента я поклялась забыть о существовании Николая Иванова.

Если бы это было так просто...

ГЛАВА 18

Кристиан

Настоящее время.

Арья прибыла в зал в первый день суда.

Ясно, что она решила дать моему дружескому совету хороший, длинный средний палец с оттенком «занимайся своим делом».

По крайней мере, она предпочла занять место в общей зоне отдыха, а не на семейной скамейке, где ее было бы видно. Конрад Рот никогда не нанимал женщин-адвокатов, как я предложил его дочери. Было ли это из-за гордости или потому, что он знал, что не сможет выбраться из этой неразберихи, оставалось только гадать.

Пять жертв, обвиняющих Рота по шести пунктам обвинения в домогательствах каждая, требуют 200 миллионов долларов в качестве компенсации, по 40 миллионов долларов

каждая.

В отличие от других сексуальных посягательств на его положение и богатство, он с трудом заметал следы. По моим оценкам, это будет за четыре недели до того, как судья Лопес спросит нас о наших заключительных заявлениях.

Я стоял перед скамьей судьи Лопеса для своего вступительного слова, одетый в мой костюм «Брунелло Кучинелли» и с серьезным выражением лица. Мне потребовалось все, чтобы оторвать взгляд от женщины в последнем ряду зала суда. Арья сидела, выпрямив спину и вздернув нос вверх. Образ уравновешенной элегантности. Она перестала посещать бассейн, и у меня была целая неделя, чтобы обдумать нашу последнюю встречу, во время которой она практически сказала мне, чтобы я шел к черту, когда я предложил пригласить ее на ужин. Естественно, это заставило меня хотеть ее еще больше.

Я не был уверен, когда именно начала стираться грань между желанием поиметь ее и желанием поиметь ее вообще. Но я знал, что переступаю ее, как нетерпеливый стриптизер, выступающий на мальчишнике за чаевые.

Каким бы иррациональным, нелогичным, опасным (и нельзя было отрицать, что прикосновение к ней могло осложнить мое дело, перспективу моего партнера и мою жизнь в целом) это было, я хотел Арию.

И заслужил ее. После всего, через что она заставила меня пройти, ее присутствие в моей постели было идеальным утешительным призом.

Она могла бы пойти своим путем после того, как я с ней покончу, возможно, выйти замуж за нижестоящую родословную, теперь, когда дражайший папочка будет изгнан из компании хеджевого фонда, которой он управляет, и изгнан из приличного общества.

К несчастью для Арьи и, возможно, для меня самого, моя вступительная речь включала презентацию с изображением члена ее отца, который он послал двадцатитрехлетней стажерке и который был увеличен на экране посреди комнаты, лобок и полумачтовая эрекция были нетронуты. Я изо всех сил старался не смотреть на Арию, пока объяснял присяжным, что ее отец послал изображение своего члена кому-то младше собственной дочери, чувствуя у себя тошноту. И после этого тоже не обращал на нее внимания, когда моя клиентка со слезами на глазах объясняла, как ее ранило (вполне буквальное) откровение о том, что ее босс — козел.

Первый день испытаний прошел гладко. Истцы были убедительны. Присяжные прониклись к ним симпатией. Я продемонстрировал достойное Оскара выступление, делая вид, что слушаю и озабоченно нахмуриваю брови во всех нужных местах.

Когда судья Лопес стукнул молоточком и сказал, что в суде перерыв, я повернулся к месту Арьи и обнаружил, что оно пусто.

Я прошел с истцами и Клэр через двойные двери зала суда в фойе, разбивая день на удобоваримые пункты для моих клиентов. Я спустился по лестнице здания суда, проскользнув между величественными колоннами. Дождь прилипал к моему костюму. На другой стороне улицы за дверью кофейни исчезла вспышка взлохмаченных каштановых волос, которую я узнаю где угодно.

Арья.

— Я встречу тебя в офисе. — Я коснулся руки Клэр, когда она повернулась ко мне, сказав:

— Не хочешь выпить кофе по дороге, чтобы мы могли поговорить?

Она остановилась, тяжело сглотнула и кивнула.

— Да. Да. Конечно.

Не сводя глаз с двери кофейни, я пересек улицу и вошел внутрь. Арья уже сидела, баюкая чашку кофе за высоким столом у окна и глядя в него. Я скользнул на стул перед ней, прекрасно зная, что играю со спичками рядом с шестигаллонной бочкой со взрывчаткой.

— Как мы себя чувствуем сегодня? — Я сразу понял, что спросил не то, что нужно. Как, черт возьми, я думал, она себя чувствует? Я только что провел последние семь часов, забивая гвозди в метафорический гроб ее отца, прежде чем сбросить его в океан.

Арья подняла глаза от своей кофейной чашки, немного дезориентированная. Дождь стучал в окно перед нами.

— Разве юристы не должны уметь обращаться с социальными сигналами? Пойми намек, — простонала она, протирая глаза.

— Я скорее прямолинейный парень. — Я поставил свой портфель между нами.

Она поднесла край чашки к губам, отпивая от нее.

— Это так? Тогда вот тебе бомба правды — я не хочу с тобой разговаривать, Кристиан. Никогда.

— Зачем ты пришла сюда сегодня? — спросил я, игнорируя ее слова. У меня не было привычки приставать к женщинам или даже уделять им время дня, если только они не соперничали за это. Но я знал, что защитный механизм Арьи было отталкивание людей — мы были сделаны из одной ткани — и я не был до конца уверен, что прямо сейчас хочет побыть одна. — Он даже не признал тебя.

— Посреди зала суда висела фотография его пениса размером с киноэкран. Немного тяжело смотреть своему ребенку в глаза после этого.

— Точно. Ты не можешь поверить, что он невиновен после этого.

— Я вообще не уверена, что он невиновен. — Она поставила чашку обратно на стол и рассеянно покрутила ее пальцами. — Я нахожусь в зоне обоснованных сомнений. Но ты прав. Он игнорировал меня. Он даже не отвечал ни на один мой звонок.

— Это форма признания вины. — Я выхватил чашку из ее пальцев и сделал глоток. Она взяла свой кофе без сахара и без молока. Прямо как я. — Что подводит меня к моему первоначальному вопросу — почему ты здесь?

— Тяжело расставаться со своей единственной семьей. Даже если эта семья ужасна. Это хуже, чем если бы он умер. Потому что, если бы он умер, по крайней мере, я все еще могла бы любить его.

Будучи сыном двух засранцев-родителей, я мог понять.

— Что насчет твоей мамы? — Спросил я.

— Если честно, она не очень похожа на мать. Вот почему я думаю, что мне удалось не заметить явные сигналы от папы. Ты сказал, что не близок со своими родителями, верно?

Я коротко улыбнулась.

— Не особенно.

— Единственный ребенок?

Я кивнул.

— Ты когда-нибудь хотел, чтобы у тебя были братья и сестры? — Она подперла подбородок кулаком.

— Нет. Чем меньше людей в моей жизни, тем лучше. А ты?

— У меня был брат, — размышляла она, глядя на дождь, который усиливался. — Но он умер очень давно.

— Мне жаль.

— Иногда мне кажется, что я всегда буду половинкой чего-то. Никогда не целостный человек.

— Не говори так.

Я никогда не встречал никого столь целостного, как ты, со всеми недостатками и прочим.

Внезапно Арья нахмурилась, склонив голову набок, изучая меня.

— Подожди, ты вообще должен со мной разговаривать?

— Ты больше не участвуешь в деле. Ты больше не оказываешь профессиональные услуги своему отцу, и твое имя не числится в списке свидетелей.

Хотя с этической точки зрения мой разговор с дочерью подсудимого был в лучшем случае неортодоксальным, а в худшем — пожаром в мусорном баке.

Она выгнула бровь.

— Нет?

Я покачал головой.

— Он удалил все упоминания о твоей компании со своих сайтов через пару дней после того, как я посетил твой офис. Я предположил, что по твоей просьбе.

Глаза Арьи с густой бахромой вспыхнули. Очевидно, мое предположение было неверным. Она вскочила на ноги, опрокинув кофе. Коричневая жидкость пролилась на стол и пол. Она поправила чашку трясущимися руками.

— Хорошего вечера, мистер Миллер.

Она хлопнула дверью и выбежала на улицу. Я схватил свой портфель и последовал за ней, понимая, насколько я был чертовски легкомысленным. В этот момент я умолял попасть в беду. Судья Лопес имел бы полное право отстранить меня от дела, если бы узнал, чем я занимаюсь.

История повторяется.

— Арья, остановись. — Я протиснулся мимо вечерней манхэттенской толпы. Дождь падал простынями на нас обоих, утяжеляя ее сумасшедшие волосы. Она ускорила шаг. Она бежала. От меня. А я гнался за ней.

Мои ноги двигались быстрее.

— Арья! — Я лаял. Я даже не знал, что хотел ей сказать. Я просто знал, что хочу сказать последнее слово. Дождь хлестал по лицу. Она остановилась на перекрестке, на красный свет. В ловушке она повернулась вокруг, ее поза была настороженной, как будто она была готова наброситься. Ее зеленые глаза заплясали в орбитах.

— Что? Чего ты хочешь от меня, Кристиан?

Все, и вообще ничего.

Твои слезы, твои извинения, твое сожаление и твое тело.

Больше всего я хочу, чтобы ты помнила. Какими мы были. И то, кем мы больше никогда не сможем быть.

Я провел рукой по мокрым волосам.

— Почему ты перестала ходить в бассейн?

Она откинула голову назад и рассмеялась. Она была так красива, что мне хотелось задушить себя за то, что я взял портфель. За то, что не позволил кому-то другому прибить Конрада Рота, пока я вел грязный роман с его дочерью. Полные обнаженных выходных в экзотических местах, шампанского и извращенного секса.

Она ворчала.

— Я хотела найти на тебя компромат. Потом я... — Она запнулась, остановив себя в последний момент, не желая заканчивать фразу. — Потом я поняла, что ты не настоящий злодей в этой истории, — тихо закончила она.

— Я не злодей. — Но слова казались странными во рту, потому что в некотором смысле я был таким. Никому из нас не было дела до того, что дождь хлестал по нашим лицам, когда мы стояли посреди улицы. Ее запах персиков, сахара и Арьи усиливался сквозь дождь. Свет за ее спиной стал зеленым. Я подошел ближе, мои пальцы дернулись, чтобы обхватить ее щеку. — Сократи свои потери. Повернись спиной к отцу, как он повернулся спиной к тебе. Поужинай со мной.

Она покачала головой, зажмурил глаза. Капли дождя летели с ее волос. Внезапно нам снова стало по четырнадцать. Я прижался лбом к ее, вдыхая ее. Удивительно, но она не оттолкнула меня. Наши волосы были сплетены, наши носы соприкасались. Ее сердце колотилось против моего. Я хотел делать вещи, о которых мне не надо было думать.

— Боже. — Она сжала кулаки, прижимая их к моей груди. — Я хочу, чтобы это прекратилось.

— Мне жаль. Мне так, так жаль.

Мне было жаль, по крайней мере, в тот момент. Это был момент чистого, простого старого Ники с его глупой слабостью к этой девушке.

— Я чувствую себя такой потерянной. — Она выдохнула.

— Ты скоро найдешь себя. Когда закончится суд. Когда осядет пыль.

— Трахнуть Рот — твоя давняя мечта? — Ее губы приблизились к моим так близко, что я почувствовал их вкус.

— Обычно нет. Но конкретно одну — да. Это в моем списке желаний.

— И всегда ли ты достигаешь того, что в твоём списке желаний? — Губы против губ. Кожа против кожи.

— В большинстве случаев, — признал я.

— Ну, ты меня не получишь.

— Ты уже наполовину моя.

Наши тела были прижаты друг к другу, наша одежда промокла насквозь, но она не съежилась. Она не отступила. Я вспомнил двенадцатилетнюю девочку, которая не дала мне выиграть ни одного глупого спора, пока мы болтались на кладбище. Та девушка все еще была там.

— Хотите поспорить? — Капли воды свисали с ее ресниц, и она никогда еще не выглядела более красивой, более разрушительной, более настоящей.

— Конечно. — Я говорил ей в рот. — Давай сделаем это интересным. Если мы будем заниматься сексом, ты будешь платить мне за все ужины, на которые я буду приглашать тебя задним числом.

Кто-то протиснулся мимо нас, чуть не сбив Алью на улицу в поисках сухого места. Я притянул ее за талию к себе, обратно в безопасное место. Наши взгляды не отрывались.

— Как благородно с твоей стороны. А если я выиграю и мы не будем спать вместе, ты ответишь на все мои вопросы о деле моего отца.

— Я не могу этого сделать.

— После того, как все закончится, — пояснила она. — Что также является ставкой для этой сделки.

Я заправил мокрые пряди волос ей за уши.

— В разумных пределах и с учетом моего соглашения между адвокатом и клиентом, у тебя есть сделка.

— Как долго будет длиться суд? — она спросила. Я был очарован ее губами. Какие они были мокрые. То, как они дулись вокруг разных гласных, когда она говорила.

— Четыре недели. Пять, если команда юристов твоего отца вытащит голову из задницы и объявится, что, честно говоря, маловероятно.

— Лучше займись своей игрой. — Она ехидно подмигнула мне.

Я смотрел, как она уходит, чувствуя себя ограбленным.

Ари и Ники.

Ники и Ари.

Значит, меня было недостаточно.

Я собирался доказать ей, что в настоящее время я больше, чем она может вынести.

***

Позже тем же вечером мы с Арсеном были в модном баре в Сохо, когда встретили Джейсона Хэттера, достаточно милого парня, который вместе со мной учился в Гарвардской школе права. Он заметил нас через бар, поцеловал девушку в щеку и направился к нам. Он сказал нам, что недавно стал партнером в собственной фирме, но выглядел таким же веселым, как человек, которому приходится лизать подмышки, чтобы зарабатывать на жизнь.

— Ты все еще не партнер? — спросил Джейсон, скорее удивленный, чем самоуверенный. Он был хорошим парнем, но бестактным, как использованная салфетка.

— Кристиан все еще очаровывает папу и папочку. — Арсен похлопал меня по пояснице, как будто я его свидание или что-то в этом роде. Я резко отмахнулся от его руки.

— В этом году я стану партнером, — сказал я Джейсону.

— Что ж, я в этом не сомневаюсь. Ты сделал себе имя. Моя девушка спрашивает, встречаешься ли ты с кем-нибудь.

Я подумал об Арье, а не о Клэр, прежде чем покачать головой.

— Но без обид, приятель, я не в восторге от секса втроем.

Джейсон рассмеялся.

— Я имел в виду, что она хочет свести тебя с подругой.

— О. — Я нахмурился. — Мне это тоже не нравится.

Когда Джейсон ушел, Арсен повернулся ко мне, и на его губах играла торжествующая ухмылка.

— Вернемся к твоей истории. Просто чтобы мы были на одной волне, ты говоришь, что преследовал ее на улице?

Я баюкал свой бренди, потирая костяшками пальцев челюсть.

— Правильно.

— А потом, — продолжал Арсен, говоря слишком медленно, уставившись на меня так, словно я должен был быть в шлеме, потому что я представлял опасность для себя и для всех вокруг, — ты поспорил с ней, что сможешь заставить ее спать с тобой, даже если ты у тебя даже нет ее номера телефона?

— У меня есть ее номер телефона, — заметил я. — Технически она не предлагала мне его добровольно.

— Определи «технически».

— Я попросил своего секретаря найти его.

Арсен молча кивнул, давая мне понять, насколько безумно это звучало для постороннего.

— Тогда ты чуть не поцеловал ее.

— Но я этого не сделал.

— Потому что...?

— Это усложнило бы дело.

Это была ложь. По правде говоря, я знал, что она оттолкнет меня, и выжидал.

— Жаль тебе это говорить, приятель, но поезд сложностей ушел. Ты на территории мусорного контейнера. В итоге, тебе конец, — сказал Арсен совершенно серьезно. — Ты никогда не переступаешь черту профессионализма. С Арьей ты переехал эту сучку на машине Формулы-1, а потом выделял на ней пончики.

— Не делай из меня святого, которым я не являюсь. — Я взболтал свой напиток в стакане. А потом, потому что, видимо, теперь я хотел доказать свой непрофессионализм:

— У меня был секс с Клэр.

— Это был секс. Эта женщина была более ванильной, чем мороженое с помадкой. Ты держал ее рядом из простого удобства и делал все возможное, чтобы сохранить ваш роман в тайне. К тому же, он не продлился и трех месяцев.

— Клэр была плохой прессой, даже после того, как я сообщил о нас HR. — Я отмахнулся от него. — Она работает под моим началом.

— Не так, как ей хотелось бы. — Арсен поднял свой стакан, допил напиток и стукнул им о деревянную стойку. — Кроме того, речь никогда не шла о прессе. Арья Рот — твой криптонит. Тебе не следовало браться за дело, а теперь ты не можешь отступить. Если, конечно, ты не хочешь, чтобы твоя карьера пошла прахом.

В этот момент между нами проскользнула грудастая рыжеволосая девушка, закутанная в черную кожаную юбку и что-то похожее на красный лифчик, в котором не хватало нескольких частей. Она одарила меня кошачьей улыбкой, дернув головой в сторону.

— Мои друзья поспорили на пятьдесят баксов, что я не смогу уговорить тебя купить мне выпивку. Что скажешь?

— Я думаю, — я сердечно улыбнулся, наклоняясь к ней и шепча ей на ухо, — ты просто стала на пятьдесят баксов беднее.

Улыбка женщины превратилась в хмурую, и она попятилась, топая назад к своим клонам. Она была как раз в моем вкусе, но мне нужно было нечто большее, чем точная копия моего последнего секса на одну ночь. Я хотел, чтобы кто-то бросил мне вызов, сразился со мной, свел меня с ума. И что кто-то в настоящее время ругал меня за то, что я пошел за ее отцом.

Я снова повернулся к Арсену и увидел, что он очень удивлен, покачав головой.

— Итак, тост.

— Что теперь? — прошипел я.

— Старый Кристиан не отказался бы от ночи секса без обязательств с Джессикой Рэббит.

— Старому Кристиану не нужно просыпаться завтра в шесть, чтобы подготовиться к суду.

— Конечно. — Арсен похлопал меня по плечу, посмеиваясь. — Новый Кристиан может продать себе эту чепуху, если ему от этого станет легче.

***

В тот вечер, возвращаясь домой на Uber, я попросил водителя сделать пит-стоп по рабочему адресу Арьи. Мне было все равно, что думает Арсен. Все, что мне было нужно, это один раз попробовать, прежде чем я выбросил Арию вместе с ее отцом обратно в свое прошлое.

Я знал Арию, и у меня не было будущего. Не только потому, что она притворялась заслуживающим доверия человеком только для того, чтобы нанести мне удар в спину, но и потому, что буквально думала, что я кто-то другой. Отношения не обсуждались. Арья сбежала бы куда подальше, как только узнала бы, кто я на самом деле.

Кроме того, четырнадцатилетняя Арья раздавила меня не более чем ради кровавой забавы. Что сделает тридцатидвухлетняя Арья, когда узнает, в какую игру я играю?

Влажные улицы Манхэттена расплылись за окном, прежде чем водитель остановился у здания из красного кирпича, где располагалась компания Brand Brigade. Было десять тридцать вечера. Свет в офисе Арьи горел в ее окне.

Я смотрел, как она носилась по своему кабинету, вытаскивая бумагу из принтера и разговаривая по телефону.

Она выросла трудоголиком. Прямо как я.

— Сэр?

— Хм? — рассеянно спросил я, все еще глядя на нее через окно.

— Прошло пятнадцать минут.

Правда?

— Да, — сказал он, прочищая горло. Я даже не знал, что сказал это вслух. — Мы готовы ехать дальше?

— Ага. — Я играл со своим спичечным коробком. — Значит домой.

ГЛАВА 19

Кристиан

Прошлое.

— Быстрее. — Директор Плат ударил меня по затылку. Он скользил по кухонной плитке, переплетая пальцы за спиной. Половина моего тела была внутри промышленного горшка, пока я чистил его. Мои суставы были такими сухими, что каждый раз, когда я мыл руки, текла кровь. Что было достаточно часто, учитывая, что я мыть посуду по крайней мере четыре раза в неделю.

Я втянул воздух, потирая чугунный очиститель о смолистую корку, которая осела по краям, отказываясь подчиняться.

— Мистер Рот был прав. Ты такой уродливый, что можешь поймать молнию. — Директор Плат хихикнул, остановившись у окна, выходящего на зеленую траву. Студенты растянулись на холме у фонтана, ловя солнечные лучи, прихлебывая слякоть, рассказывая друг другу о своих планах на лето. Мои включали в себя попытки найти работу в ближайшем городе и ежедневную прогулку по десять миль в школу-интернат и обратно, потому что я не мог позволить себе билеты на автобус. Я представил себе, как Руслана — в этот момент не было никакого смысла называть ее мамой — играла вторую скрипку Ротам. Делает для Арьи ее модные чаши с асаи, заплетает ей волосы, таскает за ней пляжную сумку по золотым дюнам в экзотических местах у океана.

— Знаешь, он делает тебе огромное одолжение, — продолжил директор Плат, лениво

глядя на своих учеников через окно. Его глаза становятся большими и жадными. Мне всегда казалось, что ему слишком нравилось то, что он видел, когда он смотрел на некоторых мальчиков. — С тобой бы ничего не стало, если бы ты остался в Нью-Йорке.

— Было бы неплохо иметь выбор в этом вопросе, — пробормотал я, меняя угол наклона руки, пока мыл кастрюлю. Мои мышцы горели от усталости. Нередко мои руки онемели всю ночь после нескольких часов работы на кухне.

— Что ты сказал? — Его голова закружилась так быстро, что на секунду мне показалось, что его шея вот-вот сломается.

— Ничего, — прошипел я. Студенты не должны были брать на себя обязанности по кухне или прачечной, если только они не вели себя плохо. Предполагалось, что это будет что-то вроде задержания, но я, кажется, был частью персонала здесь. Арсен и Риггс всегда говорили мне, что это чушь собачья, и я соглашался, но мало что мог с этим поделать.

— Нет. — Плат бросился ко мне, желая затеять драку. — Скажи это снова.

Я повернулся к нему лицом. Мое лицо было красным и горячим. Я был в ярости на него за то, что он нес такую чушь, и на себя за то, что терпел это. И на Конрада, который много лет спустя издевался надо мной, пусть и с безопасного расстояния, только за то, что я посмел прикоснуться к его драгоценной, глупой, избалованной девочке.

— Я сказал, что было бы неплохо, если бы он дал мне выбор! — Я обернулся, вздернув подбородок.

Он сделал шаг ближе, его нос почти коснулся моего.

— Ты хоть представляешь, сколько он платит за то, чтобы держать тебя здесь каждый год?

— Бьюсь об заклад, я выложу большую часть гонорара, так как я работаю здесь круглый год.

Плат прижался своим носом к моему, возвышаясь надо мной, отталкивая мое лицо назад, его глаза сверлили меня.

— Ты работаешь здесь круглый год, потому что ты кусок мусора, который не может оставаться в стороне от неприятностей, — усмехнулся он. — Потому что ты бесполезный маленький придурок, весь вклад которого в общество заключается в том, чтобы чистить и гладить одежду хороших мальчиков.

Что-то внутри меня оборвалось именно тогда. Я был уставшим. Надоело просыпаться в пять утра, чтобы стирать чужую одежду. Устал делать домашнюю работу в два часа ночи, потому что мне нужно было мыть и мыть кастрюли и сковородки. Надоело косить газон в жаркие летние дни без перерывов на воду. Измученный наказанием за то, чего я даже не хотел делать. В то же время я знал, что Плат бросает мне вызов. Он ждал, пока я отвечу. Хотел отомстить. Искал предлог, чтобы ударить меня. Я бы не прочь, чтобы он поднял на меня руки. До сих пор он был осторожен, но его подлость перевешивала все остальные его черты.

Поэтому, хотя я знал, что пожалею об этом, я заставил себя улыбнуться. Растягивая губы по щекам, у меня болело лицо, но я все равно это делал, а затем произнес слова, которые должен был сказать Конраду в тот раз, когда он меня избил:

— Пошел ты.

Я плюнул ему в лицо, но не раньше, чем собрал приличное количество мокроты. Я знал, что заплачу за это, но мне было приятно. Плевков попал на правую щеку Плата и сполз вниз к его шее. Он не сделал ни малейшего движения, чтобы вытереть ее. Он просто смотрел на

меня с выражением, которое я не мог расшифровать.

Следующие несколько секунд были размыты. Директор Плат громко хрустнул костяшками пальцев. По сигналу кухонная дверь распахнулась, и вошли трое здоровенных пожилых людей из команды гребцов.

— Джентльмены. — Плат отступил назад, моя слюна все еще была на его щеке. Дерьмо на крекер. Они ждали все это время. Все это было планом, чтобы позлить меня. — Я должен отойти, чтобы навести порядок. Пожалуйста, составьте компанию мистеру Иванову, пока меня не будет. Не хотите сделать это для меня?

— Нет проблем, сэр

Один из мальчиков — самый большой и тупой, естественно, — махнул рукой, как удачливая кошка, в сторону директора и затопал ко мне. Дверь на кухню со щелчком закрылась. Я посмотрел между тремя из них. Я знал, что должно было случиться. Тем не менее, я не сожалел.

Придурок номер один хрустнул костяшками пальцев, а придурок номер два впечатал меня в стену. Дерьмо номер три встал у двери, убедившись, что никто не идет. Я знал, что это конец для меня. Что я, наверное, умру.

— Ну, здравствуй, Оливер Твист. Нашел свой путь в высший свет и решил, что мы позволим тебе войти, как будто ты здесь хозяин, да? — спросил Дерьмоголовый номер один. Я не ответил. Он ударил меня кулаком в челюсть, отчего моя голова отлетела в другую сторону, а Говнюк номер два крепко держал меня на месте.

Дерьмоголовый рассмеялся. У меня шла кровь изо рта. Моя челюсть онемела, но я почувствовал, как что-то горячее стекает по подбородку.

— И так разговаривать со своим директором... где тебя воспитывали? В джунглях?

Он ударил меня ногой в живот, а когда я сложился пополам, несколько раз ударил меня ногой по лицу, удерживая за плечи, чтобы я не упал. После этого было много толчков, но в этот момент я был только в полубессознательном состоянии. Мои веки были слишком тяжелыми, чтобы держать их открытыми, и звуки вокруг меня стали приглушенными. Как будто я был на дне океана. Я не знал, сколько времени прошло. Может быть, это было несколько минут. Может час. Но в какой-то момент вокруг меня раздались крики и драки — люди били друг друга, не только меня, — а потом две пары рук тащили меня от кухни, их хозяева лаяли друг на друга. Сначала я узнал голос Арсена. На протяжении всего времени он оставался спокойным. Леденяще спокойным. Риггс, однако, хотел вернуться туда и надрать им задницы.

— Ты уже сломал нос этому чуваку, — сказал Арсен, кряхтя от усилий, когда меня тащил по лестнице в мою комнату. Я держал глаза закрытыми, слишком стыдно, чтобы открыть их. Я не хотел отвечать ни на какие вопросы.

— Этот придурок с самого начала выглядел как растоптанный опоссум. Я хочу причинить непоправимый ущерб, — пожаловался Риггс, дергая меня, когда они добрались до моего этажа и по ковровому коридору направились к моей комнате в общежитии.

— Самый непоправимый вред, который понесет ребенок, — это интеллект проклятого Фройе, и это не имеет к тебе никакого отношения. Отпусти ситуацию. Они дружат с Плат.

— Мы должны ударить и Плата, — сказал Риггс, пиная мою дверь с разворота. Они бросили меня на мою кровать. Я приоткрыл один глаз и увидел, как Риггс стягивает рубашку за воротник, бросает ее в мою раковину и дает намокнуть в холодной воде.

Арсен плюхнулся рядом со мной, набрав воды между моими потрескавшимися губами.

— Нет. Этот парень, Конрад, держит его в кармане. Нам придется лучше следить за Ники.

Риггс сжал свою рубашку, расстегнул мою униформу и начал прижимать свою скомканную мокрую рубашку, как компресс, к моей горячей, покрытой синяками коже. Я застонал от боли, но мне было хорошо.

— Ой, смотри. Принцесса встала, — проворковал Риггс. — Ты в порядке, милый?

— Ешь дерьмо, Риггс.

Риггс рассмеялся.

— Он в порядке. Эй, как насчет того, чтобы я принес нам гамбургеры? Я могу поехать в центр.

Я отчаянно затряс головой.

— Тебя могут поймать.

Риггс перешел от взрыва случайных вещей и создания небольших пожаров к краже машин персонала и крадучись в город. У него не было водительских прав. Это не помешало его грандиозным планам.

— Хорошо. — Риггс похлопал меня по коленке, а Арсен составил список всего, что ему нужно было привезти. Среди них, без сомнения, экстра-чесночный картофель фри. — Так я буду работать на кухне, а ты нет. Или еще лучше — мы сделаем это вместе. Большая, толстая, неблагополучная счастливая семья, которой мы являемся.

— Ты не можешь этого сделать, — пробормотал я, слишком уставший, чтобы спорить.

— Мы можем и будем. — Арсен толкнул меня обратно на кровать. — И тебе лучше, блядь, ответить взаимностью, когда придет наша очередь облажаться.

На следующий день Арсена поймали на покупке травки, которую он не собирался курить, у одного из старших, в то время как Риггс принес настоящего горного льва, которого ему каким-то образом удалось привязать, и объявил его своим новым питомцем. Оба моих лучших друга получили по три недели работы на кухне и в прачечной.

После того дня Риггс и Арсен позаботились о том, чтобы я никогда больше не работал на кухне один.

ГЛАВА 20

Арья

Настоящее время.

Я решила посещать судебные заседания в дневное время, а по вечерам заниматься работой. Это было не идеально. Но, опять же, ничто в моей ситуации не было идеальным.

Кристиан Миллер не ошибся. Доказательства не оставляли места для больших сомнений. На каждую линию защиты, которую пробовали Луи и Терренс, отвечало еще больше доказательств от Кристиана и его клиентов. Луи и Терренс даже не могли отрицать домогательства. Когда пришло время представить их дело, они просто предположили, что все авансы были полностью согласованы. Одному из обвинителей было двадцать три года, черт возьми. Моложе меня, и она набожная католичка. Идея о том, что она бросится на моего отца, была бредовой. И все они были уволены им после того, как отказали ему в сексуальных домогательствах.

Тем не менее, я приходила в суд каждый день. Может быть, чтобы наказать себя, но скорее, чтобы наказать папу. Я знала, как сильно его убило то, что я была свидетелем всего этого.

В эти дни я почти не спала. В основном я плакала до изнеможения, прокручивая в голове все воспоминания о папиных взаимодействиях с его сотрудницами в моей голове, как заезженная пластинка.

Потом я просыпалась и снова и снова тащилась в суд.

После каждого дня в суде Кристиан вручал мне распечатанный заказ на столик в одном из самых популярных ресторанов города. Будь то "Бенджамин Стейкхаус", "Лютун", "Пилос" или "Барнеа Бистро".

— Я буду ждать тебя там в течение часа сегодня вечером. У нас будет отдельная комната или хотя бы кабинка, где нас никто не увидит.

— О, я уверена, что тебе будет очень приятно быть пойманным, — ответила я.

— Нисколько. Если нас поймают, мы оба проиграем.

Он никогда не давил, никогда не умолял и никогда не выражал никакого разочарования или гнева по поводу моего отсутствия на следующий день, хотя я знала, что он каждый день сидит один в ресторане.

Каждый день, когда я игнорировала его приглашение, моя решимость трещала все больше и больше. Чуть глубже. Я наблюдала за его действиями в суде, мой живот наполнялся гневом и тоской, а также раздражением, потому что впервые в жизни я не могла сказать, кто был союзником или врагом.

Больше всего я со страхом наблюдала за Кристианом, потому что подозревала, что он сообразил, что я больше не приду в суд за папой.

Я приходила в суд за ним.

***

Однажды ночью я крепко спала в своей спальне, одетая в простую толстовку, которую я украдала у Джиллиан несколько лет назад в колледже. Я была измотана днем, проведенным в суде и на работе (мне почти удалось вернуться к работе, но меня убивало присутствие в двух вещах, которые захватили мою жизнь). Я погрузилась в сладкий сон, когда почувствовала, как тень нависла над моим телом, а когда я подняла глаза, Кристиан был там, стоя у изножья моей кровати, все еще в своем элегантном костюме.

От него пахло дождем и карандашной стружкой, и я устала его отталкивать. Настолько устала, что я даже не спросила его, как он сюда попал.

— Что ты здесь делаешь? — вместо этого спросила я. В моем голосе не было той яростной драки, которую я использовала каждый раз, когда мы ссорились.

Но Кристиан не ответил. Он сел на край моей кровати, схватил меня за лодыжку и усадил ступню себе на колени, чтобы сделать мне массаж ступней.

Я застонала, откинув голову назад и позволяя ему творить свою магию. Я была потрясена своей неспособностью оттолкнуть его.

Его руки поднялись к тыльной стороне моих коленей, беспокойно работая, разминая и сжимая мягкие, болезненные места на моем теле.

— Это ничего не будет значить, — пробормотала я, закрывая глаза. Потому что я знала, к чему все идет, и он тоже.

Низкий смешок вырвался из его горла.

— Я отменю наши свадебные приглашения.

— Но не торт. Отправь торт в мой офис. Всю неделю мне хотелось сладкого.

Его руки поднялись выше, к внутренней части моих бедер, и он потянул меня вниз, чтобы он мог коснуться меня, пока его пальцы не оказались прямо там, между моими

бедрами, в священном треугольнике, которого ни один мужчина не касался так долго. Я судорожно вздохнула, когда его рука коснулась моих трусиков. Он окунул туда два пальца и обнаружил, что я промокла насквозь.

— Это моя девочка. Сегодня вечером я буду использовать только свои пальцы, чтобы завтра ты проснулась с болью во всем теле и попросила меня о настоящем. Ты поняла?

Я открыла глаза, хмуро глядя на него. У него хватило наглости показаться таким самоуверенным и дерзким. У меня не было намерения искать его завтра, но если бы я могла получить от этого оргазм сегодня вечером, я бы смирилась с его грандиозными идеями.

— Что угодно, Наполеон. Просто сделай это хорошо для меня. — Я взяла его руку и засунула ее глубже в свое нижнее белье, и он рассмеялся своим глубоким мужским смехом, который танцевал у меня в животе.

А потом он стал водить пальцами по мне. Его пальцы скользили в меня и из меня, изгибались, когда были внутри меня, и задевали меня где-то глубоко и чувствительно. Он массировал мой чувствительный бутон, работая со мной, и я с неохотой признала, что он не ошибся — он был хорош во всем. Особенно с его руками.

Мои бедра дернулись вперед, перекатываясь, чтобы встретить больше его прикосновений. Мое дыхание стало быстрым и неглубоким, в то время как я преследовала это неуловимое чувство удовольствия от кого-то другого.

— Кристиан. я... я... я...

— Не можешь составить связное предложение? — прошипел он мне в ухо, тихо посмеиваясь.

— Пошел ты.

— Уже далеко впереди тебя, дорогая.

Он играл со мной быстрее и глубже. Его руки были теперь повсюду — на моей груди, сжимая затылок, блуждая по моим ногам. Но он не целовал меня и не имел, как и обещал.

Кульминация захлестнула меня волнами. Все содрогнулось, и я зажмурила глаза, не в силах смотреть на него, когда он доставлял мне такое чистое удовольствие и радость.

Когда я, наконец, снова открыла глаза, Кристиана там не было.

Единственное, что у меня осталось, это сырость между бедрами, испорченное нижнее белье и пальцы, все еще запутавшиеся в резинке трусиков.

Это была фантазия.

Мечта.

Кристиана здесь никогда не было.

***

— Твой отец хочет тебя видеть.

Мать сообщила эту новость с болезненным унынием. Я полагала, что это было оправдано, так как я следила за ней уже несколько дней. Я не обвиняла ее в том, что она не явилась в суд. Я была первоклассной мазохисткой, потому что сделала это с собой. Однако я винила ее почти во всем остальном, включая (но не ограничиваясь этим) пренебрежение моим существованием вплоть до последних нескольких недель, когда все с папой рухнуло. Теперь ей нужна была моя компания. Чтобы загладить свою вину. Это был классический случай слишком мало, слишком поздно.

— А разве он не может спросить меня сам? — ответила я, ожидая своей чашки кофе напротив суда и прижимая телефон между ухом и плечом. Моя нога нетерпеливо подпрыгивала, и я взглянула на свои наручные часы. Суд завершился на сегодня, а я до сих

пор ничего не ела.

— Поскольку все это происходило, он не был уверен, хочешь ли ты его видеть, — объяснила моя мать. Я знала, что она ни в чем не виновата, и все же я не могла не направить часть своего гнева на нее. Ведь она была участницей распада этого брака.

— Значит, он послал тебя своим рупором?

— Арья, никто не обвинял его в излишней грациозности. Ты идешь или нет? — она спросила.

Очередь двигалась с черепашьей скоростью. Я отчаянно нуждалась в кофе.

— Буду через тридцать минут. Двадцать, если пробок мало. — Я выключила телефон и сунула его в сумку. Моя очередь наконец подошла. — Черный Американо, без сливок, без сахара. Спасибо.

Я полезла за сумочкой, прежде чем почувствовала, как рука коснулась моего плеча, протягивая баристе черный «Америкэн экспресс».

— Она также возьмет вегетарианский ролл с юго-западом и бобы эспрессо в шоколаде.

Я повернула голову, готовая нахмуриться.

— Что, по-твоему, ты делаешь?

— Заполняю открытый счет всех тех ужинов, за которые ты собираешься мне заплатить. — Ухмылка Кристиана была больше похожа на то, как он провел костяшками пальцев по моему позвоночнику. — Прямо сейчас ты в минусе примерно на одиннадцать сотен. Все эти рестораны, которые я посещал в одиночку на этой неделе, стоят не дешево, и я всегда настаиваю на бутылке хорошего вина.

— Питье в одиночестве каждую ночь имеет название. — Я мило улыбнулась. — Алкоголизм.

Его глаза сверкнули ухмылкой. — Не волнуйтесь, мисс Рот, я дарю вино людям, сидящим рядом со мной. Очень щедро с вашей стороны, если позволите.

Надо отдать ему должное — никто не был застрахован от его обаяния. Ни присяжные — как мужчины, так и женщины — ни судебный репортер, ни его младший помощник. Что, опять же, заставило меня задуматься, почему он преследует меня. Конечно, я была красива и успешна в своей области, но Кристиан Миллер мог выбрать себе любую. Зачем тратить время на ту, которая тратит все свои силы на то, чтобы возненавидеть его?

— Не забывай, что я не должна тебе ни копейки, если не сплю с тобой. Что напоминает мне. — Я с улыбкой повернулась к стоявшей перед нами баристе. — Я также возьму чипсы из сладкого картофеля, все ваше песочное печенье и подарочные карты на пятьсот долларов.

— Твой оптимизм похвален. — Кристиан провел кончиком языка по верхней губе.

— Твои заблуждения настораживают, — пошутила я в ответ, кивая в знак благодарности баристе перед нами, которая следующей приняла заказ Кристиана. Кофе. Я торчала рядом с ним, пока мой американо не был готов. — Где мы сегодня не будем ужинать вместе? — спросила я легкомысленно, чтобы сменить тему.

— Я рад, что ты спросила. Сегодня вечером я буду ждать тебя в Sant Ambroeus. Это в Вест-Виллидж. Итальянский. Говорят, касио э пепе — это нечто.

— О, это так? Девушка могла надеяться.

Он ухмыльнулся мне, заставив меня почувствовать себя малышкой, над которой смеется взрослый.

— Перестань улыбаться, — приказала я. — Это портит мне настроение.

— Ничего не могу поделать. Твое отвращение к проигрышу мило.

— Я не милая, — коротко сказала я. Я не была милой. Я была крутой стервой-боссом с карьерой высокого полета. И еще кое-что.

— Ты права, — сказал он почти с сожалением. — А это не входило в мои планы.

Другой бариста назвал мое имя, и я подошла, чтобы принять свой заказ.

— Все, что я прошу у тебя, — это один час, — напомнил мне Кристиан. — И на этот раз я возьму Château Lafite Rothschild 1995 года. Это восемьсот долларов за бутылку. Ты ведь не возражаешь?

Я обернулась и топнула своим Jimmy Choos, одновременно заказав Uber на своем телефоне.

Какой придурок.

***

— «Brand Brigade» придется вернуть меня в качестве клиента. Индивидуально, а не как часть корпорации.

Папа откинулся на спинку своего коричневого кожаного кресла перед потрескивающим камином. В его кабинете царил беспорядок. Файлы везде. Включая стопки, которые я просматривала на днях и которые, должно быть, выдали тот факт, что я знала о его романе с Русланой. Не то чтобы это имело значение. Я сомневаюсь, что он собирался объясняться с кем-либо в этот момент.

— И зачем нам это? — холодно спросила я.

Конрад, похудевший за последние недели не менее чем на десять фунтов, моргнул, глядя на меня, как на идиотку.

— Потому что я твой отец, Арья.

— Отец, который не отвечал ни на один мой звонок и неделями отказывался меня видеть, — указала я. Мама вбежала в кабинет с подносом с сахарным печеньем и чаем. За последние несколько недель я видела ее больше, чем за годы. Она полностью проигнорировала мужа, поставив передо мной чай с печеньем. Я даже не спросила ее, как она все это воспринимает. Чувство вины развернулось внутри меня.

— Извините, не хотела прерывать. Просто подумала, что ты оценишь угощение. Сахарное печенье твое любимое, верно?

Вообще-то, я больше люблю шоколадное, но это было неважно и банально. Я натянуто улыбнулась.

— Спасибо, мама.

После того, как она закрыла за собой дверь, я снова повернулась и посмотрела на отца.

— Ты говорил?

Конрад потер щеку, изображая вздох.

— Слушай, что я должен был делать? Ты мой драгоценный малыш. Никто не хочет, чтобы его застали со спущенными штанами на глазах у их близких.

— Значит, ты солгал, — сказала я прямо.

— И да, и нет. У меня были романы. Много романов. Я не горжусь своей неверностью. Но я никого не домогался.

— Твое фото члена говорит о другом. — Пусть даже не в стольких словах.

Он неловко поерзал.

— Это было взаимно, и это было темное время в моей жизни. Я не монстр.

— Это должен определить суд, а не я. — Я закинула одну ногу на другую, обхватив колено руками. — И пока я не узнаю ответ на этот вопрос, я не могу с чистой совестью

связать свою компанию с твоим именем. Тем более, что ты бросил нас, даже не предупредив меня, незадолго до начала суда.

— Я сделал это, чтобы защитить тебя! — Конрад хлопнул ладонью по столу между нами, отчего все затряслось.

Я покачала головой.

— Ты сделал это, потому что хотел нанять кого-то покрупнее, с большим авторитетом. Но никто не возьмет тебя, верно? Никто не хотел пачкать руки.

Он перегнулся через стол между нами, медленно приближаясь ко мне, на его виске пульсировала вена.

— Думаешь, это игра? Я могу потерять каждый пенни, который у меня есть, Арья, лишив тебя твоего наследства. Ты можешь быть бедной.

Последнее слово было произнесено с полным пренебрежением.

— Я никогда не буду бедной, потому что я обеспечиваю себя сама. Но если я потеряю свое наследство — чья это будет вина?

— Их! — Отец вскочил со своего места, в отчаянии вскинув руки. — Конечно, это их вина. Почему ты так думаешь им потребовалось так много времени, чтобы пойти вперед? Они воспользовались жалобой Аманды Гиспен!

— Они боялись, что ты разрушишь их жизнь. — Я тоже поднялась со стула, обнажив зубы. — Как ты поступил с Русланой и Ники. Что с ними случилось? Скажи мне.

Отец посмотрел на меня с презрением. Я никогда не думала, что увижу такое выражение на его лице. От чистой ненависти. Я задавалась вопросом, куда делся человек, который целовал меня и читал мне сказки на ночь. Как мне вернуть его. И самое главное — существовал ли он вообще.

— Как ты думаешь, соглашение все еще в силе? — Он сменил тему.

— Откуда мне знать?

— Кажется, этот Кристиан увлечен тобой.

— Увлечен? — спросила я, выигрывая время. Мое сердце забилося в груди при упоминании его имени.

— Я вижу, как он гоняется за тобой, как щенок. Он плохо скрывает это. Покопайся для меня.

Мне потребовалось все, чтобы не швырнуть что-нибудь в стену.

— Его не переубедить. Он хочет получить твою задницу на блюдечке с голубой каемочкой.

— Он больше хочет в твою постель.

Затем он посмотрел на меня, его глаза спрашивали что-то, что его рот не осмеливался произнести вслух. Внутренне я опрокинулась и меня вырвало. Всю любовь я оставила для него. Хорошие воспоминания, и плохие тоже. И полоска верности пробегает между нами. Потому что человек, который мог попросить что-то подобное у своей дочери, был способен на гораздо худшее. Он просто выдал себя.

— Ух ты. Хорошо. Это мой сигнал уйти.

— Если ты не поможешь мне, — прошипел он, выбрасывая руку, чтобы остановить меня, но отдергивая ее прежде, чем он успел меня ударить, — ты мертва для меня, Арья. Это твой шанс — твой единственный шанс — отплатить мне за то, что я не наплевал на тебя, когда твоей матери было наплевать. Мне нужно знать, ты согласна или нет?

Теперь мы оба стояли. Я не знала, когда это произошло. Я закрыла глаза. Сделала

глубокий вдох. Открыла рот.

— Сначала будь честен со мной. Ты причинил им боль? — Спросила я. Он знал, что я имела в виду. — Сделал?

Была пауза. Правда висела в воздухе между нами, свисала над нашими головами. У него был вкус, запах и пульс. Я знала это до того, как услышала. Вот почему он знал, что ложь бесполезна.

— Да.

Это слово звенело у меня в ушах. Я открыла рот, не давая пролиться слезам. Я развернулась и убежала. Выбежала из пентхауса. Мать последовала за мной. Я подозревала, что она ждала снаружи, в коридоре, подслушивая.

— Арья! Арья, подожди!

Но я этого не сделала. Я спустилась на два лестничных пролета, прежде чем нажать кнопку лифта, просто чтобы убедиться, что они не преследуют меня. В лифте я поняла, что перестала называть его папой даже в мыслях. Теперь он был Конрадом Ротом, человеком, впавшим в немилость и утачившим за собой свою семью.

Когда лифт открылся, моим инстинктом было перейти улицу и пойти на кладбище. В гости к Аарону. Мне нужно было с кем-то поговорить. Разгрузиться.

Но я не хотела говорить с Аароном.

Впервые за долгое время мне захотелось поговорить с кем-то, кто мог бы ответить.

— Прости, приятель. — Я пробежала мимо кладбища, потом поймала желтое такси.

Я проверила свои часы.

Может быть, я все-таки успею.

***

Через окно ресторана я заметила Кристиана, сидящего в одной из красных кабинок с мягкой обивкой. Целая еда стояла перед ним, нетронутая. Он работал на своем ноутбуке. Он сидел прямо, его лицо было стоическим, не обращая внимания на любопытные взгляды окружающих. Мое сердце забилось немного быстрее. Я вытерла с лица слезы, пролитые по пути сюда, и протянула водителю свою кредитную карту.

— Как я выгляжу? — спросила я женщину средних лет за рулем.

Она посмотрела на меня через зеркало заднего вида.

— Хочешь честности?

В целом да, хотя сейчас я уже не так уверена.

— Ты выглядишь как развалина. Без обид.

— Не обижаюсь.

— Но у тебя крепкие кости и хорошая грудь, так что иди и убей его, милая.

С этими мощными словами ободрения я открыла заднюю дверь машины.

Было пять минут девятого, но я успела. Я вошла в заведение и объяснила администратору, что меня ждет мой компаньон, затем поспешила через лабиринт кабинок, необъяснимый прилив любви обрушился на меня, когда Кристиан оторвался от экрана, и на его лице отразилось мальчишеское удивление.

Он закрыл свой ноутбук, откинулся на спинку кресла и наслаждался видом. Я стояла перед ним, еще не садясь. Я задыхалась, мои волосы были в беспорядке, и мне отчаянно нужно было умыться.

— Стоит ли нам видеться вместе вот так, в открытую? — Я хотела выложить все самое важное.

— Здесь нас никто не знает. В любом случае, если мы увидимся один или два раза на публике, без прикосновений, без флирта, это все равно можно свести к тому, что ты работаешь над этим делом, пытаешься убедить меня уговорить моих клиентов смириться. До тех пор, пока мы не будем... канючить.

— Мы не будем болтать, — быстро сказала я.

— Ты в порядке? — спросил он без тени сарказма в голосе.

— А почему бы и нет? — Я рывкнула, все еще обороняясь. Я не могла точно рассказать ему о своем разговоре с отцом, хотя технически я пришла сюда именно для этого.

— Потому что ты здесь, — мягко сказал он, вставая и отодвигая для меня стул. Я села. Он положил руки мне на плечи. Все мое тело ожило. Его кожа была теплой сквозь мою одежду. Я больше не чувствовала себя предательницей, блудницей из-за того, что хотела быть с ним. Мой отец был монстром, заслуживающим наказания. Кристиан был прав. Он не был виноват в падении Конрада Рота.

Он сидел передо мной, в его ледяных голубых глазах мерцало то, что я могла поклясться, было чистым счастьем. Он выглядел удивленным, даже немного ошарашенным.

— Что заставило тебя передумать?

— Это важно? — Я фыркнула, чувствуя, как мои глаза снова наполняются слезами.

— Да. — Он потянулся, чтобы наполнить мой бокал вином. Это было похоже на дорогую вещь. Лучше бы я не спала с этим мужчиной. — Для меня это важно.

— Почему?

— Потому что ты не будешь спать со мной, пока считаешь, что я причиняю вред твоему отцу. Поэтому я хочу знать, упал ли еще пенни.

Его слова вернули меня на землю. Конечно, Кристиан интересовался мной только как завоеванием. Блестящий приз. Бонус за победу в этом испытании, то, что можно было отобрать у моего отца. Я шлепнула салфетку и разгладила ее на коленях, затем схватила вилку и накрутила ею макароны. Я так остро ощущала его взгляд на себе, так переполнялась эмоциями, что даже не прикоснулась к еде на столе.

— Я здесь, потому что мне нужна была передышка и хорошая еда. Больше ничего. — Мой голос был ровным, но я не могла смотреть ему в глаза.

— А я здесь из-за еды, — невозмутимо ответил он.

— Хорошая еда, — заметила я, делая вид, что листаю меню. Я чувствовала его взгляд на себе. Я закрыла меню, положила его и покачала головой. — Почему ты стал юристом? — спросила я.

— Прошу прощения? — Он поднял брови.

— Из всех профессий в мире, почему ты выбрал именно эту? Ты яркий. Ты острый. Ты мог сделать что угодно.

Я ждала шутки, смены темы или, может быть, общего ответа. Но вместо этого Кристиан серьезно подумал, прежде чем ответить.

— В детстве я был жертвой несправедливого обращения. Я думаю, часть меня всегда хотела убедиться, что это никогда не повторится. Если ты знаешь свои права, ты знаешь, как защитить себя. Я не всегда знал свои права.

Я сглотнула.

— Это честно.

— А ты? — спросил он, прежде чем я успела вникнуть в то, что с ним произошло. — Почему пиар?

— Мне нравится помогать людям, а кровь вызывает у меня тошноту. Это был либо пиар, либо медицина.

Кристиан рассмеялся.

— Хороший выбор. Я уже представляю, как ты кричишь на своих пациентов, что они королевы драмы.

Я тоже рассмеялась. Он говорил так, будто понял меня. Но... как он мог?

Остальная часть беседы протекала красиво. Несмотря на то, что мы оба хотели многое узнать друг о друге, мы остановились на теме, которая не вызывала споров или криков, — еда.

Он начал рассказывать мне о каждом блюде, которое он заказал. Когда он закончил, я поджала губы, изучая его. Я уже встречала этого человека раньше, решила я. Может быть, ненадолго, в баре, на одной из вечеринок, на которые я ходила в колледже, или на благотворительное мероприятие, но я была уверена, что мы знаем друг друга.

— Загипнотизирована? — Дерзкая ухмылка Кристиана снова проявилась во всей красе.

Я пожалала плечами, делая глоток вина.

— Я просто думаю, что это мило.

— Что мило?

— Как сильно ты хочешь выиграть наше пари.

Кристиан чокнулся своим бокалом с моим.

— Одна вещь, которую ты должна знать обо мне, Арья — я никогда не проигрываю пари.

ГЛАВА 21

Кристиан

Настоящее время.

Она была здесь.

В моих владениях, на моей территории, в моих когтях.

То ли отец толкнул ее в мои объятия, то ли окружавшая меня тайна, Арья наконец попала на удочку. Она выглядела измученной. Сквозь блузку торчали очертания ее ребер. В ее лице было что-то навязчивое. Но я бы взял ее любым возможным способом. Это, по крайней мере, не изменилось.

Мы приятно поели, хотя я мог сказать, что ее мысли были в другом месте. Я держал пари, что дражайший папочка, наконец, признался в своих неправильных поступках, и ей пришлось не только смотреть правде в глаза, но и проглотить ее целиком. После того, как я заплатил (я подумал, будет ли смотреть, как она выписывает чек за все блюда, за которые я заплатил, будет так же сладко, как утонуть в ней), я предложил прогуляться.

— Мне бы не помешала прогулка. — Арья удивила меня тем, что не была своей обычной непокорной личностью. Мы шли по Гринвич-авеню. Улица кишела людьми, собаками и жизнью. Каким бы сюрреалистичным ни было снова быть с ней в Нью-Йорке, я не мог перестать наслаждаться этим. Бесчисленное количество раз я представлял себя подростком, занимающим ее место. Я фантазировал о том, чтобы быть кем-то другим. Может быть, сыном хирурга и детского психолога. Взять драгоценную дочь Конрада Рота на мороженое. Он бы мне позволил.

— Мой отец интересовался, готовы ли твои клиенты к мировому соглашению. — Арья обхватила себя руками, ее щеки покраснелись от вина и еды.

Ах. Так вот о чем был этот ужин. Мрачная улыбка скользнула по моим губам.

— Мы не были открыты для досудебного урегулирования, так что это чертовски натяжка, если я когда-либо видел такое. Кроме того, я был бы признателен, если бы в следующий раз он использовал своих адвокатов в качестве канала связи.

Она поджала губы.

Я толкнул ее плечо своим, пока мы шли.

— Эй. Давай не будем говорить об этом.

Наступило затишье, но потом Арья заставила себя улыбнуться.

— Итак, расскажи мне о своем детстве. Я все еще пытаюсь понять, где я видела тебя раньше.

Это был мой шанс признаться, если он у меня когда-либо был. Поскольку я не был полным идиотом, я упустил возможность. Но это было напоминанием, что я не мог завести роман с этой женщиной. Я обманывал ее в высшей степени, не раскрывая свою истинную личность.

— Я вырос здесь, в Нью-Йорке. Пошел в частную школу, когда мне было четырнадцать. Мы с родителями не особо ладили.

— Что твои родители делают?

— Мой отец владеет гастрономом, а мать управляла поместьем.

Пока ни одной лжи. Хотя магазин моей донорской спермы находился на другом континенте, и моя мать управляла именем Ротов, подметая полы.

— Знаю ли я эту частную школу?

— Да.

— У него есть название?

— Так и есть, — подтвердил я.

— Вау, ты действительно не собираешься мне рассказывать. — Но ее глаза прильнули к моему лицу, далекий блеск надежды заставил меня возразить ей. — Ты невозможен.

— И тебе это нравится.

— Так как же ты оказался в Гарвардской школе права, учитывая, что ты и твои родители не разговариваете друг с другом? Только не говори мне, что ты получил полный пансион. Это почти невозможно. Особенно при твоём уровне налогообложения.

Она все еще верила, что я произошел от денег. Я не стал исправлять ее предположение. Это был момент, когда я раздумывал, как много ей рассказать. Только Ригтс и Арсен знали мою историю. В конце концов, я понял, что это не имеет значения.

— Обещаешь не осуждать?

— Не могу этого обещать, советник. Но обычно я не осуждаю.

Я засунул руки в передние карманы.

— У меня был... своего рода спонсор.

— Фу, я волновалась, что ты собираешься признаться в зоофилии. — Она сделала вид, что вытирает лоб. — Что такое спонсор? Это код для сахарной мамочки? Или в наши дни правильнее называть пуму?

— Я не уверен, что это за терминология, но именно она отправила меня на юридический факультет, когда я даже не мог позволить себе билет на поезд до Бостона.

— Подожди, она выложила шестизначную сумму за твоё образование? — Арья протрезвела. — Ты так хорош в постели?

Я издал смех, который просочился в мои кости. Это был первый раз, когда я по-

настоящему рассмеялся за многие десятилетия. Мое тело к этому больше не привыкло.

— Во-первых, да, я действительно хорош в постели. Во-вторых, выкинь свой разум из канавы. Миссис Гудински было за пятьдесят, когда я учился в старшей школе. Она была очень одинока. Я был стабильным мальчиком.

— Звучит как хорошо снятый порнофильм.

Я снова толкнул ее плечом, и мы оба рассмеялись.

— У нее были лошади. Дорогие. Но она приезжала к ним только в гости, а не кататься. Ее покойный муж был любителем конного спорта. Она держала лошадей в честь него, но совершенно не интересовалась ими. У нее было слишком много денег, и не на кого было их потратить. Ей нужен был кто-то, кто составил бы ей компанию во время каникул. Кто-то, кто навещал бы ее по выходным. Ну, ты понимаешь. Кто-то, кто заботился бы о ней.

— И этим кем-то был ты? — Арья скептически подняла бровь.

Я бросил на нее обиженный хмурый взгляд.

— Я и мои самые близкие друзья, которых я втянул в это. Вместе мы стали одной большой испорченной семьей.

— Хм.

— Не говори мне «хм». Скажи мне, что ты думаешь.

— Ты не кажешься мне заботливым человеком.

— Почему это? — Спросил я.

— Во-первых, потому что все, чего ты хочешь, — это переспать со мной. Фобия отношений?

Ее ревность пробудила что-то опасное в моем желудке. То чувство, которое ты испытываешь, когда понимаешь, что только что выжил в почти смертельной авткатастрофе.

— Это другое. Я не хочу ничего серьезного с тобой, потому что я не могу позволить себе быть с тобой. Встречаться с дочерью человека, против которого я подаю в суд, особенно в таком деле, как это, — нездоровый карьерный шаг.

— Я чувствую запах рычага? — Ее глаза загорелись, когда мы ускорили шаг, чтобы согреться.

— Нет, ты чувствуешь запах прагматичного делового решения. И для тебя тоже. Представь, как это будет выглядеть, если об этом станет известно. Наши отношения обречены. Но это не значит, что я против того, чтобы остепениться, когда появится подходящая женщина.

— Способ заставить женщину почувствовать себя особенной.

Я смеялся.

— Ты все еще поддерживаешь с ней связь? С твоей сахарной мамочкой? — Арья обняла себя за живот, защищаясь от холода.

— Да. А ты? — Я спросил.

— Я не знаю ее, но я имею в виду..... Я могла бы ей позвонить? — Она играла в дурака. Я еще немного посмеялся. Дерьмо. Это было много смеха.

— Каким ты была в подростковом возрасте? — Я поправил свой вопрос.

— Бунтаркой. Злобной. Книжным червем.

Понимающая улыбка тронула мои губы. Я до сих пор помню, как она глотала книги, по крайней мере, по одной в день во время летних каникул, словно слова исчезали, если она не читала их достаточно быстро.

— Книжный червь, — повторил я, изображая удивление. — Какая твоя любимая книга? Искушение.

— Искушение, руки вниз. Я украла ее из местной библиотеки, когда мне было четырнадцать, потому что это было рискованно, и я знала, что мои родители никогда не позволят мне купить ее. Это трагически недооценено. Ты читал ее?

— Не могу сказать, что видел, — сказал я, цокая языком. Я в принципе не мог читать книгу, ставшую причиной моего падения. Потому что если бы я не поцеловал Арья..... если бы я не уступил ее просьбе...

И что? Ты бы остался в трущобах с матерью, которая тебя не любит, и девушкой, по которой ты тосковал, но которая никогда не могла быть твоей, только чтобы вырасти и стать преступницей.

Все могло пойти намного хуже, я знал. Если бы я остался дома и пошел в дерьмовую школу. Потому что даже если бы тот первый поцелуй остался незамеченным, второго, третьего или четвертого не было бы. И даже если бы все наши гипотетические поцелуи остались незамеченными, я все равно не мог заполучить ее. Мне пришлось бы сидеть в стороне и смотреть, как Арья влюбляется в кого-то, с кем она действительно может быть. Уилл, или Ричард, или Теодор. У которого был водитель, горничная и советник колледжа с десяти лет.

— Ты должен, — сказала Арья.

— Одолжи мне.

Она сморщила нос.

— Я не отдаю свои любимые книги в твердом переплете взаймы. Это правило.

— Правила созданы для того, чтобы их нарушать.

— Интересный ответ от судебного исполнителя.

Мы остановились перед библиотекой рынка Джефферсона. Часы на башне доползли до пяти минут до полуночи. Я не мог поверить, что мы провели вместе столько часов, просто гуляя и разговаривая. Как будто и не было последних двадцати лет.

Только они были.

Они были там, в нескольких дюймах между нами, холодные и одинокие, наполненные упущенными возможностями и чистой несправедливостью.

— Почему ты действительно здесь, Арья? — Я повернулся к ней, мой тон был грубым и шершавым, как чешуя морского существа. — И, пожалуйста, избавь меня от этой ерунды с изысканной кухней.

Она облизала губы, опустив взгляд в землю.

— Я пришла сказать тебе, что больше не приду в суд. Сегодня был мой последний день. Я устала наказывать себя за то, что он сделал. Мне невыносимо слышать, через что прошли эти женщины.

— Думаешь, это сделал он? — Мне нужно было услышать, как она это скажет. Отречься от мужчины, которого она когда-то предпочла мне. Наши тела были вровень друг с другом. Теперь между нами едва можно было просунуть иголку.

— Да, — тихо сказала она.

Я потянулся большим и указательным пальцами, чтобы приподнять ее подбородок. Ее ресницы затрепетали. Они сияли, как бриллианты, полные слез. Болотные глаза, как я называл их, когда мы были детьми. Но это было неправдой. Они были покрыты мхом. Бархатисто-зеленый, на который можно смотреть часами. Она смело выдержала мой

взгляд.

Принцесса с серебряной ложкой.

Часы пробили полночь за ее плечом, пробив один раз.

— Ведьмин час. — Она закрыла глаза, и две слезы скатились по ее щекам. — В книгах в это время происходят странные вещи.

Я обхватил руками ее шею, притягивая ближе, вдыхая ее.

— В реальности тоже.

И точно так же, два десятилетия спустя, я сделал ту же ошибку, что и Николай Иванов, и прижался губами к губам Арьи Рот, зная, что мир может взорваться и что моя смерть того стоит.

Мои руки были в ее волосах, слегка дергая, как я мечтал сделать все эти годы. Моя кровь залилась желанием. Я хотел опустошить эту женщину и ничего не оставить мужчине, который пришел за мной. Она жадно открыла для меня рот, наши языки играли вместе, тихий стон исходил откуда-то из глубины ее горла. Я впился зубами в ее нижнюю губу, притягивая ее ближе, облизывая губу, прежде чем погрузиться в глубокий дикий поцелуй. Я сжал пальцы вокруг талии Арьи, прижимая ее тело к себе. Ее было мало, и вдруг я почувствовал легкую панику. Что в мире была только одна Арья. Один шанс заполучить ее. Я оторвал свой рот от ее губ, убрав ее кудри с ее лица. Ее глаза были голодны. Полные вещей. Плохих вещи. Хороших вещи. Вещей Арьи.

— Пойдем домой со мной.

Блядь. Это больше походило на команду, чем на просьбу. Она напряглась в моих руках, спускаясь обратно на землю, туман дофамина рассеялся от ее тела.

Она положила руку мне на грудь. — Я не собираюсь спать с тобой, Кристиан.

— Это из-за пари? Потому что к черту пари. — Я чуть не раскрошил зубы в порошок, возмущенный собственным отчаянием. Я переспал с десятками женщин за эти годы и всегда был главным. За повествование, риторику, мелкий шрифт, ситуацию.

— Дело не в пари. Ты прав. Мы не можем быть вместе, и я не уверена, что стоит погружаться в это с тобой, когда я так себя чувствую...

— Уязвимой? — Я предлагал.

— В замешательстве, — твердо сказала она. — Я через многое прохожу. Так что, если ты ищешь большего, чем дружба, не связывайся со мной. Я не делаю запретного.

Мы были под запретом, когда я не мог позволить себе одежду на спине, а ты попросила меня прижать тебя к полкам твоей библиотеки. Тогда тебе это нравилось, когда ты хотела меня уничтожить.

— Ты передумаешь, — сказал я с большей уверенностью, чем чувствовал.

— Что заставляет тебя так говорить?

— Нам хорошо вместе. У нас есть химия. У нас есть смысл. Обреченные вещи всегда слаще, разве ты не знаешь? Эта штука, — я указал между нами, — никуда не денется, пока мы не примем меры. Ты хочешь друга? Я подарю тебе друга. Но тебе захочется большего. Я гарантирую это.

— Уф. — Она опустила голову мне на плечо, тихонько посмеиваясь. — Я слишком стара для этого.

— Этого — Я прижал руку к ее пояснице, жадно вдыхая ее, вдыхая запах ее предстоящего отъезда.

— Этого. Было легче ненавидеть тебя, когда я совсем тебя не знала.

— Ты всегда знала меня, — пробормотал я ей в волосы.

— Знала? Я думаю ты прав. Моя душа... она чувствует себя спокойно, когда она рядом с тобой.

Я мрачно улыбнулся.

Если бы она только знала.

***

На следующий день я прибыл в здание суда со смесью раздражения и облегчения. Арья там не было, а это означало, что в кои-то веки я мог выполнять свою работу без постоянных хлопот и мучительных вопросов о том, что происходит у нее в голове, но также и то, что я не мог позволить себе роскошь купаться в ее присутствии. Зная, что она всего в нескольких шагах от него.

Вот почему, как только я занялся бумажной работой в офисе, я позвонил ей.

— Откуда у тебя мой номер? — Она печатала на своем компьютере на другом конце провода.

— Ты дала мне свою визитку, помнишь?

— Да. Я также помню, как ты ее выбросил.

— Не важно. Я человек безграничных способностей.

Это был окольный способ сказать, что я заставил свою секретаршу поискать ее в желтых страницах.

— Ты имеешь в виду безграничное дерьмо быка.

— Как насчет хот-догов в Нью-Йоркской публичной библиотеке? У меня есть книга, которую мне нужно одолжить. Семь тридцать, хорошо?

— Во-первых, библиотека закрывается в пять. Во-вторых, нет, на самом деле. — Она перестала печатать на секунду, прежде чем возобновить свою работу. Я был единственным, кто был одержим этим поцелуем? Видимо так. Арья звучала так, будто у нее были другие мысли. — Я не могу. Мне есть куда идти.

— Хочешь компанию?

Просто, блять, предложи ей уже свои яйца. Добавь сюда и твою квартиру, Кристиан.

Если я так отреагировал на один поцелуй, мне определенно незначем было спать с этой женщиной.

— Я не уверена, что ты захочешь составить мне компанию.

— Куда ты идешь?

— На кладбище.

Я уронил ручку, которую держал в руках, откатился назад и повернулся, чтобы посмотреть на календарь, висящий на стене. Дерьмо. 19 марта. День рождения Арьи и Аарона. Я отодвинул стул к своему столу, где мой телефон был на громкой связи.

— Кладбище звучит хорошо. Которое из? — Я сделал вид, что не знаю.

На другом конце повисла пауза.

— Почему ты хочешь пойти со мной на кладбище?

— Разве не так поступают друзья? Быть рядом друг с другом?

— Это то, кто мы сейчас? Друзья?

— Да, — сказал я, хотя давать ей дружбу в обмен на то, что она сделала со мной, было безумием даже по моим меркам. — Мы друзья.

Еще один удар тишины. Я понятия не имел, что делаю.

— Мемориал на горе Хеврон.

— Кого мы навещаем?

— Моего брата.

— Думаешь, я ему понравлюсь? — Это было то, что мы делали тогда. Притворялись, что Аарон все еще рядом. Спорили, дразнились и смеялись вместе с ним.

Арья перестала печатать и вздохнула.

— Я думаю, он бы полюбил тебя.

***

Мемориал на горе Хеврон не изменился. Гигантская плакучая ива все еще была там, паря над могилой Аарона. Я увидел, как очертания Арьи извивались над надгробием ее брата, как вопросительный знак, и мне пришлось остановиться и поглотить ее. Длинноногая и стильная в дизайнерской юбке-карандаш и туфлях на каблуках с красной подошвой. Больше, чем жизнь, и все же не намного больше, чем Арья, которую я встретил почти двадцать лет назад. Светлячок; маленький, но светящийся. Я толкнул кованые ворота, открыв их — роскошь, которой я не имел, когда был ребенком-нарушителем. Арья почувствовала мое присутствие и обернулась, одарив меня усталой улыбкой.

— Странно, — вздохнула она. — Что ты пришел.

— Ты привыкла, что люди не приходят, когда должны? — Спросил я.

— Вполне. Кроме того, я не твоя проблема.

— Я никогда не видел в тебе проблемы. Твоя одежда, может быть. Но никогда не ты.

— Что в сумке? — Она сменила тему.

Я молча передал ей. Я остановился в винном погребе на улице, чтобы посмотреть, там ли еще чувак, который кормил меня много лет назад. Его там не было, но его сын был. Я попросил сына продать мне все его просроченные вещи. Выглядя немного подозрительно, он смягчился.

— Ужин на двоих. Надеюсь, ты не привередлива.

— Нисколько. — Она схватила полиэтиленовый пакет и заглянула внутрь. — Оу. Такис. Прикольно.

— Там есть сырныи шарики и миндальные конфеты, ты знаешь, чтобы предложить тебе полноценную, питательную еду.

Я подошел, чтобы устроиться на той же могиле Гарри Фрейзера, на которой я сидел, когда мы были детьми. Я остановился, когда увидел, что рядом с ним теперь есть другая могила. Риты Фрейзер. Жены, матери, бабушки и врача.

— Больше не один, приятель. — Я провел рукой по надгробной плите Гарри, прежде чем прислониться к ней. Когда я повернулся к Арье, я заметил, что она странно смотрит на меня. Я снова обнаружил, что хочу быть пойманным. Чтобы Ари назвала меня моей чушью. Чтобы меня узнала. В ее глазах что-то блеснуло. Мне было интересно, что она будет делать дальше. Что бы вышло из ее красивого рта.

Ники, как я по тебе соскучилась.

Ники, я могу объяснить.

Ники, Ники, Ники.

Но она только моргнула и покачала головой, повернувшись к могиле перед ней.

— Эй, Ар. Это другая Ар. я... с чего мне вообще начать? Вещи, как ты знаешь, в беспорядке. Не только с Конрадом. Мама вдруг проявляет ко мне интерес, наверное, потому, что боится через полминуты оказаться бомжом... — Она покачала головой. — Глупо жаловаться на тебя, когда у тебя все намного хуже. Иногда я завидую твоей

бессознательности. В других случаях это пугает меня. У меня до сих пор в голове целые разговоры с тобой. Я все еще вижу тебя повсюду. На мой взгляд, ты вырос со мной. У вас есть альтернативная жизнь. Ты женат сейчас. С ребенком. Аарон, — она усмехнулась, смеясь и плача одновременно, — я совершенно ненавижу твою жену, Элизу. Я называю ее Лиззи, просто чтобы разозлить. Она такая заносчивая.

Я прикусил губу. Арья была и осталась удивительно странной девушкой. Но впервые я также осознал, что мы не такие уж и разные. Что оба наших родителя сильно согрешили, хотя и по-разному.

— В этой альтернативной вселенной я с нетерпением жду, когда ты подаришь мне племянника. Ты знаешь, я люблю детей. Даже подумываю завести одного. Что это? Я сама кого-нибудь встречала? — Она нахмурилась, бросив на меня быстрый взгляд. Я выпрямил спину, как ученик.

— Неа. Никто не заслуживает упоминания. Я имею в виду, что есть один парень, но он вне пределов досягаемости. Он говорит, что химия сильнее нас. Но, как ты знаешь, я завалила этот предмет в старшей школе.

Она поговорила с Аароном еще несколько минут, прежде чем сесть рядом со мной. Я открыл пачку чипсов и передал ее между нами. Она жевала, вытягивая ноги и переплетая их на лодыжках.

— Как он умер? — Я спросил, потому что мне нужно. Я не должен был знать.

— От СПИДА.

— Мне жаль.

— По крайней мере, я его не знала. Полагаю, это было бы миллион раз больнее.

Зависело от человека. Мне еще предстояло скучать по маме.

— Ты часто навещаешь его? — Спросил я. Мы оба смотрели на могилу Аарона. Смотреть друг на друга казалось слишком... грубым.

— Чаще, чем следовало бы. Или так люди продолжают говорить мне. Часть меня злится на него за то, что он бросил это дерьмовое шоу. Мне нужно, чтобы кто-то был здесь, понимаешь?

— У тебя есть кто-то, кто будет здесь, — сказал я с честностью и открытостью, которые должны были меня напугать, но почему-то не испугало.

Внезапно я кое-что вспомнил. Я передал Арье пакет с чипсами, встал, нашел два маленьких камешка возле цветочного горшка и положил их на могилу Аарона.

— Чтобы он узнал, что мы пришли в гости. — Я услышал улыбку на лице Арьи позади себя и повернулся, чтобы посмотреть на нее. — Раньше я делала это все время. Откуда ты знаешь? — Ее глаза блестели.

— Кто сказал, что я не еврей? — Я поднял брови.

— Твое имя. Кристиан, — рассмеялась она.

Мое фальшивое имя, скорее.

Теперь действуй осторожно, — предупредил меня внутренний голос. Но я был слишком далеко, чтобы слушать.

— Кто-то однажды рассказал мне об этой традиции.

Я не спеша вернулся, сел рядом с ней, и наши плечи соприкоснулись.

— Эй, Кристиан?

— Да?

— Сегодня мой день рождения.

Я знаю.

— С днем рождения, Арья. — Я поцеловал ее в макушку, когда она положила щеку мне на плечо, глядя прямо перед собой на конвейерную ленту деловых людей, скользящих по Парк-авеню. — И с днем рождения, Аарон тоже.

ГЛАВА 22

Арья

Настоящее время.

Мы больше не целовались.

Этого я не могла допустить. Нет, если я хочу пережить Кристиана Миллера. И я уже знала, что мои дни станут серее, мрачнее, когда он уйдет.

Он проводил меня до дома в величавой тишине. Мы оба сдули тонкий конденсат на свежий воздух, как дети.

Я знала, что мне должно быть страшно открываться, давая ему эксклюзивный взгляд на мое сумасшествие. В конце концов, тридцатидвухлетним не полагалось отмечать дни рождения на кладбище с мужчинами, которых они едва знали. Особенно таких мужчин, как Кристиан, который был одержим идеей разрушить то, что осталось от моей неблагополучной семьи.

Когда мы подошли к моей двери, Кристиан провел рукой по моей щеке. Было тепло и сурово. Я не была с мужчиной больше года. Со времен свидания в Tinder, которое началось с неловкого секса и закончилось парнем, плачущим у меня на плече о своей бывшей, которая не приняла его обратно. У меня по шее побежали мурашки. Я вдохнула Кристиана. Выдохнула свои запреты.

— Спасибо, что позволила мне быть с тобой сегодня, — сказал Кристиан.

— Спасибо, что не побежал по холмам, крича. — Я провела своим плечом по его плечу, как он сделал это после ужина. Честно говоря, я забыла, когда в последний раз кто-то, кроме Джиллиан, делал для меня что-то столь приятное.

— Ты не так сломлена, как хочешь, чтобы я думал, Арья. — Кристиан улыбнулся, и, боже мой, я могла бы привыкнуть к этой улыбке.

— Я тоже.

— Ну, я хуже, — предложил он.

— Докажи, — бросила я вызов. — Скажи мне, что у тебя за хрень?

— Может быть. Позже. — Но это звучало так похоже на «никогда», что мне не хотелось требовать от него большего.

— Ты еще не передумала насчет нас? — Его голос двигался по моей коже, как кончики пальцев.

— Нисколько.

— Передумаешь.

— Не задерживай дыхание.

— Почему нет? Я отличный пловец.

Итак, Кристиан поцеловал меня в кончик носа и ушел в ночь, забрав с собой маленький кусочек моего сердца.

***

На следующий день на работе недостающая часть моего сердца заставила мою грудь чувствовать себя пустой. Я хотела снова увидеть Кристиана, чтобы попросить его вернуть.

Может быть, это было потому, что он пошел со мной на кладбище. А может быть, все дело в нашем поцелуе накануне вечером. Возможно, Кристиан был лишь отвлекающим маневром от настоящей катастрофы, вторгшейся в мою жизнь. Дело моего отца выходило из-под контроля. Я отказалась от социальных сетей, газет и новостных сайтов и отклоняла все приглашения в гости. Я даже дошла до того, что общалась с мамой только по смс. Что, как оказалось, не было надежным планом.

— Привет. — Уитли плюхнулась на край моего стола, с улыбкой взмахивая своими великолепными пепельно-русскими волосами. — У тебя внизу посетитель.

— Посетитель? — Я мгновенно оживилась, устыдившись своего возбуждения, затем откашлялась и поудобнее устроилась на стуле.

Улыбка Уитли стала шире, на губах было столько блеска, что миска слизи наполнилась.

— О, дорогая, я думаю, это замечательно, что ты воссоединилась с ней. Даже если причина ваших новых отношений в том, что произошло с твоим отцом. Должна ли я позвать ее?

Я быстро моргнула, прежде чем пенни упал. Мне потребовалось все, чтобы не застонать.

— Нет, я пойду к ней, спасибо.

— Арья! Я так рада, что правильно указала адрес. Я думала, твой отец что-то упоминал о том, что ты работаешь на этой улице. — Моя мать стянула свои белые кожаные перчатки со всех пальцев, прежде чем снять их полностью. На ней было одно из самых знаковых платьев моего детства.

— Да, мама. Я работаю здесь уже четыре года, плюс-минус. Два раза в год мы проводим вечеринки для наших клиентов на крыше. Конрад приходил.

Он также потом помогал мне убираться. Моя мать, однако, безошибочно выбросила мои приглашения в мусорное ведро.

У нее хватило здравого смысла выглядеть смущенной и виновато улыбаться.

— Арья, мы можем поговорить?

Кивнув головой в сторону ближайшей кофейни, я пошла впереди. Я позволила маме заплатить за наш кофе, зная, что она поднимет из-за этого шум, если я этого не сделаю. Когда она села, то достала что-то из своей сумки Шанель.

— Я приготовила тебе подарок на день рождения.

— Это впервые, — не удержалась я от бормотания, но все равно открыла. Коробка была прекрасна. Синий бархат. Я думала это будет браслет или бриллиантовое кольцо. Моя мать питала слабость к изысканным украшениям. Но когда я смахнула тонкую папиросную бумагу, я обнаружила кое-что совершенно неожиданное. Это была фотография в рамке, на которой мы с Аароном были детьми. Мы оба лежали на животах, уставившись в камеру широко открытыми глазами.

Я кашлянула, чтобы скрыть свои эмоции.

— Мы были так непохожи друг на друга.

Мои глаза были зелеными, его темно-карими. Мои волосы были каштановыми, его светлые.

— Да. — Мать обхватила своими тонкими пальцами кофейную чашку. — Я прошла курс ЭКО. Когда я забеременела, то была тройней. Но твой отец хотел только двоих детей, и это была опасная беременность, поэтому врачи встали на его сторону. У тебя должен был быть еще один брат.

Моя голова взлетела от моего подарка, мои глаза расширились. — Ты никогда не говорила мне этого.

Она пожала плечами.

— Ты никогда не спрашивала.

— Чего ты ожидала? Привет, мам, что сегодня на завтрак? О, и кстати, у тебя когда-нибудь была выборочная редукция, когда ты была беременна нами? Да, блины хороши. — Но прежде чем она смогла ответить, я нахмурилась. — Подожди, Конрад больше не хотел детей?

Мне всегда казалось странным, что моя мать снова не забеременела спустя годы после потери Аарона.

— Нет. Я едва смогла заставить его согласиться на вас двоих. Конечно, это сработало хорошо, ведь ты теперь его гордость и радость.

Была, — меня подмывало исправить. Удивительно, но у меня не было никаких проблем с тем, чтобы поверить моей матери в то, что Конрад контролировал количество их детей. Это было просто еще одно ужасное откровение, добавленное к цепочке улик против него.

Поэтому я догадалась, что сейчас мы ведем этот разговор.

— Прости мою резкость, мама, но ты вела себя не так, как будто стремилась вырастить единственного оставшегося у тебя ребенка. — Я сделала глоток кофе. Заметила, что у меня дрожит рука.

Мать поставила чашку и схватила меня за руки через стол.

— Посмотри на меня, Арья. — Я посмотрела. Не потому, что я хотела, а потому, что я должна была дать ей шанс объясниться после всех этих лет. — Это был защитный механизм, понятно? Твой отец часто угрожал забрать тебя. Фактически, всякий раз, когда мы с ним ссорились, когда я хотела уйти, он использовал эту карту против меня. Он сказал, что будет иметь полную опеку над тобой, потому что я была таким плохим родителем еще до того, как у меня появился шанс стать плохим родителем. Потом я поняла, что это не имеет значения. Он бы сделал все, что хотел, с моими усилиями или без них. Это была уловка-22. Меня приучили не сближаться с тобой слишком близко, потому что я никогда не знала, позволит ли он мне оставить тебя. И он очень убедительный и манипулирующий человек, как я уверена, ты уже начинаешь понимать. Я не хотела привязываться к тебе. Не хотела, чтобы мое сердце разбилось еще больше после Аарона.

Моя грудь болела так сильно, что я была удивлена, что все еще могу дышать. Я чувствовала, что мои стены рушатся по кирпичику, и я не могла остановить это. Я всегда тщательно выстраивала свою реальность в удобоваримую картину. Папа был святым, мама грешницей. Она была злодеем в моей истории, а не жертвой, и моя реальность, единственное, что, как я думала, было стабильным и верным, больше не имело смысла.

— Я думала, ты меня не любишь, — сказала я, мои руки обмякли между ее пальцами.

Она покачала головой, ее глаза наполнились слезами.

— Я хотела обнимать тебя каждый день. Иногда я физически сдерживала себя от того, чтобы протянуть руку и обнять тебя, потому что знала, что это разозлит его. Он бы сказал, что я пыталась тобой манипулировать. Что я ставила точку. Я хотела, чтобы мы сбежали вместе. Но над моей головой всегда висела угроза. Я не хотела потерять тебя полностью.

— Ты все равно это сделала.

— Я сделала, — согласилась она. — Но, по крайней мере, я вижу тебя каждый день. А

потом, когда ты уехала в колледж, и после этого я пыталась убедить себя, что мне все равно.

— Почему ты говоришь мне это сейчас? — Я вырвала руки из ее хватки. — Неожиданно. Что изменилось?

Она поерзала на стуле, скромно разглаживая платье на коленях.

— Вчера, — начала она, взясь со своим жемчужным ожерельем, — я весь день пыталась дозвониться до тебя, чтобы поздравить с днем рождения. Ты не ответила. Я хотела зайти к тебе в квартиру, чтобы удивить тебя, и поняла, что даже не знаю, где ты живешь. Я узнала адрес твоего офиса, потому что у твоего отца в кабинете была одна из твоих визитных карточек. Я позвонила в твой офис и спросила твой адрес, но Джиллиан сказала, что тебя там нет. Что у тебя было... свидание. Меня поразило тогда, как мало я знаю о твоей жизни. О твоих увлечениях, симпатиях и антипатиях. То, что заставляет твое сердце петь, а душу плакать. Я вернулась домой, больной от стыда. Твой отец был на одной из своих бесконечных встреч с Луи и Терренсом. Я сделала себе чашку чая, размышляя о том, что у меня больше нет Русланы, которая делала бы это за меня, потому что с тех пор, как она ушла, Я слишком боялась привести кого-то еще в наш дом из страха, что он тоже будет спать с ней. Я взяла чай на балкон с видом на Мемориал на горе Хеврон и увидела, как ты навещаешь Аарона. Ты была не одна.

На ее лице играла задумчивая улыбка.

— С тобой был мужчина. Вы выглядели... близкими. Я видела, как ты прислонилась головой к его плечу. Как вы говорили. И я думала... как я хотела быть этим человеком для тебя. Этой скалой. Кто-то, на кого можно было бы положиться, поговорить с ним. С кем провести день рождения. Потом я вспомнила все твои дни рождения за эти годы. В пять лет, с няней номер восемь. Или твой четырнадцатый, о котором мы забыли только через три дня, потому что папа был в Женеве. Я так много пропустила. Я знаю это. Простым извинением тут не обойдешься... — Она вдохнула. — Но я думаю, может быть, раз уж наш мир рушится, и все вокруг нас рушится, мы должны хотя бы попытаться? Что ты скажешь, Арья? Пожалуйста?

Было так много вещей, которые я хотела сказать. Спросить. Но я начала с очевидного, и это не имело ко мне никакого отношения.

— Почему ты все еще позволяешь ему оставаться с тобой? — Я нахмурилась. — Конрад. Почему бы не развестись с ним? Это плохо выглядит. Ты поддерживаешь его после всего, что он сделал.

— Я даже не хожу с ним в суд. Он уже много раз просил. Видимо, его адвокаты считают, что это хорошая оптика

Когда она увидела, что я жду от нее подробностей, она убрала руку с ожерелья, чтобы поиграть с серьгой.

— Ну, полагаю, я боюсь того, что будет дальше. Ты должна понять, последние тридцать с лишним лет я провела в изоляции. Тюрьма. Ему удалось испортить все в моей жизни — даже мои лекарства. Несколько лет назад я узнала, что он был в тесном контакте с моим психиатром, и говорил ему, что мне прописывать. Я немедленно поменяла психиатра, но ущерб был нанесен, и в эти дни я даже не могу принять ксанакс, не задаваясь вопросом, есть ли у людей, которые прописали мне его, скрытые мотивы. Всякий раз, когда мы ходили на светские мероприятия, он намеренно заводил разговоры с моими подругами — обычно с теми, чье общество мне нравилось больше всего — и исчезал с ними на долгое время. Я задавалась вопросом, не спит ли он с ними. Он заводил очень короткие, очень эффективные,

очень стратегические романы со всеми, кто, по его мнению, мог помочь мне вырваться из золотой клетки, которую он для меня установил. У меня нет настоящих друзей, коллег, адвокатов или семьи. Конрад — моя единственная семья, хоть и очень плохая.

— У тебя есть я, — выдавливаю я, не совсем понимая, почему эти слова слетают с моих губ.

У мамы загорелись глаза.

— Да?

— Ага. Мы не близки, но я все равно буду рядом, когда понадобится. — Хотя я могла понять, почему она этого не знала, ведь я следила за ней пару недель. С тех пор, как появились новости о Конраде, и она начала звонить мне.

— Жизнь так коротка. — Она покачала головой. — Я думаю обо всех поцелуях, которые не дарила тебе. Обо всех объятиях, которые мы не разделили. Все вечера в кино, походы по магазинам и ссоры, от которых нам хотелось избить друг друга, но мы любили друг друга еще больше. Я думаю обо всех "что-если". Почти. Как они накапливаются в пустой комнате моего банка памяти. И это убивает меня, Арья. Это гораздо больнее, чем то, что происходит с твоим отцом.

Мой пульс гулко стучал по внутренним запястьям. Я думала обо всех моментах, которые я разделила с папой. Драгоценные и маленькие, как шоколадные конфеты в индивидуальной упаковке. Я бы не променяла их ни на что, даже после всего, что произошло. А может, особенно из-за этого.

И Кристиан. Я также думала о Кристиане.

Как сильно я его хотела. Жаждала его. Каждая клеточка моего тела знала, что он разобьет мне сердце. Нелегкий подвиг, учитывая, что со времен Николая Иванова этого не удавалось никому.

— Может быть, мы сможем создать новые воспоминания. — Мягкая улыбка коснулась моих губ.

— Ох. — Ее голос дрожал. — Я бы очень этого хотела.

***

Я, спотыкаясь, вышла из кофейни, нащупывая телефон. Мне потребовалась секунда, чтобы найти его номер, и еще две, чтобы собраться и позвонить ему. Он ответил на первом гудке, его голос был отрывистым.

— Да?

Фоновый шум был красноречив. Перекладывание документов; тихие голоса, обсуждающие ЕЕОС, неправильную характеристику и бремя доказывания. Очевидно, он был на совещании. Почему он взял трубку

— Кристиан? — Спросила я.

— Очевидно.

— Это Арья.

— Я могу чем-нибудь помочь тебе, Арья? — Он звучал не так восторженно, как я думала.

Ожидала ли я, что он упадет на колени и будет умолять меня увидеться? Может быть, и нет, но я не думала, что он будет звучать так... неувлеченно.

— Похоже, ты занят.

Было затишье. Может, до меня наконец дошло, что я позвонила.

— О чем ты, Ари?

Ари. Прозвище заставило мое сердце забиться.

— Неважно.

— Я не возражаю.

— Ты явно занимаешься чем-то важным.

— Я бы предпочел заняться кем-то важным, — подчеркнул он, как раз когда я услышала тихий щелчок закрывающейся двери. По крайней мере, он не сказал этого на людях. Я задышалась. В Манхэттене не хватало свежего воздуха, чтобы я могла нормально дышать. Но мама прекрасно сказала, что жизнь слишком коротка. Если завтра не наступит, я хотела провести сегодняшний день с ним.

— Арья. — Голос Кристиана стал намного теплее. Я поняла, что раньше он звучал немногословно, потому что он был среди людей и имел определенный вид, который нужно поддерживать. — Ты обдумываешь то, о чем я думаю, что ты обдумываешь?

Вот в чем проблема с хорошими юристами. Они вынюхали правду из тебя за много миль.

— Может быть.

— Что изменилось?

— Моя перспектива. — Я закрыла глаза, покачиваясь с пятки на пятку посреди улицы, чувствуя себя совершенно нелепо. — Всю свою жизнь я избегала беспорядка. Но грязь все равно находила меня. Я начинаю понимать, что, возможно, пришло время брать то, что я хочу, учитывая, что некоторые последствия неизбежны.

— Я приеду.

— Ты имеешь в виду прямо сейчас? — Это заставило меня задуматься. События развивались слишком быстро. — Сейчас полдень. Мой график забит до отказа. Я уверена, что и твой тоже.

— Я перенесу дела. — Линия оборвалась —... уже еду. — Еще одна реплика —...прием. Алло? Ты слышишь меня?

— Ты теряешь связь, — пробормотала я, в оцепенении направляясь к метро. Я действительно прогуливала работу? Это было впервые. Я даже не прогуливала уроки в старшей школе. В последний раз я брала больничный шесть лет назад. Я не делала это спонтанно.

Шумная жизнь Манхэттена просачивалась через линию. Вопят машины скорой помощи, сигналият машины, кричат люди.

— Извини. Я был в лифте. Только что поймал такси. Я уже в пути.

— Ты псих. Это может подождать.

— Нет, не может. О, и Ари?

— Да?

— Твоя чековая книжка должна быть открыта, потому что все те обеды, на которых ты меня подставила, стоили недешево.

***

Когда я подошла к своему порогу, Кристиан уже был там, расхаживая взад-вперед по парадной лестнице. Воздух вокруг него потрескивал от темной энергии.

Он повернулся ко мне лицом, удивив меня, схватив мою руку и прижав ее к своему сердцу.

— Почувствуй это, Ари.

Выражение его лица говорило больше, чем слова. Там было ожидание, смешанное с

надеждой, тоской и чем-то еще. Странная хрупкость, которой раньше не было. Это напомнило мне о том времени, несколько десятков лет назад, когда нас с Ники чуть не поймала Руслана.

Я вонзила свои кроваво-красные ногти в ткань его рубашки.

— Рад видеть меня?

— Я буду счастливее, когда увижу всю тебя.

Мы прошли три лестничных пролета по два за раз. Мой адреналин зашкаливал. Когда я открыла дверь, я сказала ему, что возьму стакан воды, и спросила, не хочет ли он.

— Конечно? — Он одарил меня забавным взглядом типа «вот как мы будем играть». Я указала на свою комнату и попросила его устроиться поудобнее. Когда я убедилась, что он ушел, я выпила две пинты воды, а затем засунула голову в морозилку, чтобы попытаться снизить температуру.

Когда я вошла в свою комнату, я поймала его, изучающего мою книжную полку, он повернулся ко мне спиной. Несколько лет назад я наняла плотника, чтобы тот превратил одну из стен моей спальни в библиотеку. Это было экстравагантно и совершенно неоправданно, учитывая, что эта квартира сдается и все такое, но это заставило меня чувствовать себя как дома больше, чем любой другой предмет мебели, который у меня был. Кристиан провел пальцем по корешкам книг, что мне показалось странно эротичным.

— Драгоценное «Искушение», — протянул он, зная, что я здесь, хотя и не издал ни звука. — Первое издание, твердый переплет.

— Даже не думай об этом. — Я оттолкнулась от дверного косяка и направилась к нему. Я вырвала книгу из его рук, нежно лаская ее.

Он повернулся ко мне, на его лице играла ухмылка.

— Думать о чем?

— Займ.

— Почему нет? — он прошептал. — Это просто слова на бумаге.

— Какая нелепая вещь, чтобы сказать. А смерть — это просто долгий сон в ящике стола. — Я сильнее вжала книгу между двумя книгами, поглощающими ее. — Если ты так отчаянно хочешь это прочитать, возьми читательский билет.

Он прислонился плечом к моим полкам, внимательно изучая мою реакцию.

— Почему именно эта книга?

— Потому что.

— Я перефразирую. Какое событие у тебя ассоциируется с этой конкретной книгой, от которой невозможно оторваться? Мне трудно поверить, что другая копия «Искушения», которую я мог бы заказать на Amazon прямо сейчас, оказала бы такое же эмоциональное воздействие.

Я подумала об арктическом блюзе Ники, мерцающем, когда он сказал мне, что сделает это для меня. Бросить вызов нашим родителям. Воспроизвести эту сцену.

О том, как Ники прижимает меня к полкам и целует.

Лежа под бьющим солнцем, считая созвездия веснушек на моем носу и плечах Ники. Ники. Ники.

Сладкая боль разлилась внутри моего живота.

Кристиан покачал головой.

— Неважно. Слишком личное. Я понял.

— Это не...

Он взяла стакан сводой, о котором я забыла, и осторожно поставила его на одну из полок за моей головой. Он сплел пальцы через мои и прижал мои руки по обе стороны от меня, над моей головой, как в «Искуплении». Его пальцы сжались сильнее, его рот опустился к основанию моего горла, его губы мягко коснулись чувствительной кожи.

На секунду мне даже стало интересно, был ли Кристиан Ники. Почему еще он решил сделать это? Но нет. Этого не может быть. Ники был мертв. Кроме того, возможно, Кристиан посмотрел фильм и подумал, что было бы здорово повторить его.

Я мяукнула, откинув голову назад и закрыв глаза.

— Арья, ты, прекрасное, лживое создание. Как долго я ждал, чтобы сделать это с тобой.

Его рот скользнул вверх по моей шее, его белые зубы коснулись моего подбородка, прежде чем он погрузил свой язык в мой рот, приоткрывая мои губы. Мой рот раскрылся в форме буквы «О», и я корчилась, моя спина выгнулась, мое тело прижалось к нему, когда я наслаждалась тупой болью желания.

— Красивая... сладкая... прекрасная Арья. — Каждое слово было поцелуем. Его пальцы отпустили мои, и он обхватил меня сзади за бедра, обвив мои ноги вокруг своей талии, наши поцелуи были глубокими, страстными, наполняя низ моего живота шелковистым теплом. Большая часть моего веса приходилась на книжные полки.

— Какая ты невыносимо совершенная, — пробормотал он мне в рот. Завитки моих волос, диких, как сорняки, упали нам на глаза. Compliments не были сказаны с сарказмом или презрением. Это был мягкий шепот, обвивающий мою шею, мои запястья, как прекрасные драгоценности.

В его движениях была настойчивость, когда он пожирал мой рот, прижимая меня к заставленным книгами полкам. Ощущение незавершенного дела. Продолжение того, что мы ранее начали. Но, конечно же, этого не могло быть.

Эрекция Кристиана прижалась к моему центру, и что-то внутри меня вспыхнуло. Я покрутила задницей, мои ноги сплелись в лодыжках вокруг его талии, встречая его эрекцию целеустремленными толчками. Состояние моих трусиков подсказывало мне, что долгая прелюдия мне не по карману.

— Кристиан. — Я провела ногтями по его острой челюсти, мой язык танцевал с его языком. Он замер, отстраняясь, как будто я ударила его.

— Что? — спросила я, задыхаясь, когда он сделал полный шаг назад, предоставив мне выровняться на шпильках. — Что случилось?

Это не могло быть ничего из того, что я сказала. Все, что я сделала, это произнесла его имя. Мужчинам это нравилось, особенно за закрытыми дверями. И все же он смотрел на меня так, словно я совершила большой грех. Как на преданного любовника.

Меня охватило смятение.

Он закрыл глаза, а когда снова их открыл, то выглядел совсем по-другому. Он одним быстрым движением съел пространство между нами, схватил меня за задницу и швырнул на кровать. Мои ноги взметнулись в воздух, и тишину прорезал громкий треск. Моя юбка-карандаш была разорвана, половина моей задницы торчала наружу, чтобы он мог видеть.

— Что за... — Я была одновременно возбуждена, разозлена и застигнута врасплох. — Это был совершенно новый Valmain!

— Пришли мне счет. — Он поставил одно колено между моими ногами на моей кровати, схватил край моей юбки и разорвал ее до тех пор, пока она не упала подо мной одним идеальным квадратом. — А еще лучше, давай поквитаемся за все эти ужины. У меня

такое чувство, что твоя семья не сможет позволить себе непредвиденные расходы после того, как тебе предъявят судебный иск.

Это было низко, а Кристиан обычно не стремился к низкому. На самом деле, до сих пор он был довольно хорош в том, чтобы не тыкать меня в лицо нашей ситуацией. Из-за чего я еще больше смутилась, как то, что я назвала его имя, изменило отношения между нами.

— Что на тебя нашло? — спросила я, но быстро забыла потребовать от него ответа, когда он склонился между моими ногами, прижавшись своим сильным телом к моему. Он грубо поцеловал меня, нарочно потирая свои пятнадцатичасовые тени по моей коже, отчего она стала розовой.

Зубами он расстегнул мою белую рубашку. Не с опытом и изяществом. Скорее, он дергал и выплевывал их одну за другой, по мере того как перед ним открывалась все большая часть моей кожи. Когда он увидел мой кремовый кружевной лифчик, он полностью закрыл одну из моих грудей своим ртом и сильно сосал. Влажный жар его рта вызвал сильную дрожь по моей спине. Мои пальцы запутались в его волосах, бесстыдно потянув его на юг.

— Кто-то нетерпелив, — усмехнулся он, касаясь моего пупка, погрузив в него язык, прежде чем вдохнуть холодный воздух внутрь. Моя кожа покрылась мурашками.

— Ты настоящий эксперт, не так ли?... — Я хотела еще раз произнести его имя, но тут же остановилась. Что-то подсказывало мне, что он не хочет этого слышать, хотя я понятия не имела, почему. Кристиан не заметил, что мое предложение было незаконченным.

— Это не та беседа, которую я хотел бы вести в данный момент.

И он был там. Его зубы царапали край моих трусиков — к сожалению, это была пара бесшовных черных трусов бойфренда — и быстро стянул их, его руки были заняты широким разведением моих бедер. Я не знала, что сексуальнее — смотреть на его загорелые, сильные руки и мускулистые предплечья на фоне моей бледной кожи или смотреть на его макушку угольно-черных волос, зная, что будет дальше. Вернее, кто должен был кончить, а именно я.

Он закинул мое нижнее белье за плечо, все еще полностью одетый.

Он сделал паузу, чтобы впервые осмотреть мое обнаженное тело. Словно он изучал карту, прикидывая, с чего начать, где атаковать первым.

— Боже, Арья.

Он провел большим пальцем от моего клитора к основанию моего центра, прежде чем погрузить длинный палец внутрь меня. Я закрыла глаза и застонала.

— Намокла. — Я услышала хлопок его рта и открыла глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как он пробует палец, который вонзил в меня. — Скажи мне, чего ты хочешь, Арья.

Не доставляя ему удовольствия слушать, как я умоляю, я вонзила ногти ему в плечи и опустила обратно, его лицо было на уровне моего пола. Он провел языком по моему отверстию, и я вздрогнула, закрыв глаза. Очевидно, он хотел контролировать ситуацию. И ясно, что он терпел неудачу.

— Черт, — прорычал он, его язык снова коснулся меня, теперь глубже. Он жаждал этого. — Ну вот, опять.

Вот опять? Что это значит?

Его руки обхватили мои бедра, прижимая меня к матрасу, пока он пожирал меня, поглаживая меня своим языком, время от времени останавливаясь, чтобы пососать мой клитор своим ртом, мягко покусывая его. Он знал что делает. Обычно я нахожу это похвальным. Опыт не всегда равнялся хорошей работе. На этот раз, однако, мое сердце сжалось. Как будто Прошлый Кристиан должен был знать, что Настоящий Кристиан каким-

то образом встретится со мной, и должен был ждать. Что было абсолютно, чудовищно глупо.

В глубине моего разума раздался тихий голос, который сказал мне, что я все делаю неправильно. Это был Нью-Йорк, и нам было за тридцать. Обычно я действовала по обычной схеме. Мне нужно было увидеть чистый медицинский счет. Чтобы был разговор. Убедиться, что он пришел с пачкой презервативов. С Кристианом я проскочила мимо формальностей, как будто их не существовало.

— Презервативы, — выдохнула я, чувствуя, как мой первый оргазм скользит по моей коже. От пальцев ног вверх по ногам, поднимаясь выше. — Скажи, что у тебя есть презервативы.

Он покачал головой, которая все еще была спрятана между моих бедер, как раз в тот момент, когда мои глаза закрылись, а мое тело начало дрожать от моего оргазма. Я вся затреслась, а когда снова открыла глаза, то увидела, что он, опершись на локти, смотрит на меня, погруженный в свои мысли.

— Я чист.

Я не хочу забеременеть.

На секунду я представила, как это будет. Если я случайно забеременею от Кристиана. Что бы подумал Конрад. Беатрис тоже. Панический смешок вырвался из моего горла, но мне удалось его проглотить.

— Я не принимаю таблетки, — сказала я. Он начал целовать мой живот, его рот был горячим и влажным, его дыхание несло землистый женский аромат меня.

— Я вытащу.

— Мы сейчас в старшей школе?

— Мы в полной похоти друг к другу. Я не могу ждать. Я выйду, потом спущусь вниз и куплю презервативы для следующего раунда. А следующий раунд обязательно будет.

Он поднимался вверх по моему телу, пока наши лица не совпали. Его глаза были завораживающими. Чистый, ледяной блюз. Спокойная вода над блестящими айсбергами. Моя решимость рухнула, как всегда, когда дело касалось этого человека. Я закрыла глаза и кивнула.

Кристиан был внутри меня.

Он все еще был в своем костюме, когда вошел в меня. Он был большим — больше среднего — и закрыл глаза, не двигаясь, просто наслаждаясь моментом. Я смотрела на него с благоговением. Все, что мы делали, казалось монументальным.

Он начал двигаться внутри меня, закинув одну из моих ног себе на плечо, и пристально посмотрел мне в глаза. Меня это удивило. Интенсивность этого. Ведь мы не так давно были знакомы. Я обвила руками его шею, пока он наполнял меня до краев. Я двигала бедрами вперед каждый раз, когда он толкался в меня, встречая его посередине. Очередная кульминация щекотала меня внутри.

— Арья. — Лоб Кристиана упал мне на грудь, когда он ускорил шаг. — Пожалуйста, скажи мне, что ты близко, потому что я сейчас кончу.

— Да. — Я кивнула, тяжело сглотнув. — Я очень близко.

Кристиан застонал, отстраняясь от меня и сильно сжимая себя, сдерживая оргазм. Он оторвал взгляд и посмотрел в пол, сосредоточившись на одном месте, прежде чем снова толкнуться в меня. Уже возбужденная и чувствительная от трения, это было все, что мне нужно было, чтобы развалиться в его объятиях и кончить снова. В ту минуту, когда он почувствовал, что я сжимаюсь вокруг него, он пробормотал: — Спасибо, — вышел из меня и

кончил. Ленты его освобождения покрывали мой живот. Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы спуститься на землю и осознать, что мы сделали. Кристиан перекатился рядом со мной на кровать. Мы оба уставились в потолок. Было отчетливое ощущение, что мы похожи на подростков, которые только что совершили что-то плохое.

— Ты даже не снял одежду. — Я смотрела в потолок в изумлении, гадая, позвонит ли он завтра.

— Нет, — удивленно сказал он, повернувшись ко мне лицом. — Давай это исправим. Душ?

— Первая дверь налево.

Он схватил меня за руку. Сжал.

— Пойдем со мной.

— Я только что это сделала. — Я ухмыльнулась.

Он рассмеялся, осторожно вытаскивая меня из постели.

— Вот мы и пришли. Один шаг. Потом еще один. Не так уж плохо, правда?

Наш общий душ был обжигающим. Медленный сеанс поцелуев. Мы обнялись, целуясь под горячей водой. Там я смогла оценить его целиком, во всей его полноте. Его четкие шесть кубиков, жесткие темные волосы на груди, широкие плечи. Наши поцелуи были горячими и долгими, с открытым ртом, и я попыталась вспомнить, когда в последний раз чувствовала себя такой счастливой и довольной. Я подозревала, что не в этом десятилетии.

Когда мы вышли, Кристиан оделся.

— Я спущусь вниз, возьму штаны. Должен ли я взять еду на вынос? Как насчет китайской еды? — Он застегнул рубашку, присел на край моей кровати, не беспокоясь о галстукке.

— Который сейчас час? — Я посмотрела на часы, нахмурившись. Было восемь часов. Джилли должна была уже вернуться. Тот факт, что она не вернулась, означал, что она дала нам время побыть наедине. Я написала ей по дороге домой, но не думала, что она будет так скучать. Я снова посмотрела на него, включила ноутбук и устроилась на подушках в своей кровати. Нет смысла сидеть здесь и тосковать по нему, пока его нет дома. Я могла бы написать несколько электронных писем и, если повезет, даже сделать предложение по контракту.

— В таком случае, не мог бы ты принести что-нибудь из филиппинского ресторана? Это прямо вниз по улице. Я буду жареные кальмары и хрустящую пату. О, и их кокосовый боба, пожалуйста. Дополнительные шарики тапиоки. Вот моя карточка. — Я расстегнула сумочку и бросила ему карточку через кровать.

Он перестал шнуровать ботинки, несколько мгновений просто глядя на меня.

Я натянуто улыбнулась.

— Прости, я могу быть властной. Мы можем просто пользоваться DoorDash. Конечно, тебе не обязательно туда идти.

— Нет, все в порядке. — Он встал, качая головой. — Я мог бы использовать это время, чтобы отвечать на электронные письма. — Его взгляд пробежался по моему ноутбуку. Упс. Я должна была подождать, пока он не уйдет. — Ты действительно нечто, ты знаешь это, Арья Рот?

— А как же?

— Ты просто самая самостоятельная, независимая, целеустремленная...

— Лучше остановись, пока не поймал чувства. — Я подмигнула, прерывая его слова,

потому что они резали мою кожу, и это было слишком. Он закрыл рот, покачал головой и ушел, оставив меня, мою кредитную карту и мои чрезвычайно опасные мысли позади.

***

Сорок минут спустя мы сидели, скрестив ноги, на моей кровати, наедаясь жареными кальмарами, картофелем фри, жареным мясом и разнообразными овощами. Мы поделились историями о наших студенческих днях и были удивлены, узнав, что за эти годы наши пути несколько раз чуть не пересекались на вечеринках и фестивалях. Кристиан сказал, что ему не нравились все эти вечеринки, что Арсен и Риггс были головорезами в своем трио, и что он сосредоточился на том, чтобы финишировать лучшим в своем классе, потому что он знал, что конкуренция будет жесткой, когда он закончит колледж. Я сказала ему, что и я была такой же. Что я разочаровала многих людей тем, что была такой сдержанной и не стала внутренней Пэрис Хилтон, которую, как все предсказывали, они должны были увидеть во мне.

— А Джиллиан всегда была твоей лучшей подругой? — Кристиан откусил кусочек кальмара и начисто высосал пальцы. У меня было подозрение, что жареная пища не была частью его обычного рациона с таким телом.

— Вполне. — Я сунула в рот кусочек огурца. — Я всегда была своего рода амбивертом — определенно для кого-то в моем поле — и люди часто принимают мою напористость за стервозность. Я не занимаюсь тем, чтобы ворковать и вести себя мило. Некоторые люди это ценят. Немногие, но некоторые. Она одна из них, так что мы держим друг друга поближе.

— Мужчины должны быть запуганы. — Кристиан дьявольски вздернул бровь.

— Не те, с которыми стоит встречаться.

— И все же ты не кажешься мне женщиной, которая ходит на много свиданий.

Я пожалала плечами.

— Не каждый стоит моего времени. — Но даже когда я сказала это, я знала, что это говорит моя шаткая самооценка.

— Кто тот, кто сбежал? — Кристиан прислонился к моему изголовью, используя палочки для еды, чтобы отщипнуть кусочек моркови от своей бумажной тарелки. Его рубашка была расстегнута, и в нем чувствовалась ленивая, хищная атмосфера, которая заставляла меня быть начеку и в то же время вызывала желание наслаждаться его вниманием. — Всегда есть один человек, который сбежал.

— Хм. — Я сморщила нос. Однако мне не нужно было думать об этом. Ответ был ясен. Просто плохо звучало. К счастью, меня не должно было волновать, что он обо мне думает. В лучшем случае это было временно, а в худшем уже закончилось. — Не смейся, но это было давно.

— Школьный возлюбленный. — Он сделал милое, хотя и насмешливое лицо. — Где он впервые поцеловал тебя? Под трибунами или напротив твоего шкафчика?

— Вообще-то, до старшей школы. — Я чувствовала, как розовеют мои щеки, опуская взгляд на еду, передвигая ее палочками. — Нам обоим было по четырнадцать. Он был... Ну, он был крутым парнем и моим лучшим другом. Я была сдержанно одержима им. Летом у нас была небольшая история. Его мама работала на мою семью. Он тот, кто сбежал из-за меня.

Когда я снова подняла голову, выражение лица Кристиана заставило мой пульс сбиться. Он выглядел так, словно в него сразу врезался полуприцеп, полный чувств. Он уронил свою еду на мою кровать — случайно — и даже не понял, как он это сделал.

— Черт, не беспокойся об этом. Я все равно ненавидела эти простыни. — Я

предприняла наполовину попытку соскобрать маслянистую картошку фри с белья. Ложь. Это был новенький бельгийский лен от West Elm.

Он по-прежнему странно смотрел на меня.

Я села немного прямее, чувствуя, как мои щеки горят, несмотря на мою вину.

— Я же говорила тебе, что это странно. — Я заправила волосы за уши. — Я имею в виду, что я не тоскую по этому подростку или что-то в этом роде. В любом случае...

— Нет, это интересно. Так он был твоим парнем? — Кристиан снова перевел взгляд на меня, весь деловой.

Я посмотрела на него.

— Эм, а ты уверен, что у тебя не было инсульта? Ты выглядел... не в себе.

— Извини. Думал об электронном письме, мне нужно написать кому-нибудь завтра. Сейчас я в полном порядке. — Он улыбнулся.

Мило. Значит, он думал о работе, когда я изливала свое сердце. Принято к сведению.

Я вернулась к обсуждаемой теме, чувствуя себя неловко.

— Нет. Мы разделили поцелуй. Это все. Но мы были близки.

— И почему это закончилось? — Глаза Кристиана впились в меня с интенсивностью, которая могла бы осветить карнавал.

— Он уехал.

— Уехал?

— Да.

— Куда?

Я облизала губы, чувствуя, как мой нос вдруг горит слезами. Что, черт возьми, со мной происходит? Прошли годы.

— Он уехал жить к отцу в Беларусь.

— Я понимаю. — Он коротко кивнул, откусывая от другого кальмара. — Он тебе это сказал?

— Гм. Нет. — Я потерла лицо, пытаюсь понять, почему я была так расстроена и, что еще важнее, почему Кристиан смотрел на меня так, будто я только что сказала ему, что убила его собаку. — Мне папа сказал. Все было очень... — Оскорбительно и безумно. — Внезапно.

— Ты когда-нибудь пыталась связаться с ним?

Его интерес к этой истории казался странным. Прошло столько лет. Кроме того, как он сказал, у нас не было долговременных отношений. Почему его волновало мое прошлое?

— Да, конечно. — Я начала собирать кальмаров и картошку фри со своего белья и класть их обратно в миску Кристиана. — Но потом, когда он не ответил, я решила, что увернулась от пули. Парень, который уходит из твоей жизни, даже не оставив тебе записки, не стоит твоего времени, мыслей и усилий.

Это была наглая ложь. Я точно знала, почему Ники не связался со мной — потому что я ничего не заслуживала от него после того, что сделал с ним мой собственный отец.

— А ты? — Я спросила. — Кто-то особенный за эти годы?

Кристиан улыбнулся, несколько оправившись от этой темы, потянулся ко мне, чтобы взять бутылку с водой, которую мы разделили, и сделал глоток.

— На самом деле никого.

— Повезло тебе.

— Да, мне повезло.

***

Еще три раза мы кувыркалились друг на друге, путаясь в простынях, борясь за доминирование, за кожу, за контакт. Мы изучали формы, симпатии и антипатии друг друга. Как двигаться подобно течению. Мы пользовались презервативами, и я мысленно отметила, что на следующий день загляну в аптеку за "Планом Б". Кристиан был щедрым любовником. Казалось, он точно знал, чего я хочу, когда я этого хочу, как глубоко и как быстро.

Наконец, когда около часа ночи мы упали в обморок, потные и измученные, было вроде бы понятно — может быть, даже ожидалось, — что он останется на ночь. Мы оба хотели отсрочить неизбежное.

— А в суд ты не опоздаешь? Между тем, чтобы вернуться в свою квартиру, принять душ и одеться? — Спросила я.

Кристиан заметил, что любой начинающий юрист знает, что нужно держать в офисе свежий и выглаженный запасной костюм, и на этом все.

***

Вот почему я не ожидала, что проснусь на следующий день в пустой постели.

Сторона, на которой спал Кристиан, была холодной, постельное белье выглажено так, словно его никогда там не было. Единственным доказательством того, что он действительно был здесь прошлой ночью, был его стойкий запах дорогого лосьона после бритья и декадентского секса. О, и пульс между моими бедрами, легкое, упорное сердцебиение и следы укусов, которые покрыли меня.

Я взглянула на часы на ночном столике. Восемь тридцать. Застонав, я закрыла глаза и прижалась лицом к подушке. Когда я снова открыла глаза, я перевернулась на живот и потянулась к телефону. Было четыре сообщения и семь электронных писем. Все от клиентов. Был еще один пропущенный звонок от мамы.

Он сказал тебе, что это не серьезно. Ты ожидала романтического завтрака с объятиями?

На секунду я поразились иронии. Мой отец намекал, что я должна переспать с Кристианом, чтобы помочь ему, и я действительно переспала с ним, но не собиралась помогать старику.

Я моргнула, привыкая к свету, льющемуся из окна. Склонив голову набок, я заметила что-то странное в своих книжных полках. Пустое пространство, которого раньше не было. Я встала с кровати, все еще совершенно голая, и прошлепала босиком к своей полке. Моя рука провела по шипам, расположенным в алфавитном порядке. Мои пальцы остановились на пустом месте. Я знала, чего не хватало. Это была книга, впечатанная в мою ДНК. Мое самое ценное достояние.

Искупление.

Вот почему он не оставил записки или сообщения. Почему он не задержался. Он знал, что я сделаю первый шаг. В конце концов, он держал в заложниках что-то мое.

Ублюдок украл мою любимую книгу.

***

Я держала себя в руках.

Я не звонила и не писала ему.

В офисе Джиллиан рассматривала меня из-за чашки с кофе, понимающе выгнув бровь и прислонившись к принтеру, пока я ждала, когда он выдаст контракт для нового клиента.

— Длинная ночь? — спросила она.

Я почувствовала, что горю алым, понимая, что даже не уверена, вернулась ли она домой или нет. По крайней мере, я знала, что в эти дни у меня много работы, так что это не было

раскопками.

— Это место — зона неосуждения. — Я подняла теплые бумаги, указывая на пространство между нами, пока держала их.

Джилли подняла руку, сдаваясь, и сделала еще глоток.

— Я не осуждаю. Мне любопытно. И немного ревную, очевидно. Это серьезно?

— Неа. Отношения обречены с самого начала. — Я скрепила страницы вместе и направилась к своему месту. Она следовала за мной, как пиранья, чуя кровь.

То, что мы с Кристианом не обратились к слону (точнее, к судебному процессу) в комнате, не означает, что я не знала об этом. Единственное, что изменилось, так это то, что мне больше не хотелось свешивать его неосмотрительность над его головой.

— Тогда зачем беспокоиться?

— Жизнь слишком коротка. — Я пожала плечами, села перед своим ноутбуком и сняла колпачок с маркера, чтобы еще раз просмотреть контракт.

— Как не Арийски с твоей стороны, — засмеялась она. — Отлично. Я вернусь к этому снова, когда мы вернемся домой. Но Ари?

— Да?

— Будь осторожна, если увидишь Кристиана. Каким бы обаятельным он ни был, ты ничего не знаешь об одном из самых завидных холостяков Нью-Йорка.

ГЛАВА 23

Кристиан

Настоящее время.

Я сунул распечатанный экземпляр «Искупления» под расшатанную половицу под кроватью. Вы могли бы подумать, что в новом здании на Манхэттене с настоящим паркетом не будет провисшей плитки, и вы были бы абсолютно правы. Причина, по которой он был свободен, заключалась в том, что я разорвал его голыми руками, чтобы мне было где спрятать все юридические документы, которые я никогда не хотел, чтобы кто-то нашел. Сейф был весьма предсказуем. Он практически кричал, чтобы его открыли. Но никто не собирался отклеивать куски пола под моей кроватью.

Я удивился, почему Арья до сих пор не позвонила. Или, что еще лучше, не ворвалась в мой офис с мачете и всеми намерениями использовать его на моей шее.

Я собирался отправиться в ад, но не раньше, чем максимально использовать свое время здесь, на планете Земля. То, что я делал с Арьей, было, за неимением юридической терминологии, махинацией гигантских размеров.

Ложь росла день ото дня, подпитываемая временем, намерениями и эмоциями, которые не имели права вмешиваться в эту смесь. Я всю жизнь выбирал себе партнеров. У меня была внешность, аура, работа и банковский баланс, чтобы заманить в свои сети кого угодно. Но с Арьей, даже когда она была у меня, она не чувствовала себя по-настоящему моей, и это было проблемой.

Кто-то постучал в дверь моей спальни. Голова Риггса, свежесбрита (и целиком) после очередной удачной поездки бог знает куда, высунулась в пространство между дверью и косяком.

— Еда здесь.

Я прошел через свою спальню к кухне, где Арсен выгружал коробки, полные сашими. Риггс сел рядом с Арсеном на табурет.

— Возвращаясь к обсуждаемой теме, прежде чем Кристиану пришлось вернуться в свою комнату, чтобы послушать свой альбом Шинейд О'Коннор, плача из-за того, что Арья не позвонила. — Арсен нажал кнопку "игнор" на своем телефоне, когда на нем промелькнуло имя Пенни, сопровождаемое фотографией того, что казалось чертовой супермоделью. Если бы у меня был пенни за каждый раз, когда он отвергал вполне подходящую Пенни, я бы смог купить все это здание, а не только односпальную квартиру. — У тебя есть два варианта: либо ты отпустишь ее, поскольку ты уже повеселился, и это был первоначальный план, либо ты скажешь ей правду и столкнешься с последствиями. Затягивать с этим — нестабильно.

— Ты с ума сошел? — Я выплюнул, копаясь в контейнерах. — Слишком поздно говорить ей. Меня исключат из дела, лишат адвокатской лицензии, возможно, я предстану перед судом — нет, определенно, учитывая, что этот процесс — моя верная чертова победа — не говоря уже о том, что я все равно ее потеряю.

Арсен ухмыльнулся мне, как будто я был очаровательным маленьким щенком, который только что научился писать на горшок.

— Кажется, ты сказал, что это не так. Что — и это прямая цитата — ты не получил юридического образования в Costco.

Он меня раскусил. Но это было до того, как мы с Арьей занялись сексом. Я думал, что смогу держать свое дерьмо и свой член при себе. Смотреть, как она страдает, и жить дальше.

— Спасибо за "я-сказал-тебе-так". Ты сейчас очень кстати. — Я щелкнул деревянными палочками для еды.

— Ты можешь сказать ей об этом после того, как суд закончится? — спросил Риггс, подходя к моему холодильнику за пивом. В эти дни он выглядел чертовски крутым, но я знал, что, в отличие от нас с Арсеном, он не из тех, кто ходит в спортзал. Вместо этого он полез в горы. Профессионально. Имел кучу компаний, одобряющих его задницу. Я никогда не понимал его увлечения околосмертными переживаниями. В жизни была 100-процентная смертность. К чему было его стремление упасть с проклятой скалы на высоте 14 км?

Я отрицательно покачал головой.

— Суд завершится через несколько недель. Кроме того, даже если я скажу ей после того, как все закончится, она может потом раскрыть мою личность, что будет означать, что вся моя работа была бы напрасной.

Я освежил в памяти Правила профессионального поведения. Не было ничего, что конкретно мешало бы мне засунуть свой член в Арию. Но это не выглядело хорошо. И, конечно же, были эти надоедливые универсальные правила для подобных ситуаций. Компетентный адвокат может подать иск, утверждая, что мое поведение было направлено на срыв работы трибунала. И, черт возьми, с моей моделью фактов они могут просто победить. Аманда Гиспен посадила бы меня за то, что разрушила ее дело, и Конрад Рот тоже. В любом случае, я смотрел на это, быть с Арьей было просто невозможно. Они были правы. Мне нужно было забыть ее. Но как я мог, после того как она сказала мне, что пыталась написать мне? Что она думала, что я переехал на другой конец света? Что это я сбежал?

Я был так уверен, что она замешана во всем, что сделал со мной Конрад Рот, мне и в голову не пришло, что он солгал ей, чтобы смягчить удар. Это вывернуло меня наизнанку. Откровение, о котором она могла не знать. Заставил меня потерять сон, дела и мой чертов разум. Все это время — вся эта ярость — и это была даже не ее вина.

Тщательно выстроенное повествование о моей жизни и моих обстоятельствах

превратилось в груды пепла у моих ног. И мне некого было винить, кроме себя, в поспешных выводах.

Что касается Арьи, женщине лгали все мужчины, о которых она хоть немного заботилась. Это заставило меня чувствовать себя дерьмово, но не настолько дерьмово, чтобы разрушить всю мою жизнь, чтобы поступить с ней правильно.

— Отлично. В таком случае брось Арью и живи дальше, — сказал Арсен тем же разумным тоном, которым он мог бы предложить диверсифицировать мой инвестиционный портфель.

Я бросил кусок сырого тунца в рот.

— Отлично. Мне даже не нужно этого делать. Все, что мне нужно сделать, это никогда больше не звонить ей, потому что она, черт возьми, никогда не позвонит мне.

Риггс улыбнулся из-под ободка своей пивной бутылки.

— И это, очевидно, тебя совсем не беспокоит.

Придурок.

***

На следующий день Арья не позвонила.

Или на следующий.

Я проанализировал наше последнее взаимодействие.

То, как она рассказала о Ники. Боль в ее голосе. Морщинки в ее глазах.

Казалось, что она искренне заботилась. Опять же, как установлено, Арья была довольно хорошей актрисой, когда хотела.

Мое подозрение, что она не заметила пропажу книги, испарилось. Ничего подобного не могло ускользнуть от такой женщины, как Арья. Тем временем «Искупление» прожгло дыру в паркете моей спальни. Я отказался его читать. В каком-то смысле это означало признание поражения.

Я продолжал говорить себе, что хорошо, что Арья не позвонила. Я всегда мог отправить ей книгу с курьером и покончить с этим дерьмом. Я больше не мог ее видеть. Любое дополнительное время, проведенное с ней, приближало ее к истине. А даже если и нет — какой в этом смысл? Я хотел убрать ее из своей системы. Я хотел. Дело закрыто.

Суд проходил хорошо.

Моя карьерная тарелка была полна.

Так почему же я все еще был голоден?

***

Прошла неделя.

Я ходил в спортзал и пивоварню. Она никогда не была там. В суде она тоже не появилась. Я начал сожалеть о временной милости, которую я оказал ей, предостерег от этого дела.

Женщина не пошевелилась. Было ли это гордыней или самосохранением? В любом случае, это принесло ей больше моего восхищения.

Был вполне хороший шанс, что я мог бы продолжать в том же духе еще месяц или около того. Я был конкурентоспособным ублюдком, как и она. Мы всегда превращали все в игру, в которой нужно выиграть. Даже в детстве. Но однажды, когда я занимался в тренажерном зале, я заметил ее на одном из плоских экранов телевизора. Она была гостьей на утреннем шоу.

Она была похожа на сон. Настолько, что первые несколько секунд я даже не

расшифровал, что она сказала. Просто купался в том факте, что не так давно она была подомной, корчилась и умоляла о большем.

На ней было платье с открытыми плечами, облегающим лифом и бабочками. Я сбросил гири, которые держал, и подошел к телевизору, чтобы лучше ее слышать. Ведущая, женщина в возрасте от тридцати восьми до пятидесяти девяти лет, со светлым бобом и большим количеством искусственного загара, спросила ее о кризисе с общественностью, с которым столкнулась некая британская королевская чета. Арья подробно и профессионально ответила на все вопросы. Мне было интересно, что вообще побудило ее пойти на телевидение, но затем, когда ее интервью закончилось, хозяйка подключила Brand Brigade и не могла перестать хвастаться этим, заявив, что она была одним из их очень счастливых клиентов.

Бесплатная реклама. Тайна разгадана.

В тот же день я отправился в Barnes & Noble и купил копию «Искупления». У них было только то, что с постером фильма на обложке, белая бумага вместо кремовой. Но этого было достаточно для того, что мне было нужно. Я вырвал из книги страницу, обмакнул ее в чай и оставил сохнуть на мое окно офиса в течение нескольких часов, прежде чем засунуть его в конверт вместе с небольшой запиской.

У меня есть что-то твое. Если ты хочешь увидеть эту книгу живой, следуй моим шагам и не пытайся обращаться в полицию.

Шаг 1: Встретимся в Планетарии Хейдена сегодня в шесть тридцать.

Не опаздывай.

— К

Я взял трубку на столе и нажал кнопку, чтобы позвонить секретарю.

— Мне нужно, чтобы ты отправила кое-что через весь город. Сейчас же.

***

В шесть двадцать я заметил Арья возле планетария. Она перестала ходить взад-вперед, окунувшись в лужицу ледяных голубых огней, отражающихся от здания позади нее.

В кино, а может быть, даже в книгах, которые так любила Арья, героиня всегда выглядела неуверенно и скромно, ожидая прибытия своего кавалера. Не так с Арьей Рот. Эта маленькая чертовка разговаривала по телефону, вышагивая взад-вперед и говоря тому, кто был на другом конце, что она сделает из его кожи сумку Birkin, если он не найдет ей репортера, который слил ту сочную статью об одном из ее клиентов. Я стоял в стороне, принимая ее, и наконец до меня дошло, почему я не мог остаться в стороне — потому что мы были пугающе похожи.

Бойцы. Кровожадные. Мы родились в разных обстоятельствах, но суть у нас была одна. Мы оба были готовы влезть в грязь ради того, что нам было дорого. Выпускали когти в любую секунду.

Вопрос был в том, насколько Арья все еще заботилась о своем отце? У меня не было возможности это узнать, и я не был настолько наивен, чтобы спросить ее напрямую.

Я возобновил свой быстрый шаг к ней. Она повернулась на каблуках, затем остановилась, увидев меня, ее зрачки расширились при моем появлении.

— Мне нужно идти, Нил. Держи меня в курсе.

Она бросила телефон обратно в сумку и бросилась ко мне.

— Где моя книга, Миллер? — рывкнула она в полном режиме пулемета.

Я остановился в нескольких футах от нее, наслаждаясь ее взглядом.

— Вот и все? Привет, как дела?

— Мне все равно, как ты себя чувствуешь. Меня волнует только то, что ты украл мою книгу.

— И я тебе верну, — ровно ответил я. — Если ты правильно разыграешь свои карты.

— С отсутствующей страницей. — Она вытащила из сумочки страницу, которую я отправил ей сегодня утром, и помахала ею перед моим лицом. Стараясь не рассмеяться, я достал что-то из собственного портфеля. Новый экземпляр «Искупления», который я купил, в котором отсутствовала страница.

— Оригинал в целости и сохранности.

Арья приложила руку к груди, заметно обмякнув.

— Хорошо. Я думала, что мне нужно убить тебя. Жизнь в тюрьме казалась крайне непривлекательной, но в то же время совершенно необходимой в последние несколько часов. Хотя я хотела бы подчеркнуть, что ты по-прежнему ужасный человек, разорвавший любую книгу по любой причине.

— Даже если эта причина заключалась в том, чтобы вызвать у тебя реакцию?

— Особенно так.

— Я скучал по вам, мисс Рот.

— О, попридержи это, Миллер.

Мы вошли в планетарий. Она не спросила, почему я заставил ее встретиться со мной здесь. Она не должна была. Это было ясно с того момента, как мы вошли на выставку «Природа цвета».

— Знаешь, известно, что животные используют цвет для маскировки, — заметил я. Мы прошли мимо абсолютно белой стены, наши тени отражаясь от него всеми цветами радуги. Вокруг нас дети танцевали в собственных тенях, а их родители смотрели на плоский экран, объясняющий выставку.

— Они также используют его для привлечения партнеров. — Арья прижала куртку к груди. — Твоя точка зрения?

Мы остановились перед видеозаписью ярко-белого цветка, раскрывающегося ночью, и уставились на него.

— Все не всегда так, как кажется.

— Почему у меня такое чувство, что ты хочешь мне что-то сказать, но никогда этого не говоришь? — Она повернулась, чтобы поднять голову.

Потому что это так.

Потому что хочу.

Потому что, если это я сбежал, почему ты даже не можешь узнать меня, когда я стою меньше чем в футе от тебя?

Но я лишь улыбнулся, протягивая ей вторую записку. Я написал их заранее, что, надо сказать, было не в моем характере. Моя основная форма соблазнения до сих пор, в те редкие моменты, когда я шел на какие-то минимальные меры, чтобы преследовать кого-то, заключалась в том, чтобы угостить их ужином. Она разгладила ее на ладони, бросив на меня хмурый взгляд.

Шаг 2: Познакомь меня со своей любимой уличной едой.

Ее глаза встретились с моими, полные внезапной доброжелательности, на которую я сомневался, что она действительно способна. Принцесса с сумочкой Шанель и стрижкой в 500 долларов, которая никогда в жизни не знала голода и отчаяния.

— Что случилось с тем, что мы с тобой не можем встречаться друг с другом? Мне кажется, что это всего лишь несколько поцелуев, не хватающих ложки и не позволяющих усыновить французского бульдога по кличке Аргус.

— Во-первых, я бы никогда не взял собаку. Прочитируй меня по этому поводу. Если бы я хотел, чтобы кто-то испортил мою квартиру, я бы нанял твоего дизайнера интерьеров. Без обид.

— Не обижаюсь. Мне наплевать на то, что ты думаешь о моей квартире.

На самом деле, это было больше похоже на половину дерьма, но, очевидно, я не хотел обидеть.

— Во-вторых, я прежде всего джентльмен. В-третьих, единственное, что хоть немного романтично в сегодняшнем вечере, это тот факт, что в конце мы оба перепихнемся.

Арья покачала головой, но, по крайней мере, у нее хватило честности не возразить мне. Мы оба знали, к чему все идет. Как мы запутались в этой паутине желаний.

***

А потом мы оказались на лестнице Нью-Йоркской публичной библиотеки и ели вафли с шоколадной помадкой, нутеллой и печеньем.

Наверное, мы выглядели идеально. Изображение учебника городской даты. Два лихих тридцатилетних делят десерт у ног одного из лучших заведений Америки. Приукрашенная ложь.

— Как ты до сих пор не умерла от сердечного приступа? — спросил я после трех укусов. Я не употреблял ничего, даже отдаленно напоминающего закупорку артерий, с тех пор, как мне исполнилось тридцать, и я понял, что для того, чтобы сохранить свою нынешнюю форму, мне нужно начать следить за тем, что я ем.

Арья постучала пластиковой вилкой по нижней губе, делая вид, что обдумывает это.

— Принятие желаемого за действительное, мистер Миллер?

— Мы можем перестать притворяться, что ненавидим друг друга. Все факты говорят об обратном.

— Никогда особо не увлекалась диетическими причудами. Когда я хочу что-нибудь съесть — я ем. — Она пожала плечами. — Может быть, я безрассудна.

Я фыркнул.

— Безрассудная женщина позвонила бы мне через минуту после того, как узнала, что ее книга пропала. Кстати, когда ты это поняла?

— Примерно через полсекунды после того, как я открыла глаза. — Она облизала губы. — Дай или возьми.

— Почему «Искупление»? — спросил я снова. — Из всех книг на свете ты выбрала эту. Почему не Остин? Или Хемингуэй? Вульф, или Фицджеральд, или даже Стейнбек?

— Чувство вины. — Она сжала губы, щурясь на темноту перед собой. — «Искупление» связано с чувством вины. Маленький акт легкомыслия, совершенный ребенком, и то, как он сбил с рельсов столько жизней. Наверное... Я имею в виду, я полагаю... — Она снова нахмурилась, между ее бровями образовались две острые линии. — Я не знаю. Думаю, чем больше я выросла, тем больше эта книга росла вместе со мной. Каждый раз, когда я читала ее, я находила еще один слой, к которому я могла относиться.

— Это как-то связано с тем, кто сбежал? — осторожно спросил я. Я был слишком близок к истине. Я перестал узнавать себя рядом с ней.

Арья выпрямила спину, дернувшись от потрясшей ее мысли.

— Почему я здесь, Кристиан? — Она бросила вилку в недоеденную вафлю и повернулась ко мне. — Ты хотел переспать со мной, и ты это сделал. Ты ушел без записки, без смс, без звонка, но с одной вещью, которая, как ты ожидал, заставит меня приползти к тебе. В какую игру ты играешь? В один момент ты горячий, в другой холодный. Нежный, потом капризный. Я не знаю, враг ты мне или друг. Ты продолжаешь кататься между территориями. Я не могу тебя понять, и, если быть до конца честной, я достигла точки, когда тайна перевешивает очарование.

Я взял ее вафли и отнес обе наши тарелки на вынос в ближайший мусорный бак, где выбросил их, чтобы выиграть время. Вернувшись, я сел рядом с ней. Ее пальцы были сжаты в чашке чая на вынос.

— Я еще не закончил с тобой, — признался я. — Хотел бы, но нет.

— Ты ведешь себя как четырнадцатилетний.

Потому что я был в таком возрасте, когда ты меня бросила.

— В таком случае, как насчет того, чтобы начать все сначала? Суд завершится через несколько коротких недель. Если мы будем держать все в секрете, это может сработать. Тем временем мы можем наслаждаться друг другом, а затем разойдемся.

Арья обдумала это. Я продолжал улыбаться небрежно. У нее была вся власть. Она могла сказать «нет», повернуться ко мне спиной и пойти своей веселой дорогой. Но я никогда не перестану желать ее. Я сделал первый, второй и третий шаг. Я продолжал искать ее.

— Хорошо, — сказала она наконец. Это была моя реплика, чтобы вынуть мою последнюю записку. Я передал ей.

— Еще? — Ее брови подскочили к линии роста волос, но она все равно приняла это.

— Последняя, — сказал я, наблюдая за ее лицом, пока она разворачивала его.

Шаг 3: Займись со мной сексом в библиотеке.

На этот раз, когда она снова посмотрела на меня, в ее глазах не было веселья.

— Ты ненормальный?

— Это возможно, — признал я.

— Я имею в виду, давай начнем с очевидного — библиотека в настоящее время закрыта.

Сунув руку в карман бушлата, я достал ключ от одной из боковых дверей.

— Задача решена. Что еще?

Глаза Арьи вспыхнули.

— Как?

— Я знаю кое-кого, кто знает кого-то, кто может здесь работать, а может и не работать.

И я заплатил ему большие деньги, чтобы это произошло, — я воздержался от добавления.

— Ну, следующая причина, по которой это безумие, в том, что это незаконно.

— Если дерево падает в лесу, и никто не слышит его, издает ли оно звук?

— Ага. Это будет звучать как двойной скандал в таблоиде. — Она сверкнула на меня немилым взглядом. — Нас могут поймать.

— Не поймают. — Я встал. — Поверь мне. На кону у меня дело на двести миллионов долларов и партнерство. Я не собираюсь выбрасывать все это ради траха, как бы весело и грязно это ни было.

Но теперь, когда я сказал это вслух, вес глупости этого поступка давил на мою грудь. Это заставило Арию мгновенно оживиться. Она тоже вскочила на ноги. Возможно,

сама возможность того, что я испорчу свою карьеру, подбодрила ее.

— Звучит как вызов для меня.

Да. Возможно, нет. Определенно.

Мы ходили по зданию, пока я не нашел дверь, которую искал, повернул ключ в ее отверстие и толкнул ее. Внутри была крошечная тьма. Тепло библиотеки в сочетании с запахом старых страниц, потертой кожи и дуба обрушилось на нас обоих. Рука Арьи нашла мою. Я крепко сжал ее и повел в кабинет.

— Знаешь, я прожила в этом городе всю свою жизнь и ни разу не была в отделе редких книг, — услышал я за спиной слова Арьи. Я не мог показать его ей сегодня, так как для этого нам тоже нужен был ключ, но я вертелся на кончике языка, чтобы сказать ей, что я это сделаю. Что я возьму ее туда. Только я не мог взять ее туда. Быть замеченным с ней на публике среди бела дня было бы катастрофой. Поцелуй смерти для нашей карьеры, не говоря уже о ее почти несуществующих отношениях с семьей. Мы могли существовать только во тьме, два похитителя удовольствий.

В кабинете не было конца-краю. Все настольные лампы были выключены. В темноте она выглядела почти как заброшенная фабрика. Идеи, мечты и потенциал. Я потянул за руку Арию, чтобы она зашла внутрь, снова чувствуя себя четырнадцатилетним.

— Пожалуйста, не говори мне, что ты спрятал мою книгу где-то здесь. — Она оглядела комнату, обрамленную полками с книгами.

Я издал металлический смешок.

— Я не такой садист.

— Спорно. — Она подошла к одной из полок, проверяя книги. Я наблюдал за ней. Я всегда наблюдал за ней. Ее волосы — единственное неприрученное в ее внешности — обвились вокруг ее лица, как у ангела. Я задавался вопросом, была бы она на вкус такой же сладкой, такой же греховной, такой же прекрасной, если бы я имел ее открыто. Если бы я мог выставлять ее напоказ. Брать ее на корпоративные мероприятия. Если бы ее живот раздулся вместе с моим ребенком внутри. Мне было интересно, проистекает ли моя одержимость ею из чистой мести или из чего-то большего. Чувство права, собственности, после всего, через что она заставила меня пройти

— Кристиан? — спросила она, и я понял, что в своем ступоре я не заметил, что она разговаривает со мной. Я слегка покачал головой. Меня всегда сбивало с толку, когда она меня так называла.

— Да?

— Ты слушал, что я говорила? — Она улыбнулась, прижимая к груди книгу, и направилась ко мне, с озорным блеском в глазах.

— Ни слова, — признался я. — Я был озабочен.

— Чем?

— Представляю свои руки на твоей заднице, когда я беру тебя сзади прямо на этом столе.

Она подошла ко мне, лениво поглаживая одной рукой длинный деревянный стол рядом с собой. Подойдя ко мне, она протянула мне книгу.

— Открой ее наугад и прочитай мне абзац.

— Почему?

— Потому что я попросила.

— И это твой козырь? Потому что ты попросила?

Она посмотрела на меня пустым взглядом.

Я смеялся.

— Тогда ладно.

Впервые — у меня было такое чувство, что она на меня напала. Что она знала, кто я. Потому что четырнадцатилетняя Арья чертовски хорошо знала, что четырнадцатилетний Николай сделает все, что в его силах, по ее приказу. Я взял книгу, листая страницы, не сводя с нее глаз. Очень хорошо. Мы собирались так играть. Я остановился на случайной странице, мои глаза скользили по торчащему передо мной тексту. Я прочитал это вслух. Речь шла о ядовитых женщинах.

Я перевернул книгу. Первая любовь Ивана Тургенева.

— Почему ты выбрала именно эту книгу? — Я спросил.

— Почему ты выбрал именно этот абзац? — пошутила она в ответ, не пропуская ни секунды.

— Я не знал.

— Я тоже. — Она улыбнулась. — Я просто хотела посмотреть, будешь ли ты играть в мои игры тоже.

Я отложил книгу в сторону, скользя к ней. Она сделала шаг назад.

— Кажется, я всегда ищу на рынке все, что ты, черт возьми, предлагаешь.

Она сделала еще шаг назад. Всего в нескольких футах от одного из столиков.

— Почему это, Кристиан? Ты не кажешься мне большим романтиком.

Я сделал шаг вперед.

— Нет

— Почему тогда? — Она отступила в последний раз, ударившись тыльной стороной ног о стол, и остановилась. Я усмехнулся, одним последним шагом съедая пространство между нами.

— Потому что, к сожалению, мисс Рот, никто другой не подойдет.

Прижав ее к столу, сжав руки по обе стороны ее бедер, я опустил голову к ней, мой рот прижался к ее теплым губам. Она открылась для меня, попробовав сахарную пудру, Нутеллу и мятный чай. Яд, разрушения и неизбежности. Она прижала одну руку к моей груди, другой обхватила мое плечо, царапая ногтями мои волосы. Я застонал в нашем поцелуе, думая, что она может оттащить меня, когда ее рука спустилась по моему животу до пуговицы моих брюк. Моей эрекцией было невозможно управлять, мой член стоял по стойке смирно между нами, ожидая признания.

Ее рука скользнула вниз, чтобы обхватить его через мои штаны. Я больше не мог целовать ее и одновременно концентрироваться, поэтому я склонил голову к ее шее, покрывая каждый ее дюйм ленивыми поцелуями. Мое тело свело в спазмах, чтобы увидеть, что она будет делать дальше.

Арья схватила меня за член — и за яйца — и дернула вперед, пока между нами не осталось места. Я чуть не кончил при ударе. А потом она исчезла, место, где только что была ее шея, стало холодным. Я посмотрел налево и направо, сбитый с толку. Я нашел ее на коленях передо мной, расстегивающей пуговицу и молнию.

Хорошо. Хорошо.

Я убрал ее растрепанные волосы с ее лица. Не ласково, сказал я себе, а так, чтобы получше рассмотреть ее губы, обернутые вокруг моего члена. Сказанный член вырвался как раз в тот момент, когда я успел наклониться вперед, зажег одну из ламп на столе за ее

спиной.

Арья не смотрела на меня застенчиво или даже соблазнительно, как это делают женщины за секунду до того, как взять твой член в рот. Она схватила меня, затем тщательно лизнула мой член, от основания до кончика, прокатывая язык вокруг макушки для верности. Я издал низкое шипение, отводя взгляд. Это было слишком. Вид ее доставляет мне удовольствие.

Словно прочитав мои мысли, Арья выбрала этот момент, чтобы попытаться взять большую часть меня. Она взяла в руку ту часть, до которой не могла добраться, ближе к корню, и начала нагнетать. Я был готов отдать ей остаток своей жизни и все, что мне было дорого, включая Арсена и Риггса, если это будет означать, что она никогда не остановится.

— Арья. — Я запустил руку ей в волосы, лаская ее, не в силах удержаться от взгляда на нее. — Это так приятно.

Она не ответила, даже со стоном, и теперь я жаждал ее слов даже больше, чем мой член в ее рту. Кроме того, я был почти уверен, что кончу, как четырнадцатилетний, если она продолжит еще двадцать секунд, и я хотел уберечь себя от этой особой формы унижения. Имея это в виду, я воспользовался воротником ее платья, чтобы поднять ее на ноги, наполняя ее рот своим языком в грязном, горячем поцелуе.

— Мы такая развалина поезда. — Ее дыхание щекотало мой подбородок, мой язык, когда она блуждала по моему телу руками. Сжимая мою задницу. Прокатывает пальцами по моей спине, плечам, ключице. — Это плохо кончится.

Я схватил ее за талию, развернул и задрал платье. Опять же, в то время как Арья была всем «Сексом в большом городе», ее нижнее белье определенно было девственницей Джейн.

— Опять белье для беременных? — Я потянул их в сторону, даже не удосужившись сдвинуть их вниз. Жизнь была слишком коротка и так далее.

— Я хочу, чтобы ты знал, что это стопроцентный хлопок и очень хорошо подходит для моего рН-баланса.

Смех, который это вызвало во мне, заставил мои кости затрещать.

— Арья, ты прекрасна.

— И ты без презерватива. Сделай это.

Я послушно надел один, пока она ждала меня в идеальной позе, барабаня ногтями по столу.

С этими словами я вошел в нее, боковые резинки ее трусиков прижались к моему члену. Вот так я хочу умереть.

Одного взгляда на спину Арьи, когда она схватила меня сзади, было достаточно, чтобы убить меня. Тем не менее, я вырвался, затем снова вошел в нее. Это было хорошо и глубоко, но мне удалось продержаться дольше, чем в прошлый раз. Потому что у меня не было лица Арьи прямо передо мной, напоминающего мне, с кем я это делаю. Я обвил рукой ее талию и играл с ее клитором, облизывая раковину ее уха. Она издала маленькие стоны удовольствия, которые заставили меня забыть свои имена. Предыдущие и нынешние.

— Я собираюсь кончить. — Она втянула воздух. У меня не было времени осыпать ее словами ободрения. Она вздрогнула, сжимаясь вокруг меня, и издала шипение, каждый мускул в ее теле сжимался против меня. Я входил быстрее, сильнее, ища собственного освобождения. Через несколько секунд я нашел его и остался глубоко внутри нее, наслаждаясь каждым мгновением до того, как оно исчезло.

— Ну, это определенно то, что доктор прописал. — Арья выпрямилась, поправляя

трусички и опуская платье. — А теперь, Кристиан, пора отдать мне мою книгу. — Она снова нарисовала губы перед маленьким зеркалом, снова вся в делах. Я выбросил презерватив и засунул свой член обратно в штаны, все еще оставаясь на полу. Возможно, так всегда и будет продолжаться между мной и Арьей, пока не закончится суд.

— Абсолютно. Как насчет того, чтобы забрать ее завтра вечером? Я не могу обещать тебе вафли — мне еще нужно надеть костюмы, — но я могу приготовить свою знаменитую куриную грудку и киноа. Может быть, даже бокал вина, если ты будешь вежлив.

Я ожидал от нее насилия, не меньше. В конце концов, я все еще держал ее книгу в заложниках. Но вместо того, чтобы называть меня так, как я того заслуживаю, — мошенником, лжецом и ебарем, — она просто улыбнулась.

— Знаешь что? Ты можешь оставить ее, пока мы развлекаем друг друга. Что такое еще несколько недель в великой схеме вещей? Пока у нас есть определенные правила.

— Выложи их для меня. — Я разгладил куртку, прислонившись к противоположному от нее столу. Она бросила зеркальце и помаду обратно в сумку.

— Во-первых, не выходить вместе на публику. Слишком рискованно. Во-вторых, не встречаться с семьями, друзьями и коллегами друг друга, все должно быть полностью раздельно.

— Согласен. Номер три — никаких слов на букву «Л» Ни одно из них, — добавил я.

— Их два?

— Нравится (like с англ.) — это тоже слово.

Она кивнула, выражение ее лица было само собой разумеющимся.

— И номер четыре — если один из нас встретит кого-то другого, другой отступит в сторону, не чувствуя вины и не пытаясь убедить другого передумать. В конце концов, это должно быть временно.

Я чувствовал, что хочу ударить кого-нибудь, предпочтительно безликую задницу, которая собиралась украсть мои драгоценные моменты с ней. Тем не менее, я уступил.

— Справедливо. Что-нибудь еще?

— Да, на самом деле. — Арья откашлялась. — В тот день, когда суд закончится, закончатся и наши отношения. У нас не будет официального разговора о расставании. Это грязно и совершенно не нужно. Я просто буду ожидать, что моя драгоценная бумажная копия «Искупления» вернется в почтовый ящик, тщательно завернутая, целая и невредимая.

Она протянула мне руку. Мы пожали ее. Это дало мне по крайней мере еще две недели Арьи.

И это было все, что мне было нужно.

ГЛАВА 24

Арья

Настоящее время.

Через три дня я встретила маму в книжном магазине, когда покупала новый экземпляр «Искупления». Она влетела внутрь, неся с собой запах дорогого лака для волос из только что полученного ею фена.

Беатрис Рот дважды поцеловала меня в каждую щеку, как будто мы были знакомы в бридж-клубе, и обнюхала маленький книжный магазин, как будто кто-то забыл здесь оставленный без присмотра мешок с мусором.

— Как странно. Я даже не знала, что в этой части города есть такое место. Арендная

плата должна быть астрономической.

— Ты знаешь, ты можешь пожертвовать на их аренду онлайн. Я пришлю тебе ссылку. У меня есть для этого прямой залог.

— О, милая. Твое чувство вины перед трастовым фондом восхитительно. — Она осмелилась взъерошить мне волосы, как будто мы были близки или что-то в этом роде.

Воссоединение с моей матерью после многих лет радиомолчания — это определенно не все, что обещали мне фильмы Hallmark.

Я ходила по узким дорожкам, заставленным полками, размахивая корзиной для покупок. Я могла бы добавить еще три или четыре книги. В свою защиту, я много работала за свои деньги. Вдобавок ко всему, я также становилась немного беспокойной. Я была в квартире Кристиана два дня назад. Это было именно то, что я ожидала увидеть — современно, великолепно и клинически холодно — и я пыталась найти свой экземпляр «Искупления», но нигде не могла его найти. И было не так уж и много укрытий на выбор. Место было почти пустым. Я заметила сейф в его гардеробной, но Кристиан, который все еще лежал в постели, небрежно прикрытый бельем, издал низкий смешок, когда увидел, как я глажу замок сейфа, глядя на цифры.

— Его там нет, Ари. Я никогда не был бы таким предсказуемым.

— Как дела у Конрада? — спросила я у мамы, которая шла позади меня, пытаюсь убедить себя, что ответ меня не особенно волнует. Но это было так. Меня это очень волновало. Мне было стыдно и досадно, что я не могу ненавидеть его до конца. Что он собирается потерять большую часть своего состояния на судебные издержки и компенсации.

— Я не знаю. Он держится особняком, а я остаюсь в своем углу пентхауса. Честно говоря, я начинаю немного беспокоиться о том, что произойдет в тот день. — Мама вытащила книгу с полки, поняла, что она немного запылилась, а затем засунула ее обратно, ее лицо было наполнено ужасом и отвращением.

— Почему? Он кажется тебе психически неуравновешенным? — Я наклонила голову, изучая ее.

Она вытерла руки, недоверчиво глядя на меня.

— Что? Нет. Я говорю о финансовом положении, в котором он меня оставит. — Она вздрогнула от этой мысли. — Возможно, мне придется продать пентхаус.

— Хорошо. — Я сунула в корзину еще одну книгу. Новый, автор-дебютант. Просто обложка понравилась. Это также выглядело как романтика, которая разорвала бы мое сердце в клочья и бросила бы остальную часть меня в блендер. — Пентхаус был слишком большим для трех человек. Не говоря уже об одном.

— А как же Аарон? — возмущенно спросила моя мать. — Я живу так близко к кладбищу.

— Он, естественно, останется у себя. — Я направилась к регистратуре. Я знала, что иронизирую, но ничего не могла с собой поделать. Самовнушение, от которого страдала эта женщина, сводило меня с ума. Когда мы встречались в прошлый раз, она сказала мне, что жизнь слишком коротка. Теперь она ныла о возможности понижения рейтинга одного из самых дорогих мест на континенте.

— Слушай, я могу тебе чем-нибудь помочь? — Я вздохнула, решив не превращать это в спор, и вручила хозяйке книжного магазина, милой даме с седой гривой, свою корзину.

— Да, на самом деле. Я подумала, может, ты могла бы поговорить со своим отцом...

— Нет, — сказала я ровно. — Извини, но я не буду этого делать.

— Почему нет?

— Потому что он жестокий, ужасный человек, который не заслуживает моей помощи или моего внимания, и потому что он лгал мне всю мою жизнь. — Назову несколько причин. Судебное дело также заставило старые горькие чувства всплыть на поверхность. О том, как я простила его за то, что он сделал с Ники, хотя не должна была этого делать.

Я расплатилась кредитной картой, затем бросила пятидолларовую купюру в банку для чаевых, и женщина вернула мне мои книги в соломенном мешочке. Мы с мамой вышли из магазина.

— Ты знаешь, какой у тебя отец. Ужасно нестабильный.

— Он также довольно долго оскорблял тебя эмоционально. Зачем тебе просить его об одолжении? — Я направилась в кофейню возле моего дома. Мама плелась рядом со мной.

— Почему, потому что я не могу позволить себе собственную квартиру, не так ли? Даже если я разведусь с ним, что вряд ли есть смысл делать в данный момент, нам придется делить все пятьдесят на пятьдесят. Знаешь, его финансовый инспектор сказал мне, что я, скорее всего, останусь с ... — она резко вдохнула воздух, — менее чем с двумя миллионами долларов. Ты можешь в это поверить?

— Вообще-то могу. — Я толкнула дверь в кофейню. — Последние несколько десятилетий он нападал на невинных женщин, думая, что он пуленепробиваемый. Пролитые деньги кажутся подходящим наказанием за то, что он сделал.

— Я не нападала на них! — Мать ударила себя кулаком в грудь. — Почему я должна жить ниже своих прежних средств?

— Верно, — согласилась я. — Но ты вышла замуж за человека, которому нельзя было доверить ни деньги, ни камеру в телефоне. Теперь ты можешь арендовать какое-нибудь хорошее место, когда все это закончится, или, еще лучше, купить что-нибудь в пределах твоего ценового диапазона, над которым все еще не стоит смеяться, и найти себе работу.

— Работу? — Глаза моей матери расширились. Она выглядела так, будто я только что предложила ей стать проституткой. Я сделала заказ для нас обоих. Мятный чай для нее, американо со льдом для меня. На этот раз я заплатила.

— Да, мама. Я не знала, что сам по себе акт работы был настолько возмутительным.

— Конечно нет, — фыркнула мама, никого в комнате не убедив своей фальшивой искренностью. — Но никто не собирается брать меня на работу. У меня нет опыта, о котором можно было бы говорить. Я вышла замуж за твоего отца в двадцать два года, только закончив колледж. Единственное, что было в моем резюме, это лето перед колледжем. Я работала в баре Hooters. Думаешь, они примут меня обратно тридцать шесть лет спустя? — Она выгнула бровь.

Я протянула ей чай, взяла свой кофе и вернулась к солнцу. Весна ворвалась в город, неся с собой цветение сакуры, солнечные лучи и сезонную аллергию. С каждым днем суд подходил к концу, а вместе с ним и мое прощание с Кристианом.

— Ты была главой обеденного комитета в местном загородном клубе, не так ли? — спросила я, перепрыгивая через поводок французского бульдога.

— Да, но...

— И ты была директором благотворительного совета моей школы?

— Ну и что! Это не значит...

Я остановилась перед своей дверью. Я не собиралась ее приглашать. Главным образом потому, что мне нужно было собраться и встретиться с Кристианом через несколько часов в

бассейне. Потакание этому греховному делу быстро занимало большие куски моей жизни.

— Иди ко мне работать, — произнесла я, даже не понимая, что говорю. — У тебя хорошие организаторские способности, ты выглядишь презентабельно и умеешь убеждать людей вкладывать деньги в вещи. Это то, чем ты занималась всю свою жизнь. Приходи работать ко мне ассистентом по маркетингу.

— Арья. — Мать положила руку на сердце. — Ты не можешь быть серьезной. Я не могу работать с девяти до пяти в моем возрасте.

— Ты не можешь? — Спросила я. — Это хорошее использование слов. Потому что у меня сложилось впечатление, что вы оба можете и должны, учитывая финансовую ситуацию, в которую ты собираетесь попасть.

— Я не такая, как другие люди.

— Разве не так мы все думаем? — спросила я вслух. — Что мы разные? Особенности? Рождены для больших и ярких вещей? Может быть, мама, ты такая же, как я. Просто немного менее хорошо спланирована. И гораздо более склонна к неожиданностям.

Я вошла в свой дом и захлопнула дверь перед ее носом.

***

Кристиан ждал меня у крытой плавательной арены спортзала, растянувшись на краю бассейна. Он был лениво ошеломляющим, как картина «Сотворение Адама». Каждый отдельный выступ его шести кубиков был выдающимся, а его бицепсы выпирали. Я заметила, что его верхняя часть тела все еще была сухой.

Он ждал меня.

Я бросила полотенце на одну из скамеек и подошла к нему. К тому времени, когда мы встретились, бассейн обычно был пуст. Это давало нам возможность уединиться. Безопасность в том, что никто нас не поймает. А даже если и поймают, что они могут сказать? Мы были просто двумя незнакомцами, плывущими по разным дорожкам, направлениям и течениям жизни.

— Прекрасно. — Он посмотрел вверх. На секунду я позволила себе представить, что мы настоящая пара. Все было нормально, знакомо, пропитано потенциалом. Но потом я вспомнила. Вспомнила, что он делал сегодня, прежде чем прийти сюда. Вспомнила, что это всего лишь шарада. Отвлечение. Средство для удовлетворения очень дикой потребности. Я нахлобучила шапочку для плавания на голову.

— Миллер. — Я нырнула головой вперед на соседнюю с ним дорожку. Через несколько мгновений я всплыла, подплыв к краю бассейна, к нему. — Как продвигается процесс?

— Быстро. — Он легко соскользнул в бассейн. Вода была теплой, идеальной, запах хлора и хлорки окружал нас. — Мы сделаем наши заключительные заявления где-то на следующей неделе. Ты ведь не собираешься приезжать?

Я покачала головой. Часть меня притворялась, что мой отец умер. В некотором смысле, он умер. Потому что его версия, которую я так любила, исчезла, или, может быть, ее никогда не было.

Кристиан окунул голову в воду и вынырнул с каплями воды, прилипшими к его густым ресницам.

— Хорошо.

— Мы будем соревноваться или как? — Я спросила. Мы сделали передний обход. Пятьдесят метров. Он всегда выигрывал. Но я всегда пыталась.

Обычно именно тогда Кристиан весело смотрел на меня. Но не сегодня. Сегодня он смотрел на меня с чувством вины. Но поскольку этот ублюдок совершенно ясно дал понять, что не раскаивается в том, что прибил гроб моего отца к земле, возможно, это было просто в моей голове.

— Ты хочешь снова соревноваться? — он спросил. — Когда ты собираешься остановиться?

— Когда я выиграю.

— Возможно, ты никогда не выиграешь.

— Тогда я, возможно, никогда не остановлюсь.

— Мне жаль мужчину, который на тебе женится.

— Я аплодирую многим женщинам после меня, которые бросят тебя.

Мы готовы. Я выкладывалась на полную, боролась усерднее, плыла быстрее, чем когда-либо раньше. Когда я завершила круг и достигла края бассейна, я оглянулась и увидела, что Кристиан все еще плетется в нескольких футах позади меня.

Впервые он позволил мне победить. Нарочно. Мне это не понравилось.

Не позволяй ему жалеть тебя.

Но как же он мог не знать, что меня ждет? Для моей семьи?

Внезапно я почувствовала себя очень глупо. Глупо, что переспала с этим человеком, который преследовал моего отца, даже если он этого заслуживал. Глупо за то, что поддалась после того, как поспорила с Кристианом, что меня не заманят в его постель.

Глупо, потому что он все еще был загадкой, тщательно окутанной хитрой улыбкой и щегольским костюмом.

Ударившись о стену, он стряхнул воду со своих волос. Его улыбка исчезла, как только он увидел то, что, должно быть, было хмурым на моем лице.

— Что? — он спросил.

— Ты позволил мне победить.

— Нет, я этого не делал.

— Да, ты сделал. — Мы звучали как дети.

— А если бы я это сделал? — усмехнулся он.

— Тогда остановись. Помни, что я тебе равна.

— Значит, я не могу быть добр к тебе?

— Хорошо, да. — Я вышла из бассейна, оставив его позади. — Обманчивым? Никогда.

ГЛАВА 25

Кристиан

Настоящее время.

Дни казались короче после того вечера в бассейне. Гораздо короче их двадцати четырех часов. На следующее утро после того, как я позволил Арье выиграть, судья Лопес вызвала меня и адвокатов Конрада, чтобы обсудить окончание свидетельских показаний. По моим оценкам, это означало, что у нас осталась примерно неделя, прежде чем все это дело завершится. Я был уверен, что присяжным потребуется не более пары дней, чтобы вынести вердикт.

В ту ночь Арья не могла меня видеть. У нее были планы на ужин с клиентом, и, во всяком случае, объяснила она, Джиллиан не знала всей полноты наших отношений. Или отсутствие. Меня это не должно было беспокоить. Что Арья скрывала это от Джиллиан. Я

имею в виду — разве не в этом был весь чертов смысл?

Но меня это задело. Конец приближался. И поймать Конрада было не так важно, как иметь возможность наслаждаться его дочерью.

На следующий вечер Арья не могла меня видеть. Снова. На этот раз из-за плохого самочувствия Джиллиан.

— Думаю, я приготовлю ей куриный суп с лапшой и посмотрю с ней повтор сериала «Друзья», — вздохнула Арья, общаясь ко мне по телефону. Я улыбнулся и взял трубку. Что еще я мог сделать? Я не имел права требовать ее времени, ее ресурсов, ее внимания. Мы договорились, что это будет непринужденно, а небрежность означала низкие или несуществующие ожидания.

На третий день — за четыре дня до окончания суда — Арья написала, что ее родители хотят ее видеть, и она не знает, как долго они будут встречаться, поэтому лучше не строить никаких совместных планов. В этот момент я был уверен, что она избегает меня. Я вышел из суда во время короткого перерыва, поймал такси до своей квартиры, распахнул шатающийся паркет под кроватью и достал ее книгу. Я сфотографировал его в руке и отправил ей.

Кристиан: Хватит, Арья. Увидимся сегодня вечером, и никто не пострадает.

Арья: Значит, ты не выше вымогательства.

Я не выше ничего, когда дело доходит до тебя.

Кристиан: У нас была сделка.

Арья: Я не помню, чтобы подписывала какие-либо документы.

Я вальсировал обратно к входной двери. Мне нужно было быть в суде через двадцать минут. На самом деле пришло время лично допросить одного из свидетелей Конрада. Сейчас было не время гоняться за юбками.

Кристиан: Что случилось?

Арья: Я просто не вижу смысла проводить с тобой каждый вечер недели, когда это все равно закончится через несколько дней.

Кристиан: Давай поговорим.

Я использовал время, которое потребовалось ей, чтобы ответить, чтобы вызвать Uber. На всякий случай я написал Клэр, чтобы придумать хорошее оправдание на случай, если я опоздаю. Судья Лопес был крутым игроком, даже если ему нравились мои движения в гольфе.

Арья: О чем?

О погоде. Что она думает?

Кристиан: Я приду к тебе сегодня в шесть вечера.

Арья: Нет. Джиллиан не может тебя видеть.

Опять этот бред. У меня не хватило духу сказать ей, что Риггс и Арсен были почти в курсе каждого оргазма, который мы разделили между простынями — или на моей кухне, в моем душе, в моем джакузи или в ее уголке для чтения — с тех пор, как мы начали встречаться. Я устал быть секретом, даже если я был тем самым придурком, который предложил это в первую очередь.

И по уважительной причине тоже.

Кристиан: Я так понимаю, ты не хочешь вернуть свою книгу.

Арья: Я подам на тебя в суд.

Кристиан: Я знаю хорошего адвоката.

Арья: В аду есть особое место для таких, как ты.

Кристиан: Слышал, юристы получают квартиры с видом на лаву. Будь милой, и я просто позволю тебе жить со мной в загробной жизни. Когда мне тебя ожидать?

Арья: Семь.

Кристиан: Не опаздывай.

***

Но, конечно, она опоздала.

Опоздала.

Арья прибыла в 7:23, на ее каменном лице не было ни следа сожаления или смущения. Подбивая ее, я должен был напомнить себе, что у нее есть все основания хотеть разорвать со мной отношения. Я был болезненным напоминанием обо всем, что она потеряла.

Она вошла, бросив сумку на черный кожаный диван, не обращая внимания на приготовленный мной ужин на двоих, который стоял в уголке для завтрака и остывал.

— Ты хотел поговорить? — Она не удосужилась сбросить свои Джимми Чу, что было подозрительно, так как это было первое, что сделала Арья, войдя в мою квартиру после долгого дня.

— Я приготовил ужин. — Я направился на кухню и взял два стакана мерло. Я протянул ей одно. Она колебалась, прежде чем взять его. Остаться надолго не входило в ее планы.

— Ты сделал это. — Ее взгляд скользнул по моему плечу. — Извини, что опоздала. У меня был звонок с клиентом в Калифорнии. Они не спешили вешать трубку.

— Не проблема. Холодный стейк всегда был моим любимым. Не могла бы ты отнести его на кухню?

Полагаю, это была моя версия поедания скромного пирога. Мне совсем не понравился его вкус. Я никогда в жизни не преследовал женщину и не собирался делать исключение для Арьи, но я не мог смириться с мыслью, что все закончится через четыре дня. Мне нужно было больше времени. Еще несколько месяцев незаконной связи никого не убьют. Кроме, возможно, оставшихся работающих клеток мозга. Когда я был с этой женщиной, я не мог трезво мыслить.

— Знаешь что? Я лучше сделаю это здесь, если ты не возражаешь. — Она уселась на подлокотник моего черного кожаного дивана, скрестив ноги и держа стакан на ножке. Я хотел задушить себя за то, что попал в эту ситуацию. Всего этого можно было бы избежать, если бы я сопротивлялся желанию встретиться с Аmandой Гиспен.

Или если бы я просто передал дело кому-то, у кого не было эрекции на Ротов.

Или, если бы я не поставил на Арья, доводя и без того дерзкую женщину до предела.

Или если бы я не соблазнил ее.

Или если бы она не соблазнила меня.

Или если бы я просто сказал ей правду. Что я, Николай Иванов, жив, (в основном) здоров и (возмутительно) одержим желанием залезть к ней в юбку-карандаш.

Но я не думал, что Николай заслужил такую девушку, как Арья, не говоря уже о той женщине, которой она стала.

— Мы уходим, — сказал я, резко вставая. Арья проследила за мной взглядом, немного сбита с толку. Теперь все вернулось ко мне. Подросток Арья. Маленькая, дерзкая и яростно независимая. Все, чего она когда-либо хотела, это быть замеченной. И я заставил ее пройти через ад. Сначала суд над ее отцом, который все еще не закончился, потом все эти игры.

Ставки. Правила. Она хотела выйти из этого с остатками своей гордости. Единственным шансом остановить ее было отказаться от собственного тщеславия.

— Куда? — Она наклонилась, чтобы поставить свой бокал на мой кофейный столик.

— Это сюрприз. — Я схватил куртку. Мне было ясно, куда я ее веду. Подойдет только одно место. Я написал Трауриг, пока мы спускались на лифте. У Траурига был лимузин и личный водитель, дежуривший круглосуточно. В эти дни его дочь-тинейджер и ее друзья-белиберы были главными пользователями этой непопулярной роскоши, но он был должен мне одну или шесть услуг.

Потом я вспомнил, что Трауриг был в отпуске на Гавайях. Я написал Клэр, которая очень усердно работала над тем, чтобы стать его любимым партнером, подрабатывая его личным помощником, когда он отсутствовал, и попросил лимузин. Клэр тут же ответила, что она уже в пути.

Запланирована веселая ночь? — добавила она, как раз перед тем, как я сунул телефон обратно в карман. — Могу ли я присоединиться?

Спасибо, мисс Лесавой.

Это не ответ на мой вопрос, ответила она. Хотя должен было бы.

Извини. Частный случай.

— Это займет много времени? — Арья надела собственную куртку, все еще выглядя как заложница под прицелом.

Я покачал головой.

— Я хочу показать тебе кое-что.

Когда подъехал черный лимузин, я открыл ей дверь.

— Немного устаревший, но обычно работает как шарм, — сказал я, вспоминая обещание Арьи, данное мне два десятилетия назад, что она пришлет мне лимузин на премьеру своего фильма, когда станет большой кинозвездой.

Она скользнула внутрь, повернулась и бросила на меня дикий взгляд, который говорил: "Попался". Неужели она наконец соединила точки?

— Что ты сказал? — медленно спросила она.

— Я сказал, что лимузины устарели. Почему? — Я многозначительно посмотрел на нее.

Давай. Скажи мне, что ты знаешь, кто я. Разорви вещи. Я готов.

Но Арья лишь прикусила нижнюю губу, задумавшись.

— Неважно.

Даррин, водитель Траурига, поймал мой взгляд в зеркало заднего вида.

— Мистер. Миллер. — Он мотнул головой в знак приветствия. — Приятно видеть вас снова. Куда?

— Как обычно, — скомандовал я, нажимая кнопку, поднимая экран конфиденциальности между нами, чтобы мы с Арьей могли поговорить.

Арья не спросила, где мое обычное место. Она просто смотрела в окно, скрестив руки на груди. Воздух в лимузине был душным и плотным. Я чувствовал надвигающуюся катастрофу, потерю, катаклизм.

— Это не обязательно должно закончиться через четыре дня, — сказал я наконец, чувствуя... как бы это сказать, что в моей груди бушует страшная буря? Беззащитным, наверное. Это было дерьмовое чувство. Я избегал его с тех пор, как закончил Академию Эндрю Декстера.

— И какой в этом смысл? — Голова Арьи наклонилась, когда она впервые посмотрела

на меня сегодня вечером. — Мы не сможем выйти на публику...

— Не обязательно, — процедил я, останавливая ее на полуслове. — Мы можем. В какой-то момент. Через год, может два. Сначала нам нужно дать утихнуть буре СМИ после суда. Но есть способы. Нет закона против того, чтобы у нас были отношения.

Арья криво рассмеялась.

— О, а потом что? Я приглашу тебя на ужин к моим родителям?

— Ты не близка со своими родителями, — заметил я.

— Мой отец, особенно...

— Он вне поля зрения. — Я снова прорезал ее слова, улыбка начала расползаться по моим губам. — Тебе наплевать, что он думает. И мне тоже.

Это было жутко похоже на то, как будто ты стоишь в суде, только без судьи, управляющего шоу. Я почти забыл, насколько убедительным я мог быть.

— Пожалуйста, продолжай; какие еще воображаемые препятствия нам предстоит преодолеть?

— Хорошо. — Арья фыркнула и в этот момент напомнила мне Беатрис. Прохладную и пренебрежительную. — Я ничего о тебе не знаю. Не совсем. Ты старался держать меня в неведении.

— Я меняю это прямо сейчас. Мы идем в мое секретное место. — Я случайно переплел свои пальцы между нами. Она позволила мне.

Ее хмурый взгляд растаял.

— Звучит как место, где вы прячете все тела.

— Нисколько. — Мой большой палец коснулся внутренней стороны ее ладони. — Это будет мое второе секретное место, и я никогда не отведу тебя туда, пока не разрежу тебя на куски.

Она застенчиво ухмыльнулась.

— Сколько жертв у тебя уже было?

— Ноль, — признал я, поняв, что мы больше не говорим о разрубленных телах. — Никто никогда не чувствовал себя достойным... — Спасать. — Убить.

— А сейчас? — она спросила.

— А теперь, — сказал я, глядя ей прямо в глаза, — теперь я не совсем уверен в своих чувствах.

Я сел, довольный. Через несколько минут мы прибыли в пункт назначения, и я сказал Даррину подождать.

— Закрой глаза, — попросил я Арию.

Она рассмеялась, качая головой.

— Пожалуйста, не беспокойся. Если это Нью-Йорк — я его уже видела. Элемента неожиданности не будет.

— Тогда порадуй меня. — Я улыбнулся, получив быстрое и чрезмерно оптимистичное представление о том, что может повлечь за собой жизнь с этой женщиной. Нахальство, упрямство, хребет. Она должна была стать моей смертью.

Арья скривила рот.

— Все в порядке.

Она закрыла глаза. Когда я убедился, что она не подглядывает, я выскользнул из лимузина и взял ее за руку. Она немного пошевелилась, пока я вел ее несколько коротких шагов к нашему конечному пункту назначения. Возможно, по фоновому шуму она могла

сказать, что мы все еще в Мидтауне.

— Открой их, — сказал я.

Арья моргнула, оглядываясь вокруг. Я шагнул рядом с ней.

— Это мое любимое место в Нью-Йорке, — сказал я. — Этот туннель со стеклянным водопадом. Это заставляет тебя чувствовать, что ты на самом деле находишься внутри водопада. Тихо. Мирно. И это прямо посреди Большого Яблока.

Вода струилась вокруг нас через стекло. Лицо Арьи ничего не выдавало. Она повернулась ко мне лицом.

— Когда ты начал сюда приходить?

— Как только я вернулся из Бостона в Нью-Йорк.

В моей жизни были только Арсен и Риггс. Арсен снял переоборудованную квартиру с тремя спальнями в Мидтауне и позволил мне жить бесплатно, пока я делал себе имя в офисе окружного прокурора. У меня не было денег на мое имя, и я несколько месяцев жил на остатки моих друзей. Но даже в самые тяжелые времена, когда я даже не мог позволить себе абонемент в спортзал, я приходил сюда.

— Ты любишь воду. — Арья с любопытством посмотрела на меня, словно откапывая что-то ценное, словно археолог стряхивает пыль с мумии. Интересно, узнает ли она меня наконец? — Кристиан?

— Да?

— Ты что-то скрываешь от меня?

— Я прячу от тебя твою книгу, — сказал я, не теряя ни секунды. Технически это не ложь, но и не вся правда.

— Я чувствую, что есть нечто большее. Ты бы сказал мне, если бы был...

Она не закончила фразу. Ни один из нас не говорил ни секунды. Арья первой сделала шаг вперед. Она прижала руку к моей груди.

— Я обожглась в прошлом. Не знаю, понимаешь ли ты, что ты мне предлагаешь, но моя уверенность в других людях — особенно в мужчинах — измельчается прямо сейчас. Мой родной брат, мой близнец, моя кровь, умер прежде, чем я смогла узнать его. Первый мальчик, которого я любила, сбежал, а потом умер. Человек, который должен был защищать меня, мой отец, лгал мне всю мою жизнь. Между ними были другие. Мужчины, мальчики, ребята. Это всегда заканчивалось на плохой ноте. Если я впусти тебя, ты должен пообещать, что не воспользуешься этим. Чтобы быть полностью честным и правдивым, как я намерена быть с тобой. Это единственный способ, который может сработать. Потому что через четыре дня мой мир перевернется, и мне понадобится стабильность. Уравновешенность.

Я умер? Это была чертова новость для меня. Только не совсем, потому что Конрад не побоялся бы сказать что-нибудь такое, что заставило бы его дочь перестать говорить обо мне.

Ах. Но это значит, что она говорила о тебе.

Я сжал ее руку своей, свободной рукой доставая что-то из кармана.

— Скрещу сердце и надеюсь умереть, — солгал я, чертовски хорошо понимая, что не выполняю свою часть сделки. Что я не был правдив. Я бы сказал ей, кто я. Но не сейчас. Не сейчас. Не сейчас. Когда я был так близок к тому, чтобы потерять ее. И я не мог ее потерять.

Потому что в глубине души я знал, что Ники все еще был там, боясь быть отвергнутым золотой девушкой, сидящей за пианино, с прямой спиной, как шомпол, и тайком улыбающейся ему, когда никто не смотрит.

Я оторвал ее руку от своей груди и что-то вложил в нее. Ключ от моей квартиры. Это было самое близкое, что она собиралась достать до моего сердца.

— Я буду держать тебя, когда ты упадешь.

Она улыбнулась, и мое сердце немного разбилось, потому что в тот момент я понял, что мне суждено потерять ее.

— Я верю тебе.

ГЛАВА 26

Арья

Настоящее время.

— Милая. — Джиллиан положила свою руку поверх моей в то утро на работе, когда я рассказала ей о том, что Кристиан дал мне ключ от своей квартиры и упомянула, что, кстати, я также спала с ним во время суда над моим отцом. Ну, вы знаете, это старая штука. — Я не знаю, как сказать это, чтобы не показаться оскорбительной и наглой, поэтому позволь мне на секунду стать обеими — по шкале от одного до десяти для сумасшествия, когда один — это совершенно нормально, а десять — это Кристофер Уокен в фильме, удостоенном награды, — ты сейчас сидишь на двенадцати. О чем ты думала? Этот человек собирается взорвать банковский счет твоего отца и увести за собой целую компанию хедж-фондов. — Она наклонилась вперед к моему столу, потянувшись, чтобы проверить мою температуру. Я была благодарна Уитли и Хейли, что их еще не было в офисе. Мы с Джиллиан были ранними пташками.

— Мой отец это предвидел. — Я быстро щелкнула ручкой в руке, отстраняясь от нее. — Он отправил фото члена стажеру и спрашивал свою бывшую секретаршу, отсосет ли она ему за сто тысяч. И уволил Аманду за то, что она не захотела с ним спать. Его банковский счет меня сейчас волнует меньше всего.

— Господи, папочка Конрад. Я не ожидала, так будет.

— Ага. Я тоже.

Джиллиан со вздохом соскользнула с моего стола и направилась к своему месту.

— Все, что я хочу сказать, это то, что у тебя было странное чувство, когда ты встретила этого парня, и твои инстинкты еще не подвели тебя. Я не защищаю действия твоего отца. Я воочию видела, как ты хотела содрать кожу с собственной плоти, когда узнала о его проступках. Я просто не уверена, что начинать отношения с человеком, привлекающим Конрада к ответственности, рекомендуется. Или желательно. Или, знаешь, в здравом уме.

Правда заключалась в том, что я тоже не была уверена. Но Кристиан заставил меня почувствовать то, что не удавалось ни одному другому мужчине за многие годы, так что попробовать стоило. Я годами отказывалась сблизиться с мужчинами.

Может быть, пришло время довериться кому-то.

***

Я лежала на могиле Аарона, когда вынесли окончательный приговор. Свернувшись калачиком, как креветка на холодном камне, мои волосы рассыпались, как корни плакучей ивы, поперек надгробной плиты. За несколько минут до того, как пришло сообщение, я лениво гадала, каким был бы Аарон, если бы он был все еще жив.

Я знала, что унаследовал характер моей матери — молчаливый, равнодушный, с чопорным видом — но также и ненасытную жажду жизни моего отца. Потребность вонзить зубы во вселенную, словно это был сочный кусок граната, малиновые бусинки стекают по

подбородку.

Был бы Аарон больше мечтателем или реалистом? Унаследовал бы он прекрасные светлые волосы матери или темную гриву моего отца? Были бы у нас когда-нибудь двойные свидания? Делились секретными рукопожатиями? Или горько-сладкие воспоминания об исцарапанных коленях, тающем мороженом и колесах телеги под палящим летним солнцем...

Была бы моя мать другой? Счастливее? Больше присутствовала бы в моей жизни? Смогла бы она противостоять моему отцу?

А Ники, он все еще был бы здесь? В конце концов, Аарон был бы таким братом-защитником, который никогда бы не позволил мне уговорить Ники поцеловать меня. Руслана тоже была бы здесь?

Звонок в кармане вырвал меня из размышлений.

Папа: Мы проиграли. Я потерял двести миллионов долларов. Твой парень выглядит счастливым. Я полагаю, что теперь, когда все кончено, он сможет купить тебе все прелести, какие только пожелает твое сердце. Ты всегда была разочарованием, Арья. Но я никогда не думал, что ты также предатель.

Крик застрял в моем горле. Я проглотила его, набирая номер отца. Он отправил меня прямо на голосовую почту. Я снова позвонила ему. Он заслужил часть моего разума. Третий раз. Потом четвертый. Опять ничего. Я убрала телефон от уха, нахмурившись.

Разочарование. Предатель.

Как мой отец узнал обо мне и Кристиане? Дрожащими пальцами я ввела свое имя и имя Кристиана в поисковую строку телефона. Я полагала, что Кристиан публично не заявлял о наших отношениях в суде, а это означало, что все, что было известно о нас, было общеизвестно. Конечно же, первый результат в строке поиска привел меня на местный новостной сайт, освещающий ночную жизнь Манхэттена, где была показана фотография, где мы с Кристианом стоим под туннелем водопада, моя рука прижата к его груди.

Безжалостное предательство: как Арья Рот восстала против своего отца... и влюбилась в своего врага.

Автор: Синди Харрис-Стоун

Похоже, что избалованная светская львица, консультант по связям с общественностью Арья Рот, 32 года, дочь пристыженного магната хедж-фонда Конрада Рота, 66 лет, который в настоящее время находится под судом за сексуальные домогательства, хорошо спит ночью перед надвигающимся судным днем ее отца. Красавица была замечена в объятиях ни с кем иным, как с востребованным холостяком и ведущим судебным исполнителем 32-летним Кристианом Миллером, который также представляет интересы обвинителей ее отца. Во вторник пара была замечена обнимающейся на Манхэттене.

Обнимающейся.

Слово представляло собой большой толстый красный знак.

Тот самый, который Кристиан использовал для описания того, что мы не должны делать. Я не слышала этого слова много веков, пока он его не произнес, а теперь оно было здесь, на странице. Само по себе это не было весомым доказательством. Но в сочетании с тем фактом, что у него определенно был мотив и интерес в утечке этого предмета, это заставило мою кровь похолодеть.

Он предупредил их. Он должен был. В ту ночь, когда я доверилась его ногам, он пошел вперед и растоптал все это.

На моем экране вспыхнуло имя Джиллиан. Я отправила ее на голосовую почту, вместо этого позвонив Кристиану. Я не знала, в какой именно момент я встала и начала двигаться, но я это сделала. Я нашла выход из кладбища в тумане. Я дозвонилась до голосовой почты Кристиана. Я позвонила снова. Затем снова. После шестого раза — я бродила по улицам Парк-авеню без направления и плана — я позвонила на стационарный телефон его офиса, моя шея и щеки горели от ярости и унижения. Никто никогда не причинял мне столько зла. Так злобно.

— Алло? — Веселый голос вторгся в мое ухо. Я узнала, что он принадлежал Клэр помощнице, которая работала с Кристианом над делом моего отца. Хотя она была последним человеком, с которым я хотела бы поговорить, я не могла быть разборчивой.

— Привет, Клэр. Я ищу Кристиана. Я хотела спросить, не могла бы ты его соединить?

На заднем плане я слышала аплодисменты, болтовню и звук открывающейся бутылки шампанского. Офис, без сомнения, праздновал огромный успех дела Кристиана и Клэр. Прилив ненависти к себе наполнил меня. Как я могла быть такой глупой?

— Скажите, пожалуйста, кто звонит? — Клэр промурлыкала. Я практически могла представить ее кошачью улыбку. Я остановилась, впиваясь пальцами в глазницы.

— Арья. Арья Рот.

Была пауза. Я слышала, как Кристиан смеется вдалеке. Люди по очереди поздравляли его. Крик, застрявший у меня в горле, прокатился на дюйм вверх, ко рту.

— Простите, мисс Рот. — Голос Клэр стал холодным. — Он сейчас недоступен. Могу я предложить вам записаться на прием, чтобы поговорить с ним? Вы можете позвонить его секретарю. Тот же номер, но ее внутренний номер семь-один-три.

— Послушайте, я...

Она повесила трубку.

Я уставилась на свой телефон. Впервые я действительно почувствовала себя не в своей тарелке. Я не могла предвидеть свой следующий шаг или поверить в то, что не сделаю того, о чем потом пожалею. Переполненная гневом, я выхватила ключ от квартиры, который дал мне Кристиан, незадолго до того, как снова залезть в штаны, и вызвал "Убер".

Зачем он вообще дал мне ключ? О, но ответ был ясен — насмеяться надо мной. Чтобы заставить меня искать мою книгу. Смотреть, как я потею. Я всегда была для него игрой.

Ну, что ж, угадайте что, я собираюсь получить книгу, которую он украл у меня. Даже если мне придется разнести в клочья всю его квартиру в стиле "преппи". Я не уйду без нее. И его единственным шансом вырвать книгу из моих рук было бы то, если бы мне пришлось ударить его ею по дороге к выходу.

Всю дорогу до дома Кристиана я читала заголовки на телефоне.

Дик Ход: Как Конрад Рот потерял все из-за этой картинки.

Суд обязал магната с Уолл-стрит выплатить 200 миллионов долларов!

Рот в аду, Конрад!

У средств массовой информации был полевой день. Сначала я просматривала каждую статью, чтобы увидеть, не упоминается ли мое имя в какой-либо из них. Как только я поняла, что меня упоминают практически во всех из них, я перестала проверять. Эксперт по медиа-менеджменту. Ха! Кристиан только что выдал мне мою задницу в этом отделе, и он проделал блестящую работу, изобразив меня идиоткой. Джиллиан продолжала звонить и писать сообщения, как и моя мать, чьи худшие страхи оправдались — теперь она была без денег и без пентхауса. После такого публичного унижения я, надо надеяться, тоже недавно

стала одинокой.

Убер остановился перед домом Кристиана. Я выскочила, быстро миновав секретаршу и швейцара, как будто это была моя естественная среда обитания, и направилась к квартире. Я отперла дверь и вошла. Его запах немедленно просочился в мой организм, укоренившись.

Бритое дерево, тонкая кожа и мужчина. Только он больше не приносил мне удовольствия. Теперь я хотела очистить его из своего организма.

Если бы я была красивым, очень умным социопатом, где бы я спрятала книгу?

Сначала я попробовала кухонные ящики, выдвинув их один за другим, вываливая их содержимое на пол. Посуда вылетела, расплескавшись по дорожному паркету. Затем я перешла к шкапам, опустошив и их, затем сорвала диванные подушки с их основания и расстегнула футляры, чтобы посмотреть, не находится ли книга внутри одного из них.

Перейдя к стильной, тщательно организованной кладовой, я провела руками по полкам. Приправы, протеиновый порошок и специи скатывались на пол. Я перевернула мебель вверх дном, опустошила шкафы со всеми рабочими файлами, которые он хранил дома, и — отлично, это был бонус — разбила хрупкий фарфор, который необязательно было разбивать. Когда я была полностью уверена, что книгу нельзя найти в гостиной, я перебралась в его спальню. Я начала с того, что порвала некоторые из его дизайнерских костюмов не потому, что думала, что найду в них «Искушение», а потому, что считала этот поступок очень терапевтическим. После этого я сняла с его кровати простыни, которые все еще пахли нами, и заглянула в ящики тумбочки и даже под кровать.

Я повернула свое тело обратно, собираясь пройти в его ванную комнату, когда что-то заставило меня снова оглянуться. Я нахмурилась, когда заметила шишку на его паркете. Слегка неровная напольная плитка, странно неуместная. Это казалось совершенно нехарактерным для Кристиана, который жил и дышал совершенством.

Бинго.

Я просунула руку под его кровать, используя ногти, чтобы открыть плитку. Мой лак для ногтей откололся, но чем больше я отдаляла плитку от соседей, тем больше понимала, что попала на что-то.

С щелчком и лязгом, сопровождаемым прерывистым вздохом, вырвавшимся из моего рта, секретное место Кристиана было раскрыто. Я похлопала по пространству под плиткой, не в силах заглянуть туда под своим углом. Мое сердце сжалось от разочарования, когда я нащупала манильский конверт. Тем не менее, я вытащила его, на случай, если под ним скрывается что-то еще. Так и оказалось. Я чувствовала это. Восхитительная, упругая толщина твердой обложки. Я вытащила ее, чувствуя детское облегчение, даже после всего, что произошло сегодня, потому что я наконец-то нашла это.

Схватив его, я откатиласт от кровати и прижала его к груди, прежде чем открыть книгу посередине и от души понюхать.

Брайони. Робби. Сесилия. Павел. Мои старые добрые друзья.

Мне потребовалось несколько минут, чтобы унять сердцебиение. После чего я оглянулась на манильский конверт, который лежал в нескольких футах от меня и с любопытством смотрел на меня. Я получила то, за чем пришла сюда. Это было правдой. Но во мне все еще жила потребность, семя отчаяния, которое расцвело в месть, требуя получить свой фунт плоти. Вернуть то, что принадлежало мне по закону, было недостаточно. У Кристиана был рычаг давления на меня с момента нашей встречи. Он всегда что-то подбрасывал мне на голову. Суд над моим отцом. Книга. Тайна, которой был он сам. Обычно

я бы никогда не предала человека таким образом. Обычно. Но в моих отношениях с Кристианом не было ничего нормального.

Я осторожно потянулась за конвертом из плотной бумаги и потащила его по нетронутому полу к себе. Я села, опершись спиной на его тумбочку, и вытащила из нее толстую стопку бумаг.

В Верховном суде округа Миддлсекс

Штат Массачусетс

Гражданский иск

По поводу смены имени: Николай Руслан Иванов

Номер дела: 190482873983

ХОДАТАЙСТВО ОБ ИЗМЕНЕНИИ ИМЯ ВЗРОСЛОГО

Заявитель с уважением предлагает этому суду изменить свое имя с Николая Руслана Иванова на Кристиана Джорджа Миллера.

Из моего рта вырвался крик. Ничто не могло подготовить меня к боли, которую я испытала в тот момент. Как будто кто-то потянулся к моей груди, сломав при этом грудную клетку, и вырвал когтями мое сердце, безжалостно скручивая его в кулаке.

Кристиан был Николаем.

Николай был Кристианом.

Ники не умер. Он был здесь все это время. Без сомнения, скрывается в тених, планируя грандиозную месть за то, что сделала с ним моя семья. Судебный процесс. Предложение. Завоевание. Девушка, превратившаяся в женщину, превратившаяся в инструмент.

Я.

Соединяю рваные кусочки. То, как он говорил о моем отце... голод, с которым он боролся за дело...

В тот первый раз, когда я встретила его у лифта, у меня было такое странное чувство. Воздух был пропитан гораздо большим количеством чувств, чем любые два незнакомца могли когда-либо вызвать друг в друге.

Странная мысль в моем животе, что я всегда знала его, что он каким-то образом выгравирован на моей коже, не была ложной тревогой. Он знал, кто я такая, и скрывал от меня свою личность.

Человек, которому я доверилась, разбил мне сердце. Дважды.

И в процессе ему также удалось лишиться мою семью всего, чем она владела, солгать миру о том, кто он такой, и выбросить нас как предмет.

Миддлсекс, Массачусетс. Кристиан сменил имя во время учебы в Гарвардском университете или прямо перед этим. Он планировал это все время? Стать адвокатом, чтобы он мог убить моего отца и меня вместе с ним? Он сам искал Аманду?

Мне было слишком любопытно, чтобы развалиться. У меня будет время для этого позже, когда я покину квартиру этого человека. Вместо этого я продолжила рыться в папках в манильском конверте. Все документы на смену имени с Николая на Кристиана, его старый и действующий паспорта, свидетельство о смерти Русланы Ивановой.

Руслана умерла.

Это было новостью для меня. Опять же, все в этой ситуации было новостью. Теперь все это имело смысл. Почему Кристиан слил информацию о наших отношениях в прессу, да еще и вовремя. Сразу после суда над моим отцом. Он одним выстрелом убил двух зайцев — или

Ротов. Он просто не учел одного — что я узнаю его секрет.

Я сфотографировала документы о перемене имени на телефон, убедившись, что они четкие и в фокусе. Затем я схватила книгу и выбежала из его квартиры.

Моей рефлекторной реакцией было отнести его отцу. Показать ему улики против Кристиана и начать работу над апелляцией, теперь, когда стало ясно, что Кристиан никогда не должен был работать над этим делом. Он слишком хорошо знал мою семью и мстил нам. Я села в такси и уже собиралась произнести адрес моих родителей, когда поняла, что не хочу этого делать.

Правда, Кристиан был засранцем гигантских размеров, но таким же был и мой отец. В конечном счете, они были такими же плохими, как и друг друга. Я хотела использовать имеющуюся у меня информацию против Кристиана, чтобы уничтожить его, но не обязательно самым простым способом, при котором мой отец тоже сойдет с крючка.

Конрад Рот определенно заслуживал того, чтобы его лишили репутации, денег и общественного положения. Он делал ужасные вещи с людьми и использовал свою силу против беспомощных женщин.

Мне нужно было подумать об этом, долго и упорно. Чтобы придумать план.

— Мисс? Прошу прощения? Ю-ху? — Таксист помахал пальцами в сторону зеркала заднего вида. — Не то чтобы было неприятно сидеть здесь и смотреть, как вы разговариваете сами с собой, но куда ехать?

Я дала ему адрес своей квартиры.

Я собиралась погубить Ники. Но в моем собственном стиле.

ГЛАВА 27

Кристиан

Настоящее время.

— Подумайте еще раз, мистер Хотшот, — задыхаясь, хихикнула Клэр, выхватывая телефон из моей руки. Мы только что вышли из здания суда. Я попрощался с Аmandой Гиспен и другими истцами, не обращая внимания на журналистов и фотографов, умоляющих о комментариях, и собирался поймать такси до офиса Арьи. Во-первых, мне нужно было убедиться, что она в порядке со всем, что произошло. Настолько хорошо, насколько это возможно, учитывая обстоятельства. Во-вторых, мне нужно было признаться.

Она должна была знать, кто я.

Это нельзя было больше откладывать.

У Клэр, видимо, были другие идеи.

— Верни мне мой телефон. — Я едва не оскалился на нее, протягивая руку с раскрытой ладонью в ее сторону. Клэр прикусила губу, сияя от гордости. Сегодня она надела в суд совершенно новый костюм. Двубортный Alexander McQueen, который, должно быть, стоил ей руку, ногу и месячную арендную плату.

— Ничего не поделаешь, мистер Миллер. — Она подмигнула, пряча мой телефон. — Это приказ сверху. Трауриг сказал не отвлекаться. У него есть для тебя сюрприз.

— Дай мне мой телефон, Клэр, — многозначительно сказал я. — Мне есть кому позвонить.

— Этот кто-то может подождать десять минут. Мы работаем в двух кварталах отсюда. — Клэр обвила меня рукой, потянув вперед. — Боже, не будь зачинщиком вечеринки. Просто произнеси тост вместе со всеми, поблагодари Траурига и Кромвеля и иди

своей веселой дорогой. Ты зашел так далеко; неужели ты не собираешься прийти на свою собственную партнерскую вечеринку? — Клэр приподняла тщательно выщипанную бровь. Я не был легко раскачиваемым человеком. Это было в порядке вещей — знать, какой ценой может обойтись искушение. Я уже собирался ответить ей, что да, я действительно собираюсь пропустить свою собственную вечеринку, потому что вечеринка была не так важна, как уверенность в том, что женщина, с которой я встречался, все еще, на самом деле, встречалась со мной. И тут я почувствовал, как две крепкие руки хлопают меня по обеим сторонам спины.

Дерьмо.

— Человек часа, — протянул Кромвель, теребя усы, как злодей класса D.

— Красавица бала. — Трауриг оттолкнул Клэр в сторону. — У меня есть кубинская сигара с твоим именем и несколько золотых букв, которые нам нужно добавить к названию фирмы. Ремонтник уже там, ждет нас. Торопись.

Ремонтник был там, ждал, чтобы повесить мои буквы. Отлично, черт возьми. Клэр бросила на меня взгляд, который говорил:

— Не смей. — Она была права. Если я уйду сейчас, то буду выглядеть как ненормальный идиот — не лучший вариант. К тому же, Арья не ожидала такого исхода. Мы обсуждали это несколько недель.

Однако десять минут каким-то образом превратились в вечность. У ремонтника ушел почти час, чтобы добавить золотые буквы на входе в фирму, возможно, потому, что Кромвель и Трауриг постоянно кричали ему, что моя фамилия не симметрична. После этого меня затащили в один из конференц-залов, где меня ждала вся фирма с тортом, сигарами, выпивкой и огромным подарком, завернутым в красный атласный бант.

— Я так горжусь тобой. Я даже не могу тебе сказать, сколько, — плакал мой ассистент. Затем каждый человек в зале почувствовал желание поздравить меня и пожать мне руку, один за другим.

Я продолжал говорить себе, что если Арья так отчаянно хочет поговорить со мной, она всегда может позвонить в мой офис.

Когда церемония, достойная «Оскара», закончилась — через два чёртовых часа — Трауриг попросила меня открыть мой гигантский подарок. Это оказались новые визитки с полным, новым названием фирмы: Cromwell, Traurig & Миллер. Яркие золотые буквы на гладких черных карточках. Я ждал, когда эйфория охватит мои чувства. Но все, что я мог чувствовать, глядя на свои новые визитки, было: я действительно хочу увидеть Арию. Не сегодня вечером. Не через час. Сейчас.

— Спасибо, — сказал я стальным голосом, обвивая пальцами руку Клэр и выводя ее из конференц-зала. По дороге в офис я снова взглянул на часы. Казалось, прошли столетия с тех пор, как мы покинули зал суда. Тот факт, что я до сих пор не позвонил Арье, был в лучшем случае невоспитанным, а в худшем — похотливым.

Когда мы подошли к моему кабинету, я закрыл за нами дверь. Мое паучье чутье подсказывало мне, что в ближайшем будущем будет много шума.

— Дай мне мой телефон, Клэр.

Она вздрогнула.

— Так рано? Мы даже не пообедали. Я подумала, может быть, я могла бы угостить тебя выпивкой. Нам есть о чем поговорить, и я...

— Телефон! — Я хлопнул рукой по стене позади нее, и она завизжала, подпрыгнув. Я не

был жестоким человеком, но я начал терять терпение и не хотел, чтобы моим первым шагом в качестве партнера было увольнение коллеги, который только что помог мне выиграть крупное дело. — Или ты уйдешь отсюда, и охрана будет следовать за тобой по пятам, Лесавой.

Надувшись, Клэр достала из кармана мой телефон. Я взглянул на него, чувствуя, как мой пульс учащается под воротником рубашки. Я имел более пятидесяти пропущенных звонков от Арьи. И несколько сообщений. Как только распознавание лиц было включено, сообщения начали скользить по экрану в хронологическом порядке одно за другим.

Арья: Как ты мог сделать это со мной?

Арья: Ты РАЗРУШИЛ мою карьеру. Я больше никогда не смогу показать свое лицо. И мои несуществующие отношения с мамой закончились. Не говоря уже о моем отце (который умер для меня, но было бы неплохо сделать этот выбор самой).

Испортил карьеру? Ее отношения? О чем, черт возьми, она говорила?

Арья: Чего я не понимаю, так это того, как ты мог быть таким бессердечным? Как ты сделал это в ту же ночь, когда пообещал, что не подорвешь мое доверие.

Арья: Признаюсь, это был гениальный ход. Ты, наверное, весело смеялся над этим в суде. Теперь ты можешь вернуться к Клэр. Я знаю, что вы, ребята, были случайны, но, чувак, вы стоите друг друга.

Клэр, должно быть, заметила замешательство, омрачившее мое лицо, потому что я заметил, как она облизывает губы на моем периферии, переминаясь с ноги на ногу.

— Все в порядке?

— Я... — я сделал паузу, пытаюсь понять, что здесь происходит, пока не щелкнул. Лимузин. Клэр разговаривает с Даррином. Зная мое местонахождение с Арьей. То, как она безжалостно преследовала меня.

Пресса. Это была единственная вещь, в которую мы с Арьей договорились не вмешиваться. Мы не хотели, чтобы нас увидели или поймали.

Мои глаза скользнули вверх от телефона. Я чувствовал, как мой взгляд становится жестким, черствым, когда я смотрел на лицо Клэр.

— Что ты наделала?

— Я... я... — Она попыталась сделать шаг назад, но была прижата к стене, и деваться было некуда. Я никогда не думал о себе как о человеке, который может обидеть женщину, но в тот момент я понял, что могу причинить боль Клэр. Не физически, нет. Но я мог бы ее уволить. Изгнать ее. Сделать ее персоной нон грата в юридических кругах Манхэттена.

— Говори.

Клэр опустила голову, трясая ею, и закрыла лицо руками.

— Мне жаль. Я только что сказала своему другу, который работает в Manhattan Times. Вот и все. Все вырвалось. — Она вздрогнула. Но она никого не обманывала и знала это. Я сделал шаг назад, прекрасно понимая, что не контролирую себя. Должно быть, сейчас Арья думает обо мне самое худшее.

— Уходи. — Я дышал через нос, вонзая большой и указательный пальцы в глазницы.

— В... мой кабинет?

— В... чертову адскую дыру, откуда ты пришла. — Я насмешливо передразнил ее тон, снова открывая глаза. — И не возвращайся. Никогда.

— Мы только что выиграли дело.

— Ты потеряла все доверие ко мне в ту минуту, когда ты слила историю обо мне

журналисту.

— Ты не можешь этого сделать! — Клэр вскинула руки в воздух. — Нельзя принимать такое решение, не посоветовавшись с Трауригом и Кромвелем. Ты был партнером всего пять минут.

— Хорошо. — Я сердечно улыбнулся. — Пойдем прямо сейчас в кабинет Кромвеля и расскажем ему, что ты сделала. Посмотрим, как это будет для тебя.

Ее лицо побелело. Что, черт возьми, она подумала? Что я ничего не узнаю? Клэр обхватила себя руками, глядя в пол.

— Что ты думала? — Я выплюнул, любопытствуя о причинах этого злодеяния.

— Я думала, что после того, как суд закончится, ты собираешься ее бросить. Но я не была уверена и не хотела рисковать. И я, конечно, не думала, что тебя это так сильно волнует. Не говоря уже о... — Она выдохнула воздух, ее глаза блестели от непролитых слез. — Я просто не подумала. Вот в чем дело. Вот что бывает, когда ты влюблен. Ты когда-нибудь был влюблен, Кристиан?

Я собирался сказать «нет», и это не имело никакого отношения ни к чему, когда я понял... Я не мог этого сказать наверняка.

— Удачи вам, мисс Лесавой.

Я прошел мимо плеча Клэр, выходя из офиса. Я не сказал ни души. Мой администратор подскочила, спрашивая, куда я направляюсь. Она ничего не ответила. Первой моей остановкой был офис Арьи. Я позвонил в домофон здания и дозвонился до Уитни, или Уитли, или как там ее зовут. Секретарша не ответила мне устно. Однако она просунула верхнюю часть тела в окно своего кабинета и вылила свой тепловатый кофе мне на голову, после чего завершила жест, захлопнув стеклянное окно.

Хотя я знал, что стал врагом общества номер один в лагере Арьи, я все же думал, что смогу спасти его. Если бы она дала мне время объясниться, и я рассказал ей все о Клэр, она бы поняла. Арья была очень прагматичным человеком с потрясающим метрикой чуши. Она бы знала, что я говорю правду.

Следующей моей остановкой была ее квартира. На этот раз я пробрался немного дальше зуммера. На самом деле, вплоть до двери ее квартиры. Я отчаянно постучал. Джиллиан распахнула дверь, прислонившись бедром к косяку, ее лицо было покрыто какой-то зеленой маской.

— Да?

— Я здесь, чтобы увидеть Алью.

— Амбициозно. — Она сделала вид, что проверяет свои ногти. — Ты знаешь, учитывая обстоятельства.

— Разве ее здесь нет? — Я сузил глаза. В такой день я не мог представить ее нигде, кроме как дома. Может быть, квартира ее матери. Но вряд ли.

— О, она здесь. Но она не может тебя видеть.

— Почему?

— Потому что ты для нее мертв.

Мои зубы стиснули друг друга.

— Я могу объяснить.

— Я уверена, что сможешь, Николай. Не стесняйся делать это за дверью, пока я вызываю полицию. Что я и собираюсь сделать, если ты не покинешь помещение в ближайшие три секунды.

С этими словами она захлопнула дверь перед моим носом.

***

Николай.

Николай.

Николай.

Джиллиан называла меня Николаем. Пока я ехал домой на такси, я пытался оценить, с чем именно я столкнулся. Казалось, что то, что знала Арья, было намного хуже, чем тот факт, что несколько наших небрежных поцелуев попали на некоторые новостные сайты.

Казалось, она знала правду.

И правда была невыносима для нас обоих.

Когда я добрался до своей квартиры, сомнений не осталось. Пока меня не было, Арья совершила набег на это место, скорее всего, когда-то после того, как я не ответил на ее звонки, и она поняла, что нас разоблачили СМИ. Место было пожаром мусорного бака, без красивого пламени. Трагедия заключалась в том, что я знал, что она не искала правды. Она искала свою книгу. Искала везде. Мусорный бак в комплекте. Или, может быть, то, что она перевернула его, было последним штрихом. Как экзотический цветок на красивом десерте в ресторане.

В любом случае, то, что она хотела, было ясно — забрать часть ее, которая временно принадлежала мне, и убедиться, что я никогда больше не получу к ней доступ.

Я направился в свою спальню, моя душа сжималась в горле. Еще до того, как я вошел, я знал, что найду. Манильский конверт, который я хранил в тайне все эти годы, был открыт, документы были разбросаны повсюду. Мне не нужно было приседать и искать книгу, чтобы понять, что она пропала. «Искушение» больше не было моим.

Я уверена, что сможешь, Николай.

Арья знала.

Она сказала Джиллиан.

Не было никаких причин думать, что Арья также ничего не рассказала своим родителям. Адвокатам ее отца. Но почему-то я не мог заставить себя наплевать на эту часть. Мое некрасивое второе падение.

Меня заботило только то, что она узнала, а не так, как я хотел.

Не было смысла звонить ей. Она не собиралась брать трубку. Все, что я мог спасти от наших отношений — от моей жизни, — пришлось ждать до завтра.

Ей нужно было время, и я должен уважать это, даже если это убьет меня.

Я взял телефон и позвонил одному из очень немногих людей во вселенной, которые знали.

— Что? — Арсен хрипло рявкнул.

— Она узнала, — сказал я, все еще замерев на месте у входа в свою комнату. Это было время, когда он собирался сказать мне, что он сказал мне так, что он предупредил меня.

— Дерьмо, — сказал он, удивив меня.

— Действительно.

— Беру ключи и иду. Пиво?

Я протер глаза.

— Едем на север. Далеко на север.

— Бренди?

— Скорее пуля.

— Бутылка А. de Fussigny и цельнометаллическая оболочка скоро придут.

***

В ту ночь я не спал. Не был настолько глуп, чтобы даже попытаться. В конце концов я допил коньяк, который принес Арсен, а затем отправился в спортзал в своем здании. Я запрыгнул в душ, оделся для работы, проделал те же самые предсказуемые движения...

Только я не пошел на работу.

Фирма — компания, которую я хотел взять на себя больше всего в жизни, — стала тривиальной, до смешного несущественной. Блестящая игрушка, которая занимала меня, пока жизнь происходила на моей периферии. Каждый раз, когда я пытался набраться мотивации, чтобы тащить задницу в место, которое ежегодно перечисляет семизначные суммы на мой банковский счет, я не мог не чувствовать себя хомяком, готовящимся запрыгнуть на колесо. Постоянное вращение ни к чему не привело. Больше денег. Больше побед. Больше ужинов с нелюбимыми клиентами, которые мне не нравились.

Мне пришло в голову, что я не только измучен; У меня все время кружилась голова от решения чужих проблем. Ну, теперь у меня была собственная проблема, которую нужно было решить. Арья знала, что я Ники, и что я держал это в секрете от нее.

Еще ужаснее то, что она знала, что я Ники, а значит, ничего не стою.

В то утро я отправился прямо в офис Арьи, прибыв ровно в восемь часов. За час до открытия. Я провел с Арьей достаточно утренних часов, чтобы знать, что она рано встает и любит быть в офисе до того, как встанут птицы.

Как оказалось, это было единственное утро, когда Арья решила поспать. Я наблюдал, как Уитли и ее приятель маршировали через дверь в девять часов, бросая на меня убийственные взгляды, а затем в девять тридцать к ним присоединилась Джиллиан. Арью нигде не было видно до десяти одиннадцатого, когда я заметил, как она быстро свернула за угол на боковую улицу и направилась к своему офисному зданию, похожая на летнюю бурю. Несокрушимая ледяная королева готова покорить мир.

Я встал со ступеньки, ведущей к двери ее дома. Она не замедлила шага, когда заметила меня сквозь солнцезащитные очки. Она остановилась, когда наши тела оказались вплотную друг к другу, отвела руку назад и ударила меня так сильно, что я был почти уверен, что части моего мозга рассыпались по тротуару.

— Я это заслужил.

— Ты заслуживаешь гораздо большего после плана мести, который ты спланировал для меня и моей семьи, Ники.

Ники. Я не слышал этого имени много лет. Только Арья называла меня так. Руслана несколько раз попробовала его на языке и нашла его неприятным. Я пропустил это.

— Никакого заговора о мести. — Я потер щеку. Я был очарован ею. Как будто я не видел ее десятки раз прежде, в компрометирующих позах, совершенно голой и сосущей разные части моего тела. Было ли это похоже на любовь? Хотеть поцеловать и защитить женщину, в которую ты хотел врезаться сзади? Как странно. И тошнотворно. И так ужасно предсказуемо с моей стороны. Влюбиться в единственную женщину, которую у меня никогда не было. Кто все испортил, а я, в свою очередь, сделал с ней то же самое.

И на этот раз я даже не хотел расквитаться.

— Хочешь верь, хочешь нет, но однажды Аманда Гиспен случайно зашла в мой офис. Не могу сказать, что я не жил каждый день, желая отомстить твоему отцу за годы, через которые он заставил меня пройти, но это не было первым делом в моих планах.

Однако это было второе, прежде чем она перевернула мою жизнь с ног на голову, в истинном стиле Арьи.

— Нет оправдания тому, что он сделал в тот день. — Арья отступила назад, ее лицо искажилось в агонии. — Поверь мне, я целый год отказывалась смотреть на него. Потом всю жизнь пересматривала каждое принятое решение. Спуская его с крючка, я всегда чувствовала, что нахожусь не на той стороне истории. Но он извинился за это и в итоге отправил тебя жить к отцу, как ты и хотел.

— Это он тебе сказал? — Я устало улыбнулся. — До или после того, как я якобы упал за смертью?

Ее розовые губы нахмурились, но она не ответила.

— Поверь мне, выбить из меня все дерьмо перед девушкой, в которую я влюбился, было наименьшим из его грехов. Он заставил мою мать вышвырнуть меня в ту ночь, когда я поцеловал тебя. Пришлось спать на соседском диване. Потом он отправил меня в Академию Эндрю Декстера и сказал тебе, что я мертв.

Арья сняла солнцезащитные очки. Ее глаза блестели, полные слез.

— Я оплакивала тебя годами. Каждый день.

— Я тоже скорбел по тебе, и даже не думал, что ты умерла, — сказал я хрипло.

— Ты не хотел уходить? — Теперь ее голос был мягким, податливым.

Я покачал головой. Я бы выбрал жизнь в нищете, если бы это означало быть рядом с ней.

— Это не Конрад сказал мне, что ты скончался. Знаешь, я наняла частного сыщика, чтобы найти тебя, когда мне исполнилось восемнадцать. — В ее голосе звучало поражение. — Он был единственным, кто сообщил мне эту новость.

Я улыбнулся.

— А теперь дай угадаю. — Я сделал шаг вперед, желая понюхать ее, зарыться руками в ее волосы, поцеловать и наше прошлое, и наше настоящее, теперь, когда она знала, кто я такой. — Этот частный детектив работал на твоего отца, не так ли? — По выражению ее лица я понял, что был прав. — Ага. Это то, о чем я думал. Но я еще не закончил рассказывать тебе об аде, через который мне пришлось пройти благодаря Конраду.

— Поторопись, потому что, когда ты закончишь, я дам тебе свою собственную марку ада Рота.

— Пока я был у Эндрю Декстера, твой отец послал директора, чтобы, так сказать, привести меня в порядок. Время от времени меня пороли просто за то, что я существую. Сам директор меня и пальцем не тронул, но заставлял других учеников бить меня. Конрад также позаботился о том, чтобы моя мать прекратила со мной все контакты. Я видел ее только один раз после того дня, как она выгнала меня. Не во время летних и весенних каникул или праздников. Я всегда оставался в общежитии. Там я встретил Риггса и Арсена. Так я создал свою семью.

Арья заметно сглотнула. Она боролась с конкурирующими эмоциями. Ее желание убить меня за то, что я сделал с ней, и ее желание покалечить ее отца за то, что он сделал со мной.

— Руслана... она умерла?

Я кивнул.

— У меня тоже есть теория на этот счет.

— Да?

— Когда я был младшеклассником в Эндрю Декстере, я устроился работать конюхом и

встретил Элис — мою так называемую пуму, как ты любишь ее называть. Внезапно я оказался в непосредственной близости от денег и жил богатой жизнью, пусть и по доверенности. Однажды на летних каникулах, когда я был в Нью-Йорке, я столкнулся с Русланой. Я ехал в "Бентли" Арсена и был одет в его костюм богатого засранца с ног до головы. Руслана набросилась на меня и поцеловала. Она устроила сцену. Я отцепил ее от себя и сказал, что постараюсь втиснуть ее в свои нью-йоркские планы, но, конечно, этого не произошло. После этого она начала мне писать. Я никогда не отвечал. Наверное, она восприняла мое молчание как проверку своей решимости, потому что чем больше проходило времени, тем больше она чувствовала себя обязанной рассказать мне обо всем, что с ней произошло. Письма до сих пор хранятся у меня. Они были в манильской папке. Не знаю, читала ли ты их. Она говорила, что у нее был долгий роман с Конрадом. Что он обещал оставить Беатрис ради нее. Когда она начала сомневаться в его намерениях, в его заверениях, она сказала Конраду, что собирается сама рассказать Беатрис. Он был груб с ней, толкал ее. Очевидно, это был не первый раз, когда он поднял на нее руку.

— Вот как ты узнал, что все о нем было правдой. — Арья прижала руку к груди. — Знал, что Аманда и другие обвинители говорят правду.

Я кивнул.

— Руслана и Конрад ходили туда-сюда несколько месяцев. В конце концов, он уволил ее и дал ей деньги за молчание. Жалкий чек на десять тысяч долларов, чтобы она помалкивала. Она потратила их примерно за неделю и написала мне, что снова пошла к нему, чтобы попросить еще. Это было ее последнее письмо перед тем, как мне позвонили из полиции и сообщили, что она умерла.

— Как она умерла? — спросила Арья.

— Официальная медицинская причина указывает на сломанную шею. На практике ее сбросили со скалы Палисейдс. Полицейский, который сообщил мне о ее смерти, сказал, что они не подозревают никакого нечестного поведения. Что это был классический случай самоубийства. Моя мать не отличалась беспечностью и в том же месяце потеряла работу. Но это была куча глупостей. Руслана ненавидела высоту. Ей доводилось летать один раз в жизни, и даже если бы она была склонна к суициду, а это было не так, она бы предпочла любую смерть этой. Утопление, перерезанные запястья, пуля в висок. Сама выбирай.

— Думаешь, за этим стоял мой отец? — Глаза Арьи вспыхнули.

— Короткий ответ? Да. Длинный ответ? В некоторой степени, но я не уверен, кто был ключевым игроком в том, что произошло.

— Тогда его следует судить и за это.

Она не ошиблась. Но в случае с Конрадом я знал, что потеря всего вокруг него — его денег, его статуса, его ребенка — была достаточным наказанием. Блуждать по миру без гроша в кармане было бы большим наказанием для такого человека, как он, чем сидеть в тюрьме с такими же стыдливými преступниками, как он сам.

— У меня нет возможности доказать это, во всяком случае, не раскрывая свою истинную личность, — ответил я.

— Независимо от того, что происходит, мне жаль, что ты потерял ее.

— Мне нет. Она была дерьмовой матерью.

— И ты хочешь сказать мне, что после всего, что Конрад сделал с тобой, этот шаг с Амандой Гиспен не был рассчитан? — Она скрестила руки на груди.

— Правильно. — Я отступил в сторону, чтобы пропустить женщину с коляской, и мои

мысли тут же переместились к Арье с ребенком. Черт. Теперь шлюз был открыт, и даже бутерброд напомнил мне о ней. — Я считаю, что Конрад что-то сделал с моей матерью — или, по крайней мере, послал кого-то другого, чтобы сделать это, — но, как я это понимаю, это никогда не было моей проблемой. В тот день, когда она отказалась от меня, я отказался от нее. Я пошел вперед и нашел новых друзей, новую семью, женщину, которая дала мне то, что не удалось моей матери, и я не говорю здесь о деньгах. Я говорю о мужестве, уверенности и умственном подъеме. Кто-то, кто сказал мне, чего я хочу от жизни, был в пределах досягаемости.

Когда я вернулся на свое место на тротуаре, я убедился, что я был немного ближе к Арье, чем раньше. Чуть-чуть.

— Ни одна часть меня не хотела возвращаться в Нью-Йорк. Я хотел остаться в Бостоне. Может быть, съездить в округ Колумбия и замарать руки в политике. Нью-Йорк всегда напоминал мне Ротов, мою мать, отвернувшуюся от меня, тот роковой первый поцелуй. Но судьба распорядилась так, что Арсен родом из Нью-Йорка, и ему действительно нравится эта дыра. Риггс родом из Сан-Франциско, но он, похоже, хотел никогда больше не ступать ногой в это место. Он был очень рад переехать в чудовищную квартиру Арсена, не требующую арендной платы. Я не хотел оставаться. Они были единственной настоящей семьей, которую я знал, поэтому я поехал с ними. Хочешь верь, хочешь нет, но я чертовски старался держаться на расстоянии от тебя. Самым страшным кошмаром для меня было, чтобы ты или Конрад снова вошли в мою жизнь и все испортили. Но когда дело легло мне на стол, я не смог остановиться. — Я облизал губы. — Мы оба знаем, что время от времени я поддаюсь искушению.

— Значит, ты не мстил; оно просто упало тебе на колени.

— Да.

Пока не стало ясно, что я всегда хотел, чтобы Арья была у меня на коленях.

— Все эти годы я думала, что ты умер... — пробормотала Арья, все еще пытаюсь собрать все воедино. Она покачала головой. — Вот почему я тебя не узнала. Это была единственная причина, по которой я не думала, что ты это ты. Потому что я убедила себя не верить. Не надеяться.

И я по глупости сдерживал ее. Каждый раз мы наблюдали друг за другом. Оценивали. Ласкали. Целовались. Я всегда говорил себе, что она заслужила тот ад, который я ей устроил, потому что она даже не смогла узнать мальчика, который был дико влюблен в нее. Который был готов отдать за нее весь мир и, в некотором роде, так и сделал.

— Я весь вчерашний день пыталась распутать одно чувство от другого, и до сих пор не могу. — Арья потеряла лоб.

— Позволь мне помочь, — предложил я. Я не имел права просить ее ни о чем, но особенно о ее доверии.

— Вот в чем дело. — Она нахмурилась, как всегда практичная. Никаких слез или пустых угроз от этой женщины. — Я больше не доверяю тебе ни кусочка тоста, не говоря уже о своей жизни, своих решениях, своих чувствах. Я абсолютно ненавижу тебя, Ники, каждой частичкой своей души. Все это время, все это томление... Я болела за тебя больше десяти лет. Мы были Сесилией и Робби.

Я понятия не имел, о ком она говорит, я никогда не встречал Сесилию и только Робби, который оказался налоговым адвокатом со Статен-Айленда. Но мне хотелось отшвырнуть обоих этих людей за то, что они вмешиваются в мои отношения.

Арья потеряла щеку, преодолевая собственную мысленную пощечину.

— Все то, что делало тебя ослепительным и неприкасаемым, исчезло вчера, когда я увидела на том сайте фотографию.

— Это был не я. — Я снова шагнул вперед, осмеливаясь пригласить один из ее взмахов за ухом. Она оттолкнула мою руку. Это больнее, чем пощечина. Больше, чем в тот день, когда директор Плат послал этих парней убить меня. — Это была Клэр. Клэр прислала нам лимузин в тот день, когда я дал тебе обещание. Она сообщила прессе.

— Предательство, — подчеркнула Арья, ее глаза расширились. — Они использовали это слово.

Я покачал головой.

— Нет. Я бы никогда не поступил так с тобой, Ари. Никогда.

— Ты не прав. — Арья отступила назад, ее глаза снова наполнились слезами. Я хотел, чтобы они упали. Чтобы она сломалась. Перестала быть такой чертовски упрямой и все время лучше меня. Потому что в глубине души я всегда так чувствовал. Недостойный ее времени, улыбок и существования. — Ты уже сделал. Ты сказал, что не предашь меня. — Печальная улыбка тронула ее губы. — Ты соврал.

— Я собирался сказать тебе, — сказал я.

— Когда?

— Я не знаю. — Я провел пальцами по волосам, дергая их. — После суда? Когда я был бы уверен, что ты влюблена в меня? Кто знает? Я боялся, что ты меня бросишь, потому что Ники недостаточно хорош.

Конечно, если бы я сказал ей, что люблю ее сейчас, она бы никогда мне не поверила. Моя профессиональная задница была на кону. Она была в одном шаге от того, чтобы разрушить мою карьеру, и мы оба это знали. Заявить о своих чувствах к ней было бы расчетливо, хитро и, прежде всего, унижительно для нее. Не говоря уже о том, что я не хотел начинать с ней отношения, думая, что я прикован к ней, потому что мне есть что терять. Не то чтобы не было. Но она была этим чем-то. А не моя работа.

Арья покачала головой.

— Ники всегда был достаточно хорош. Я не доверяю Кристиану.

— Тогда позволь мне изменить это. — Я поднял бровь. — Я могу дать тебе еще кое-что. Гораздо больше. И все, что ты должна дать мне взамен, это одно.

— Что?

— Шанс.

— Почему Кристиан? — Выражение ее глаз было леденящим, когда она сменила тему. — Почему Миллер?

— Я сменил имя на законных основаниях еще до того, как пошел на первый семестр в Гарвард. Я не хотел, чтобы твой отец нашел меня. Знал, что он будет следить за мной. Николай Иванов ни в какие вузы не поступал. Он купил билет в один конец в Канаду и сбежал. В конце концов, как только нам исполнилось восемнадцать, все ставки были сняты, и он знал, что ты можешь искать меня, а я могу искать тебя.

Ее зубы вонзились в губу. Она поняла. В конце концов, она искала меня через частного сыщика своего отца. И единственное, что мешало мне искать ее, было знание, что мне нечего ей предложить.

— Мне нужно было исчезнуть. Поэтому я выбрал одну из самых распространенных фамилий в Америке — Миллер — и Кристиан, широко распространенное имя в английском

языке, которое также наводит на мысль о возрождении, крещении другой идентичности. По сути, я сделал все, что мог, чтобы твой отец никогда не нашел меня. В тот день, когда Николай исчез за границей, родился Джон Доу.

Покачивая головой, она шагнула к входной двери. Она собиралась уйти. Я не мог позволить ей. Не потому, что она могла лишиться меня адвокатского статуса или потому, что на кону стояло мое партнерство. А потому, что я не был готов попросить прощения. Не с ней. Ни в четырнадцать, ни в тридцать два.

— Арья, подожди.

Она снова повернулась ко мне лицом.

— Знаешь, Ники, первое, что я сделала, когда узнала, кто ты, — сказала Джиллиан. Это было сильнее меня. Мстительность взяла надо мной верх. Мне нужно было почувствовать себя безрассудной. — Она вздохнула. — Но я не могла, ради всего святого, рассказать о тебе родителям. Направить туда, где это причинило бы тебе наибольшую боль. Я не могла сказать им правду. Разве это не печально? Что я ненавижу своего отца почти так же сильно, как тебя? И люблю вас обоих. Думаю, моя любовь всегда будет окунается в ненависть, делая все важные отношения в моей жизни горько-сладкими. Но я хочу, чтобы ты знал, что я хорошо знаю, какой контроль я имею над тобой, и не думай ни секунды, что я не воспользуюсь им. Если ты приблизишься ко мне по какой-либо причине, я позабочусь о том, чтобы судья Лопес и партнеры твоей фирмы узнали о твоей связи с семьей Рот. А также Ассоциация адвокатов штата Нью-Йорк. Так что постарайся держаться от меня подальше, потому что достаточно одного звонка, одного сообщения, одного необоснованного визита, чтобы я разрушила твою жизнь. И поверь мне, Кристиан, я разрушу твою жизнь, не моргнув глазом.

Она не собиралась ничего говорить.

Я не был уверен, хочу ли я смеяться или кричать.

Я не думал, что шансы Арьи сохранить это в секрете высоки. Я полагал, что рассказывать обо мне просто казалось естественным. Вот почему я был больше озабочен тем, чтобы она простила меня, чем тем, что она раскрыла мою тайну. Любой другой мужчина взял бы то, что она ему дала, и ушел. И, может быть, я был этим человеком два месяца назад. Но я не был им сегодня и не буду им послезавтра.

— Значит, ты хочешь сказать, что в следующий раз, когда я свяжусь с тобой, ты лишишь меня лицензии? — протянул я.

— По крайней мере.

— Очень хорошо. Спасибо, Ари.

— Гори в аду, Ники.

ГЛАВА 28

Кристиан

Настоящее время.

Я не хотел лететь во Флориду посреди недели. Это не имело никакого отношения к растущей куче работы, которая ждала меня в офисе, или к двум озадаченным партнерам, которые не могли понять, почему моим первым шагом было увольнение одного из их самых многообещающих сотрудников. Я знал, что Клэр не будет пытаться вытянуть карту сексуальных домогательств против меня, главным образом потому, что мы оба были сверхосторожными, расчетливыми людьми, и она знала, что я сохранил все сообщения, которые она отправляла мне в прошлом, в которых она умоляла меня переспать с

ней. Протаскивание меня или фирмы через суд взорвет единственное, что Клэр ценит превыше всего — ее гордость.

Кроме того, я уведомил об этом отдел кадров, когда мы только начинали.

Мне не нравилась идея уезжать из Нью-Йорка, когда отношения между мной и Арьей были неурегулированными. Но, как отметили Арсен и Риггс, когда я рассказал им о своем разговоре с Арьей, подобное дерьмо было не в их компетенции, а мне нужен был женский подход, чтобы понять, куда мне двигаться дальше.

Элис Гудински жила в просторной квартире в Палм-Бич. Арсен, Риггс и я время от времени навещали ее, особенно во время каникул, но последние пару лет были очень лихорадочными в плане работы, так что я бросил мяч.

Я заказал нам столик в ресторане морепродуктов с видом на океан.

Конечно, я также опоздал на десять минут, приехав прямо из аэропорта.

Элис ждала меня на веранде, откуда открывался вид на закат. Она была одета в кимоно и держала в руках «Кровавую Мэри» размером с ведро для шампанского.

— Ах, мой любимый игрушечный мальчик без льгот. — Она поцеловала меня в обе щеки, потом в нос и в ухо. Элис выглядела сияющей и ни дня не старше сорока. Для постороннего человека не было чем-то надуманным, что мы были парой. Лихой игрушечный мальчик, чья подружка-миллионерша купила ему небольшой офис риелтора на пляже. Только я знал, что она никогда не заведет любовника после потери Генри. — Ты выглядишь декадентно.

— Ты выглядишь прекрасно, как всегда. — Я поцеловал ее в макушку, прежде чем помочь ей сесть и устроиться напротив нее. К нам подбежала официантка с бокалом шерри по команде, без сомнения получив предварительные инструкции от Босси Элис.

— Жаль, что Арсен и Риггс не смогли прийти. — Она потягивала свою «Кровавую Мэри», оранжево-розовый закат освещал небо на ее фоне.

— Риггс в настоящее время находится в Англии, фотографируется для статьи о выброшенных на берег китах, а Арсен ушел из цивилизации через некоторое время после окончания колледжа. Боюсь, ты застряла со мной.

— В любом случае, ты мой фаворит. Два других — просто боковые части. — Элис сделала еще глоток, подмигивая. — Но ты также не страдаешь от слишком большого количества свободного времени, что наводит меня на мысль, что это не только светский звонок. Могу я чем-нибудь помочь?

Она видела мой бред с расстояния в пятьдесят ярдов. Меня удивило, что я не встречался с Элис чаще. И меня это тоже раздражало. Потому что в годы учебы в Эндрю Декстере, а затем в Гарварде, я проводил с ней как можно больше времени. Она была моим спасательным кругом, давала мне указания и советы, объясняла мне все тонкости высшего общества. Помогала мне слиться с остальными.

— Я намерен изменить это и убедиться, что в будущем у нас будет много социальных звонков, — сообщил я ей, махая официантке, чтобы она подошла и приняла наш заказ.

Элис покачала головой, смеясь.

— О, глупый мальчик. Я уже сделала заказ для нас. Ты действительно думаешь, что я позволю какому-то манхэттенскому панку рассказывать мне, в чем сегодня улов?

— Ты в Палм-Бич менее двух лет, — заметил я.

— Тем не менее. — Она погладила свои уложенные волосы. — Во всяком случае, где мы остановились? О, да. Ты в беде. Это Трауринг или Кромвель? Бьюсь об заклад, этс

Кромвель, этот старый гавнюк. Он страдает от какой-то серьезной юношеской зависти.

Покойный муж Элис был корпоративным юристом, так что она кое-что знала о политике фирм.

Еда прибыла. Точнее, половина проклятых океанских существ. У Элис был здоровый аппетит для женщины ее телосложения.

— Дело не в работе. — Я наколот вилкой плавающий в оливковом масле, масле и орегано гребешок и поднес ко рту.

— Твой инвестиционный портфель?

— Нет.

— Ты, наконец, продаешь и переезжаешь в DUMBO? Там ты мог бы получить больше отдачи от затраченных средств.

Я покачал головой.

— Ну, что же тогда?

— Арья, — сказал я. — Арья Рот.

***

Сорок минут и пять первых блюд спустя Элис была в курсе моей ситуации с Арьей. Она знала об Арье, когда мне было семнадцать, но не о недавнем развитии нашей истории.

Элис откинулась на спинку кресла, потягивая фруктовый коктейль, и серьезно кивнула.

— Прежде всего, позволь мне сказать, что я не могу поверить, что ты так долго ее искал. — Ее глаза радостно блестели.

Я нахмурился. Неужели она ничего не слышала из того, что я сказал?

— Я не нашел ее. Это было совпадением.

— Совпадений не бывает. Только божественное вмешательство. И было ясно, когда тебе было семнадцать, что твое сердце принадлежит этой девушке, как и все остальное твое тело. Ты достаточно долго бродил бесцельно, но, к сожалению, людям, особенно молодежи, действительно нужно испытать что-то во плоти, чтобы мысль наконец укоренилась.

Не обращая внимания на то, что она все это время знала то, что я узнал только в этом месяце, мою любовь к Арье, я перешел к сути.

— Что мне делать?

— Ну, — засмеялась Элис, — ты действительно напортачил.

— Я знаю, — выдавил я, теряя терпение.

— Впечатляюще.

— Если бы я хотел услышать, какой я невероятно неумелый парень, я мог бы пойти к Арсену, Риггсу или, что еще лучше, к самой Арье. Я пришел сюда, потому что мне нужен совет. Как заставить ее видеть, что все остальное не имеет значения? Только она?

Элис улыбнулась сдержанной улыбкой, которая сказала мне, что ответ был внутри вопроса. Казалось, она весело проводит время, наблюдая, как я извиваюсь.

— Что? Что? — рывкнул я.

— Повтори свои слова еще раз, пожалуйста, Кристиан.

Я нахмурился.

— Как мне заставить ее увидеть, что все остальное не имеет значения?

— Да. — Она взволнованно хлопнула в ладоши. — Точно.

— Это не ответ, — простонал я. — Насколько ты пьяна, женщина?

Она втянула в рот вишенку на своей палочке для напитков.

— Ответ снова утвердительный.

Я уже собирался отвезти ее домой и вылечить ее, пока не получил ответ, когда меня осенило. Смысл ее предложения. Мои брови взлетели вверх. Элис пожала плечами, взволнованная тем, что я наконец понял.

— После всего этого времени? — Я застонал.

— После всего этого времени.

— Ты уверена, что другого выхода нет?

— Ты только что забрал все, что было у этой девушки. Отец, которого она обожала и которого считала обоими своими родителями.

Я открыл было рот, чтобы что-то сказать, но она оборвала меня.

— Пожалуйста, не говори мне, что он это заслужил. Я знаю это. Но она этого не делала, пока ты не вытащил правду на свет. Теперь она вынуждена смотреть на смазанную картину своей жизни. Из-за тебя. Мало того, ты солгал ей. Врал ей даже после того, как переспал с ней. Даже когда она набралась смелости попросить тебя не лгать ей. Так что да, придется идти на жертвы, и они должны что-то для тебя значить. Если ты ничего не потеряешь, ты ничего не сможешь получить, дорогой.

Я наклонил голову вперед, подняв руку с кредитной картой для официантки, когда она принесла нам чек.

— Извини меня, Элис, пока я буду ловить красный рейс обратно на Манхэттен, чтобы уволить себя.

***

— Если это какая-то шутка, то я ее не понимаю. Пожалуйста, объясни мне это. — Трауриг уставился на меня так, словно я ворвался в его кабинет в сомнительном наряде Джулии Робертс из «Красотки». Кромвель сидел рядом с ним с каменным лицом. — Сначала ты уволил Клэр без нашего согласия — даже не посоветовавшись с нами — а теперь вручаешь нам заявление об отставке?

— Ах, не продавай себя так дешево, детка. — Я улыбнулся, сидя по другую сторону стола, чувствуя себя совершенно нормально от того факта, что через три дня они соскребут золотые буквы с моей двери. — Кажется, у тебя все хорошо. Да, ты правильно понял. Я ухожу в отставку. Вступает в силу немедленно.

— Но... почему? — пробормотал Трауриг, вскидывая руки в воздух с открытым раздражением.

— Список длинный, но я дам тебе основные пункты: меня должны были сделать партнером еще три года назад. Я перегружен работой и недооценен; Кромвель — мудака — без обид, приятель, — я подмигнул побелевшему Кромвелю, прежде чем снова взглянуть на Траурига, — и ты ненамного лучше. Ты заставил меня прыгать через обручи и наслаждался тем, как я потею над этим. И какое-то время я играл по твоим правилам. Пока оно не перестало того стоить. Что и произошло примерно, — я взглянул на наручные часы, — три дня назад.

— Ты сбрасываешь всю свою карьеру в мусорное ведро, — предупредил Трауриг.

— Я же говорил тебе, что с мальчиком проблемы с самого начала, — выплюнул Кромвель, скосил глаза в сторону Траурига и двигал рукой, словно вызывая духа. — Он покидает корабль и отправляется куда-то еще. Куда, детка? Расскажи нам сейчас. — Кромвель ткнул указательным пальцем в стол между нами, словно я ему что-то должен.

Я зевнул. Когда я в последний раз терял манеры и вел себя как негодяй из Хантс-Пойнта, каким я и был? Бьюсь об заклад, почти два десятилетия назад. Но это было хорошо.

— Даже если бы меня ждала другая работа, ты был бы последним человеком, перед которым я отчитывался бы, Кромвель. Ты дразнил меня с самого первого дня, а в офис почти не приходил. Я был бы рад увидеть, как ты немного замараешь руки какой-нибудь настоящей работой теперь, когда меня нет.

Я встал, начав пробираться к двери.

— Мы снова найдем Клэр. Просто чтобы ты знал, — сказал Трауринг за моей спиной. Я остановился. Развернулся. Увидел дерьмовую ухмылку на его лице. — Это оно? — он спросил. — У тебя был роман с маленькой, милой штучкой, и оно вышло из-под контроля? Теперь ты сокращаешь свои потери на случай, если она придет за тобой? Она шлепает тебя собственным иском о сексуальных домогательствах?

Он был настолько не в себе, что мне понадобилось все, чтобы не рассмеяться.

— Мисс Лесавой уволили, потому что она предала мое профессиональное и личное доверие. Если вы хотите, чтобы в вашей компании была крыса, что, как я полагаю, вам нужно, поскольку вы оба грызуны, я настоятельно рекомендую вам снова предложить ей эту должность.

С этими словами я захлопнул дверь перед их носом.

И черт возьми, это было хорошо.

***

В тот вечер я ждал Арья возле ее офисного здания. Не привыкший вести себя как щенок или чувствовать себя таковым, мое эго получило первый синяк за многие годы.

Хорошо, это был скорее порез, чем синяк.

Хорошо. Мое эго было полностью обезглавлено. Это пошло на пользу придурку. За эти годы оно доставило мне немало неприятностей.

— Напомнить тебе, что я лишу тебя адвокатского статуса, если ты не оставишь меня в покое? — Арья пожаловалась, как только вышла за дверь, пропуская любезности. Она была одета в красную кожаную юбку-карандаш в сочетании с шикарной белой блузкой и выглядела как рай на земле. Было удивительно, как я вообще выпустил ее из своей постели.

Я легко догнал ее, когда она шла к метро.

— Лиши меня статуса, — сказал я ровным голосом, касаясь ее плеча своим плечом.

Она издала раздраженный звук, качая головой.

— Оставь меня в покое.

— Твои родители разговаривали с тобой после суда? — Я спросил.

Снова надулась.

— Как будто тебе не все равно.

Я положил руку ей на плечо. Она остановилась, резко повернулась ко мне лицом, сбросила мою руку, в ее глазах вспыхнул огонь.

— Мне не все равно. — Я ткнул себя пальцем в грудь. — Забочусь. Каждый божий день я пытаюсь поговорить с тобой. Так что не говори мне, что мне все равно, Арья, когда вполне возможно, что я единственный придурок в твоей жизни.

— Я не хочу, чтобы тебя это волновало. — Ее голос сорвался. — В этом-то и дело. Я сказала тебе, что лишу тебя адвокатского статуса, если ты не оставишь меня в покое, потому что ни одна часть меня не хочет, чтобы ты был в моей жизни.

— Ни одна? — повторил я.

Она покачала головой.

— Совсем.

— Лгунья. — Я сделал шаг вперед, обхватив ее щеки руками. — С меня хватит.

Ее зеленые глаза расширились, охватив ее лицо.

— Хватит? — повторила она.

— Да. — Я прислонился лбом к ее, вдыхая ее на секунду. — Я отказался от партнерства. Сказал им идти нахуй. Но не раньше, чем уволить Клэр за то, что она сделала с нами. Может, я и ублюдочный сирота, но, милая, ты тоже. Я бы хотел, чтобы ты не была. Я бы хотел, чтобы твои родители были рядом с тобой так, как ты этого заслуживаешь. Но я здесь, и я буду стараться изо всех сил, чтобы этого хватило.

И тогда это просто вырвалось наружу. Вылилось из меня.

— Я люблю тебя, Арья Рот. Я любил тебя все это время. С того первого дня на кладбище, когда мы были детьми. Когда все вокруг нас было мертво, а ты была такой живым, мне хотелось проглотить тебя целиком. Когда ты положила этот маленький камень на могилу Аарона, чтобы он знал, что ты пришла навестить его. Я любил тебя в тот день, за твое сердце, и каждый день после этого. Я никогда не переставал любить тебя. Даже когда я ненавидел тебя. Особенно когда я ненавидел тебя, на самом деле. Было мучительно думать, что ты забыла обо мне. Потому что Арья? В моей жизни не было минуты, чтобы я не думал с тебе.

Был момент — во всяком случае, часть его, — когда я подумал, что она собирается уступить. Наконец-то сдаться тому, что между нами. Но тут Арья отступила назад, поправляя лямку своей наплечной сумки, вызываясь запрокинув голову.

— Мне жаль.

— Почему?

— За то, что я частично ответственна за твое решение уволиться. Потому что это ничего не меняет.

Она не была частично ответственна. Она была полностью ответственна. Но не было смысла указывать на это, потому что теперь, когда я ушел, я знал, что должен был сделать это много лет назад. Независимо от нее. Когда ты делаешь что-то правильно, ты чувствуешь это своими костями.

— Да, это так. — Я улыбнулся. — Это меняет одну фундаментальную вещь, Арья.

— И какую?

— Теперь я могу преследовать тебя, сколько захочу. Потому что дело твоего отца имеет для меня огромное значение, а ты чертовски хорошо знаешь, что мне плевать на лишение адвокатского статуса, учитывая, что я только что уволился. За дело, Ари. Я выиграю тебя.

— Я не приз.

Я развернулся и ушел.

— Нет, не приз. Ты — все

ГЛАВА 29

Арья

Настоящее время.

Пока город скатывался в красочную весну, в пентхаусе моих родителей образовалась огромная черная дыра.

Ни слова не вошло и ни слова не вышло. Роты исчезли, исчезли с лица земли.

Я неоднократно пыталась связаться с матерью. Я чувствовала себя обязанной заботиться о ней, теперь, когда я знала, что мой отец эмоционально издевался над ней. Она

была недоступна ни по телефону, ни по электронной почте, ни по текстовым сообщениям. Что касается моего отца, я никогда больше не пыталась связаться с ним после серии язвительных текстовых сообщений, которые он оставил мне в день вынесения приговора. Его способность отменять свои эмоции по отношению ко мне, как будто они были подпиской на потоковую услугу, доказывала, что этих чувств никогда и не было.

Наконец, после семи дней радиомолчания, я добралась до пентхауса на Парк-авеню. Когда я поднялась на лифте на последний этаж, меня скрутило беспокойство. Я поняла, что, возможно, их там уже нет. Что, если они переехали? Мои родители владели этой недвижимостью, но они никак не могли оставить ее себе с той суммой денег, которую им пришлось заплатить после проигрыша дела. Я понятия не имела, какие были условия. Сколько времени у них было, чтобы найти деньги. Наверное, Кристиан мог бы дать мне ответы на все эти вопросы, но я не могла его спросить. Не могла вступить с ним в контакт. Моя защита была уже израсходована, мой ментальный стержень был сырым.

Выйдя из лифта, я постучала в дверь, ведущую в дом моего детства. Я не знала почему, но по какой-то причине я сделала секретный удар, который мы с папой использовали, когда я была ребенком.

Один рэп, такт, пять рэпов, такт, два рэпа.

С другой стороны повисла тишина. Может быть, их там не было. Наверное, я могла бы позвонить одному из друзей моей матери по загородному клубу и спросить, не дали ли они им новый адрес. Я уже собиралась развернуться и уйти, когда услышала его с другой стороны деревянного барьера между нами.

Один рэп, такт, пять рэпов, такт, два рэпа.

Конрад.

Я замерла, желая, чтобы мои ноги двигались. Предательские твари пустили корни в мраморном полу, отказываясь сотрудничать. За моей спиной раздался тихий щелчок отпираемого засова. По позвоночнику пробежал холодок. Дверь открылась.

— Ари. Дорогая.

Его голос был таким сиропным, таким безмятежным. Он перенес меня обратно в детство. К игре в крестики-нолики перед бассейном в Сен-Тропе. К тому, как он испортил мне плетение, отчего мои волосы выглядели так, будто меня ударило током. Мы смеялись над этим. Воспоминания текли во мне как река, и я не могла остановить их, как ни старалась.

Папа обнял меня за плечи, поцеловал в голову и сказал, что все будет хорошо. Что нам не нужна мама. Что мы сделали отличную команду сами по себе.

Папа танцует со мной под «Girls Just Want to Have Fun».

Папа уверял меня, что я могу поступить в любой колледж, какой захочу.

Папа купил бейсбольную битку, когда мне исполнилось шестнадцать, и я за одну ночь стала хорошенькой, потому что «никогда не знаешь».

Крошки счастья, заваленные в жизни болью и тоской.

— Арья, пожалуйста, посмотри на меня.

Я развернулась на каблуках, глядя на него. Я так много хотела сказать, но слова застревали в горле. Наконец, мне удалось сказать то, что горело во мне с тех пор, как начался этот кошмар.

— Я никогда не прощу тебя.

Больше я не могу быть на неправильной стороне истории.

Я сделала это с Ники. Я бы не стала делать это снова.

Отец опустил голову. Весь гнев и ярость, которые горели внутри него, теперь ушли. Он выглядел побежденным. Сморщенным. Тень своего прежнего «я».

— Зачем ты это сделал? — спросила я. — Почему?

Как женщина, вращающаяся в корпоративных кругах, я всегда задавалась вопросом, что заставляет мужчин чувствовать себя непобедимыми. Не то чтобы более могущественные и могущественные люди, чем они, не были пойманы. Глупо было думать, что с тобой этого не случится. У правды был способ заставить тебя со спущенными штанами. В случае с моим отцом также буквально.

— Зайдешь? — Его лицо исказилось, умоляя. Я отрицательно покачала головой.

Он вздохнул, опуская голову на грудь.

— Я чувствовал себя одиноким. Очень одиноким. Я не знаю, насколько твоя мать доверилась тебе. Я заметил, что вы двое сблизились за последние несколько недель...

— Нет. Не смей пытаться манипулировать мной. Ответь на мой вопрос.

— Я не уклоняюсь от ответственности за то, что произошло в нашем браке. Мы оба делали ужасные вещи друг с другом после смерти Аарона. Но правда в том, что у меня не было жены во всех отношениях, которые имели значение. Поэтому я начал искать вещи в другом месте.

— Сначала это был просто секс. Всегда по обоюдному согласию. Всегда с женщинами, которых я знал по работе. Я был молод, хорош собой и поднимался по карьерной лестнице. Вести короткие дела было нетрудно. Но затем мои потребности расширились. Я тоже хотел эмоциональной поддержки. И как только ты ищешь эмоциональную поддержку, ожидается, что ты также ее дашь. Так случилось и с Русланой. Она хотела сказки, а я хотел иметь фальшивое ощущение, что каждый день возвращаюсь к кому-то домой. Кто-то, кто растирал бы мне ноги, согревал бы мою постель и слушал меня. У тебя был я, а у меня Руслана.

— Ты сказал ей, что оставишь маму ради нее.

Он посмотрел на меня, грустно улыбаясь.

— Я сказал ей все, что мне нужно было сказать, чтобы удержать ее. И когда я понял, что она собирается пойти к твоей матери и рассказать ей, я потерял разум. Я все еще люблю твою мать. Всегда любил.

У тебя просто странный способ показать это.

— Руслана умерла очень неожиданно.

Я должна была быть осторожна с тем, что сказать ему. Он не знал, что Кристиан был Ники и что я видела свидетельство о смерти. Как бы я ни относилась к предательству Ники, я никогда не собиралась преподносить его на блюде с голубой каемочкой Конраду. Я бы не смогла жить с собой.

— Да, неожиданно.

— Некоторые утверждают, что это выглядит как спланированный несчастный случай, — подколола я.

Глаза моего отца расширились, а его густые брови нахмурились.

— Нет, нет. Руслана сделала это с собой. У нее было много финансовых проблем. Я не имел никакого отношения к ее смерти. Я клянусь.

— Помнишь, ты сказал мне, что она случайно решила бросить курить и переехать на Аляску? Что это было? — Я не позволила этому уйти.

Мой отец ошетинился.

— Да хорошо. Это правда. Я знал, что она покончила с собой в какой-то момент, но я не хотел, чтобы ты знала. Я не хотел причинять тебе боль. Я и так переживал из-за того, что с ней случилось, не зная, что твое сердце тоже будет разбито.

— А Аманда Гиспен? Фотки члена? Все это?

Он выдохнул, закрыв глаза, словно готовясь к худшему.

— Когда-то из-за моего продолжающегося романа с Русланой у нас начались... проблемы. Проблемы, связанные с Беатрис. Я хотел поставить точку. Что она была не единственной. Что есть и другие. Она не имела права просить все то, о чем просила меня. Я начал искать других женщин. Заводить романы. Но это было не так просто. Я уже не был тем молодым человеком, каким был в детстве. Были и другие руководители хедж-фондов, более привлекательные и готовые раскошелиться, поселить своих любовниц в хороших квартирах, вручить им свои карточки Amex, когда они отправляли их на Французскую Ривьеру. Я не был одним из этих мужчин. Аманда была моей последней ошибкой. Но эти другие женщины... все они подавали мне неоднозначные сигналы, Арья, клянусь. В один день хихикали, а в другой вели себя холодно. Я не знал, что с ними делать. Я стал самоуверенным. Я думал, что если буду настойчивым, они уступят.

— Ты докучал им, — тихо сказала я, слезы текли по моим щекам. Я пообещала себе, что не буду плакать. Но у этого была анатомия прощания. Это было окончательно, болезненно, очищающе и невыносимо. Просто смотреть на него пронзало мои кости.

— Да, — сказал Конрад, очень похожий на того мужчину с бледным, потным выражением лица, которого я встретила в Клойстерс незадолго до того, как все развернулось. — Было много давления, чтобы быть рядом с тобой. Держать твою маму в узде. Мне нужна была отдушина. — Именно так он выстроил все в своем больном сознании. Что он должен был держать мою мать на поводке и быть обоими моими родителями, поэтому он имел право издеваться над другими. Он продолжал: — И когда ты узнала... ну, это было слишком. Ты была единственным человеком, который всегда смотрел на меня снизу вверх, и единственной женщиной, о которой я действительно заботился. Я не хотел, чтобы ты была свидетелем всего, что я делал. Я оттолкнул тебя. Адвокат Аманды был отличным оправданием.

— Он не имеет к этому никакого отношения, — горячо сказала я. Я задавалась вопросом, будет ли время, когда я не буду защищать Ники так, как будто от этого зависит моя собственная жизнь.

Мой отец улыбнулся.

— Милая, я знаю.

— Знаешь что? — Мой пульс участился, сердце подскочило к горлу.

— Кто такой Кристиан.

— Я не знаю, о чем ты говоришь. — Я выпрямила позвоночник.

— Мой частный частный детектив, Дейв, вышел на него вскоре после начала суда. Что-то в нем было. Голод, который я узнал. Эти чертовы голубые глаза.

— Это не имеет смысла, — сказала я. — Ты все время спрашивал, что заставило его вести себя так, а не иначе.

Конрад пожал плечами.

— Я остановился, как только Дейв вернулся с информацией.

— Но... но... если бы ты знал, ты мог бы...

Он посмотрел вдаль, в пол.

— И что потом, Арья? Николай будет дисквалифицирован, лишен адвокатского статуса, и его история выйдет наружу. История, в которой я разрушил его жизнь, подробная и с указанием времени. Для меня это выглядело бы еще хуже. Он был просто еще одной моей жертвой. Аманда и остальные наняли бы другого адвоката, а меня все равно признали бы виновным. Все пути вели к одному и тому же месту. И надо сказать, — он сардонически усмехнулся, — я оценил его полный круг. Он молодец, этот парень. Если я пойду на дно, я хочу уйти стильно, и он это сделал. Именно поэтому я сказал Террансу и Луи не подавать апелляцию.

— Ты хотел испортить ему жизнь, — повторила я, ошеломленная. Даже в худшие времена, через год после того, что он сделал с Ники, я думала, что у моего отца проблемы с управлением гневом, а не то, что он был злым. — Почему?

— Потому что он коснулся единственной чистой вещи, которая была у меня в жизни, — просто сказал он. — Тебя.

— Никогда никому не рассказывай, — предупредила я, чувствуя, как каждый нерв в моем теле горит, когда я сделала шаг к нему. — Ты меня слышишь? Никому. Обещай мне. Обещай.

Он пристально посмотрел на меня.

— Ты никогда не переставала любить его, не так ли?

Нет. Ни на мгновение.

Я отступила назад, собираясь с силами. Но он знал. В тот момент он знал. Он прижался лбом к дверному косяку. За его спиной я увидела, что квартира обставлена лишь наполовину. Кто-то, должно быть, вывез большую часть вещей. Я ждала, что почувствую укол в сердце, но правда заключалась в том, что дом никогда не был для меня местом. Это было чувство. Чувство, которое я испытывала только с отцом до того, как это случилось, и с Ники.

— Ты когда-нибудь простишь меня? — Его глаза были закрыты, когда он говорил о дверной косяк.

— Нет, — просто сказала я. — Ты взял единственного человека, которого я любила больше всего на свете, и погубил его ради меня. Тебе нужно покинуть город. Это в лучшем.

— Да. — Он слегка кивнул мне. — На следующей неделе.

Я не спрашивала, куда. Я не хотела знать. Не доверяла себе, чтобы не связаться с ним снова.

— До встречи, папа.

— До встречи, дорогая. Береги себя и береги свою мать.

***

— Она никогда не ответит мне, не так ли? — Я разбила телефон о стол, едва сдерживая гнев. — Это абсолютно в ее духе — пропасть без вести после того, как корабль затонул. Классическая Беатрис Рот. Интересно, что она собирается делать теперь, когда у нее нет пентхауса и денег. Она слишком стара, чтобы завести сахарного папочку.

Джиллиан посмотрела на меня поверх чашки, и ее пронзительный взгляд сказал мне, что этим утром я забыла заправиться. Мне говорили, что ты перестаешь беспокоиться о том, что думают о тебе другие, когда тебе исполняется сорок лет. Может быть, я рано расцвела, потому что мне было просто все равно.

— Ты когда-нибудь думала, что на этот раз она может не захотеть, чтобы ты решила ее проблемы? — предложила Джиллиан. — Она знает, что если она ответит тебе, ты

перейдешь в режим контроля повреждений и все исправишь. Я имею в виду, ты всегда была взрослой в этих отношениях.

— У меня даже не было с ней отношений до полутора месяцев назад. — Я встала и начала складывать вещи в сумку. Было половина седьмого, и я заставила Кристиана достаточно долго ждать возле моего дома. Теперь он приходил ко мне каждый день.

— Да, это правда, но я считаю, что у тебя никогда не было отношений, потому что ты запугивала ее, а она вызывала у тебя отвращение, — объяснила Джилли, направляясь на кухню, чтобы налить себе еще чая. — Поэтому я предполагаю, что она появится снова, когда будет готова и когда у нее будет план.

— У нее никогда не будет плана. — Я перекинула сумку через плечо. — Она путешествовала по жизни, рассчитывая на то, что мой папа решит все ее проблемы.

Джиллиан улыбнулась, добавляя чайную ложку сахара в старинную чашку, которую я подарила ей на Пасху в комиссионном магазине. Аромат мяты наполнил воздух.

— Это мы еще посмотрим, не так ли?

— Ты говоришь так, будто знаешь что-то, чего не знаю я. — Я сузила глаза.

Джиллиан рассмеялась.

— Я знаю много вещей, которых не знаешь ты. Позволь мне начать с самого важного: ты беспокоишься не только о своей матери. Ты боишься Кристиана, или Ники, или как ты хочешь называть его сегодня. Ты баррикадировалась в офисе каждый день до восьми часов с тех пор, как узнала, что он ждет тебя каждую ночь.

— Это сталкерское поведение. — Я подошла к двери, чтобы заявить о себе. — Я пытаюсь воспрепятствовать этому.

— Ты так сильно влюблена в парня, что мне стыдно за твою душу. Почему ты не даешь ему шанса?

Как мы перешли от темы моей матери к этому? Я закатила глаза, достала из сумки блеск для губ и рассеянно нанесла его снова.

— Потому что я никогда больше не буду доверять этому человеку, так что в этом нет никакого смысла.

— Ты продолжаешь говорить себе это, милая. — Она подошла, чтобы похлопать меня по руке, когда возвращалась к своему столу.

Я нахмурилась.

— Что ты вообще здесь делаешь? По крайней мере, у меня была причина задержаться в последние несколько дней, а у тебя нет. — Я сделала паузу. — Или была? — Я усмехнулась.

Джиллиан вернулась на свое место, схватила заколку для волос и бросила ее в мою сторону.

— Уходи!

Я увернулась от заколки для волос, смеясь.

— Как его зовут?

— Вон!

Я выпрямилась.

— Хм. Вон. Звучит мило и эксцентрично. Его родители защитники окружающей среды? Не знаю, мне больше нравится Вудс или Лиф.

— Клянусь Богом, Арья... — Она погрозила мне пальцем. — Кстати, ты помнишь нашу завтрашнюю встречу, да? С женщиной из Майами? Девять тридцать?

— Да. — Я сделала лицо. — Я все еще не знаю, как мы можем ей помочь. Ее бизнес-

идея звучит солидно, но она еще даже не зарегистрировала компанию.

Затем я вышла за дверь, хихикая, и направлялась к очередной встрече с Ники.

***

Только его там не было.

Впервые за неделю Ники не осаждал мой офис.

Разочарование захлестнуло меня. Я ненавидела побочные эффекты того, что не видела его там. Слабые колени, то, как у меня упало сердце и поникли плечи. Я заставила себя встать повыше и направилась к метро, изображая безумную улыбку на лице. Это просто показало, что Ники не надежен. Он отказался от меня менее чем за неделю.

Но потом ты упрекнула его и попросила, чтобы он никогда больше не связывался с тобой, — рассуждал внутренний голос. На самом деле много раз. Кроме того, ты была полной стервой, когда он сказал, что уволился из-за тебя.

Логически я понимала, что не имею права злиться на него за то, что он не ждал под дверью моего кабинета три часа. Кроме того, по логике вещей, ему не пришлось увольняться с работы. Он мог бы продолжать жить своей жизнью, зная, что я не собираюсь выдавать его властям. Он решил раскаяться в своем обмане. Но, возможно, моя проблема была не в том, чтобы доверять Ники. Возможно, моя проблема заключалась в том, чтобы не доверять себе. Ведь он был вершиной всего. Желанная, окончательная, безответная любовь. Было столько лет.

Может быть, я просто не хотела отдавать остаток своего сердца человеку, который украл его почти два десятилетия назад и так и не вернул.

Всю поездку на поезде я обдумывала ситуацию с Ники. Ребенком, которым он был. Человек, которым он был сегодня. Когда я подошла к своему зданию, я увидела фигуру, слоняющуюся по лестнице. Мой пульс участился.

Он здесь.

Мои ноги двигались быстрее. Но подойдя поближе, я поняла, что это не мог быть он. Человек, ожидавший снаружи, был слишком маленьким, слишком худым. Мой шаг замедлился, пока я не остановилась полностью.

— Мама?

Фигура повернула голову и посмотрела на меня.

Она выглядела измученной, похудевшей на десять фунтов, но все еще была очень сложена. Она стряхнула с себя невидимую грязь, как будто одно ее присутствие в почтовом индексе, который не был на Парк-авеню, испачкало ее.

— Здравствуй, дорогая, — весело щебетала она, ее пластиковая улыбка оставалась непоколебимой. — Извини, я пропустила твои звонки. У меня было несколько вещей, которыми нужно было заняться. Неподходящий момент? Я могу вернуться завтра, если хочешь.

Я медленно покачала головой.

— Нет. Сейчас все в порядке. Поднимайся.

По прибытии я сбросила каблуки и бросила ключи в уродливую миску у двери, поняв, что мама впервые была в моей квартире. Я включила кофеварку и вытащила две чашки.

— Садись. Как поживаешь? — спросила я, пытаюсь сдержать гнев в своем голосе. Она сделала это снова. Пропала без вести. Через несколько недель, когда она действительно напоминала мать, хотя издалека и только если прищуриться, чтобы по-настоящему сфокусировать взгляд, она просто исчезла. Снова. Я должна была знать. Следовало

ожидать. Тогда почему было так больно?

Беатрис устроилась на краю моего зеленого бархатного дивана Anthropologie, занимая как можно меньше места.

— Ну. Все учтено, конечно.

— Кофе, будет нормально?

— О, просто прелесть, спасибо.

— Сливки? Сахар? — Спросила я. Это было дико, что я не знала такой мелочи о своей матери.

— Не знаю, — задумчиво сказала она. — Обычно я не пью кофе. Просто добавь в кофе то, что ты обычно делаешь. Я уверена, что мне это понравится.

Я высыпала ей в чашку две ложки сахара и дополнительные сливки. У меня было ощущение, что ей нужны дополнительные калории. Я отнесла оба наших кофе в гостиную и села на кресло перед ней. Она сделала осторожный глоток. Я поймала себя на том, что пристально наблюдаю за ней. Ее лицо расслабилось после первого глотка. Может, она думала, что я ее отравлю.

И если бы это было десять лет назад, возможно, я бы так и сделала.

— Это на самом деле вкусно.

— Кофе — это нектар с девяти до пяти. — Я села обратно. — Так почему ты здесь?

Мама поставила чашку на кофейный столик, полностью повернувшись ко мне.

— Есть причина, по которой я не отвечаю ни на один из твоих звонков, Арья. Я говорила об этом с твоей подругой Джиллиан, но попросила ее тебе не говорить.

Я чуть не выронила свой кофе на середине глотка. Моя мать была непохожа на то, чтобы связываться с кем-либо из моих друзей. На самом деле, я понятия не имела, что она вообще знала о существовании Джиллиан. Мама быстро облизнула губы, ее слова были размеренными и хорошо отрепетированными.

— В последнее время я много думала. Я знаю, что была не самой лучшей матерью. Или вообще какой-либо матерью. Я беру на себя всю ответственность за это. Но когда отношения с Конрадом начали разлаживаться, последнее, чего я хотела, это стать обузой для тебя, вдобавок к потере всего, что у меня было. Поэтому... ну, я нашла себе работу.

Мои глаза чуть не вылезли из орбит.

— Ты собираешься начать работать на нас?

Мать покачала головой, смеясь.

— Видишь? Именно поэтому я хотела немного времени, чтобы взять себя в руки. Нет. Я не буду занимать должность в Brand Brigade. Я нашла работу самостоятельно. Ну, более или менее. — Она сморщила нос. — Ты ищешь нового помощника по административным и маркетинговым вопросам для моего загородного клуба! Конечно, загородный клуб я больше не могу себе позволить, но предложение отличное, и медицинская страховка неплохая, по крайней мере, мне так сказали.

Странное чувство охватило меня. Как будто я была под теплой водой. Воодушевление. Гордость. И надежда. Так много надежды.

— Мама. — Я потянулась, чтобы схватить ее руку, сжав ее. — Это восхитительно. Я так рада за тебя.

Ее глаза сияли, и она кивнула, делая еще один глоток кофе.

— Да, и это еще не все. Я вчера подала на развод. Все кончено, Арья. Я уйду от твоего отца, и он переезжает в Нью-Гэмпшир, чтобы жить со своей сестрой и ее мужем.

— О, мама! — Я бросилась на нее, уткнувшись лицом в ее плечо. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что я сижу у нее на коленях. В этот момент я была на добрых пять фунтов тяжелее ее, но когда я попыталась встать, она потянула меня обратно, обхватив мое лицо обеими руками. Слезы текли по моим щекам. Я ничего не могла поделать. Они просто продолжали приходить. Но они были приятными. Очищающе.

— Мне очень жаль, Арья. Все это время я игнорировала тебя. Проглядела тебя. Оправдывалась. Что ты и он были друг у друга. Что я просто стояла на твоём пути. Теперь все это в прошлом. У меня новая квартира, новая работа, новая жизнь. Я знаю, что уже поздно, но я надеюсь, что еще не поздно стать твоей мамой.

Я резко покачала головой.

— Нет. Нет. — Я фыркнула, снова прижавшись головой к ее плечу. — Только не делай этого снова. То, что ты исчезаешь на несколько дней и недель. Даже если ты говоришь мне вещи, которые я не хочу слышать. Даже если это для того, чтобы сказать мне отступить и не лезть в твои дела. Будь для меня мамой, мама.

— Я буду, дорогая. Я буду.

ГЛАВА 30

Арья

Настоящее время.

На следующее утро я щелкнула запястьем и взглянула на часы, в миллионный раз поправляя юбку на бедрах. Было половина одиннадцатого, и я уже собиралась встать и уйти из ресторана, где должна была встретиться с потенциальным клиентом и Джиллиан.

Тот факт, что клиент не пришел, был достаточно плох. Чисто непрофессионально. Но что меня раздражало, так это то, что Джиллиан не появилась. Даже не ответила ни на один мой звонок. Только что отправила мне короткое сообщение о том, что кое-что произошло, и что она хотела бы услышать все о встрече, когда я потом приду в офис.

Мы должны забрать ее, Ари. У нее дофига денег.

Ну, тяжелые карманы или нет, эта женщина не появлялась.

Я махала официанту, чтобы тот принес мне чек, когда миссис Гуди наконец вошла в зал. Скорее ворвалась в крошечный ресторан во взрыве красок и смеха. Она разговаривала по телефону, отмахиваясь от хозяйки, когда та пыталась спросить ее, собирается ли она на вечеринку или нужен столик.

Она была, за неимением лучшего описания, человеком цвета Technicolor.

— ... надо бежать, дорогая. Мы должны полностью наверстать упущенное, пока я в городе. Полностью. Упс, вот мое утреннее свидание. — Миссис Гуди помахала мне кончиками ногтей, широко улыбаясь. — Должна бежать. Да. Завтра звучит хорошо. Я поговорю с твоим помощником. Не могу дождаться, чтобы увидеть тебя. Муа!

Она плюхнулась на сиденье передо мной, вздохнула, схватила мой стакан с водой и выпила все залпом.

— Как будто я когда-нибудь снова увижу эту двуличную суку. Ты можешь в это поверить? Я перестала пытаться понять, почему люди, которые меня ненавидят, ищут меня. Грань между любовью и ненавистью действительно тонкая, но нет необходимости пересекать ее.

Я смотрела на нее пустым взглядом.

— О! — Она рассмеялась, качая головой, махнув рукой официанту. Я была почти

уверена, что она послала совершенно случайный воздушный поцелуй. — Я опоздала, не так ли? Мои извинения. Я забыла, какое плохое движение в городе.

— Нет проблем, — вежливо сказала я, напоминая себе, что за последние несколько месяцев я провалила несколько сделок и что я должна Джиллиан этот счет.

Подошел официант с чеком, и миссис Гуди отругала его.

— Да ведь я даже не ела твоей тарелки с пирожными! Немедленно принеси. Это лучшее, что может предложить этот город. И кофе. Много кофе. Кофе по-ирландски! Сейчас где-то пять часов.

— В Санкт-Петербурге, — услужливо подсказала я, полагая, что она все равно будет делать то, что хочет, в том числе и трахаться первым делом с утра. Я щелкнула салфеткой на коленях, устраиваясь поудобнее.

Миссис Гуди склонила голову набок и улыбнулась.

— Ты умница, — заметила она.

— Я не знаю об этом, но мне нравится думать о себе как о начитанном.

— Неудивительно, что он так без ума от тебя, — пробормотала она, одергивая свое яркое пляжное платье, чтобы остыть после путешествия сюда.

Я нахмурилась.

— Простите, миссис Гуди?

— Пожалуйста, зови меня Элис. — Она рассмеялась, погладив мою руку по столу. — И это не Гуди. Это Гудински.

Фамилия звонила в колокольчик, но я не могла понять ее.

— Что вы имеете под «он без ума от тебя»? Кто?

В этот момент земля подо мной наклонилась. Я втянула воздух. Меня наполнила странная смесь ревности, ярости и благодарности. Последнее, как я подозревала, было просто потому, что я сидела перед человеком, который был близок к Ники. Элис, должно быть, увидела войну, развернувшуюся во мне, по выражению моего лица, потому что она разразилась громким, неженственным кудахтаньем, и вдруг я точно поняла, что Ники увидел в этой женщине.

— О, благослови твое маленькое сердце, Арья, не бойся. Я не кусаюсь. Кристиан сказал мне, что ты, возможно, не согласишься со мной встретиться, если узнаешь, кто я такая, поэтому нам с Джиллиан пришлось тебя немного подтолкнуть. — Она подмигнула мне, сдобрив этот жест подергиванием плеча.

— И вы все еще думали, что это хорошая идея? — Я могла бы убить Джиллиан за то, как она дважды подряд плела интриги за моей спиной на этой неделе.

Элис мило мне улыбнулась.

— Абсолютно. Я сама была довольно упрямой женщиной, когда была в твоём возрасте, но мой покойный муж утомил меня. Я так рада, что он это сделал, потому что иначе меня бы здесь не было, я обедала в модном ресторане в Нью-Йорке посреди утра.

— Мне жаль, что вы потеряли его. — Я понизила голос.

Она взъерошила свои (фантастические) волосы. Несколько лет назад я бы посмотрела на эту женщину и подумала про себя, что хотела бы, чтобы она была моей матерью. Теперь, после всего, что мы с Беатрис пережили, я хотела только кого-то вроде Элис в качестве друга.

— Знаешь, только после того, как я потеряла его, я поняла, как благодарна за все, что у меня было. Это расставило все по своим местам. Жизнь неопределенна, Арья. Любовь —

нет. Любовь — это бетон под ногами. Это якорь, когда ты находишься в эпицентре бури. Отказ от любви из-за нескольких осложнений неслыханно. Собственно, именно это я и пришла тебе сказать.

Она потянулась к моей руке, крепко сжимая ее.

— Когда я слышала о тебе с Ники, я не могла просто сидеть и позволять вам двоим снова упустить шанс на любовь. Я хочу, чтобы ты знала, что он любит тебя. Он всегда любил тебя. Он ненавидел, что любил тебя, но все равно делал это, потому что был сильнее этого. На протяжении многих лет я наблюдала, как он боролся с этим. Когда он изо всех сил пытался понять, почему он не может влюбиться ни в кого другого. Твое имя всегда всплывало. Каждый раз. Он думал, что ты нанесла ему шрам. Но правда в том, что ты никогда не покидала его мысли. Его сердце. Ты знаешь его, Арья. — Она говорила тихо, понизив голос. — Ты лучше меня знаешь, что он за человек. Конечно, он сделал несколько ошибок, самая большая из них — не сказать тебе, кто он такой. Но он также отдал бы весь мир ради второго шанса с тобой. Пожалуйста, подумай еще раз.

Я открыла рот, чтобы сказать ей, что уже думала об этом. Что я хотела Ники так же сильно, как он хотел меня. И Кристиана тоже. Мне нужен был тот, кем он был, и тот, кем он стал. Каждый день, проведенный без него, казался мне ужасной тратой времени. Но Элис опередила меня, встала и сделала шаг назад.

— Нет. — Она подняла руку, чтобы остановить меня. — Не говори мне. Скажи ему.

Внезапно он оказался там. Живой и красивый и душераздирающе не мой. Он был одет в джинсы и белую рубашку. Каждый нерв в моем теле был настороже, заставляя меня прыгнуть на него в слезах.

Подошел официант с блюдом с выпечкой. Элис прогнала его.

— Серьезно? Разве ты не видишь, что у них момент? Положи это на бар; Я позабочусь об этих щенках через секунду.

Я сделала мысленную пометку никогда, никогда больше не возвращаться в это место. На мою еду так и норовили плюнуть.

Элис подтолкнула Ники в мою сторону, прежде чем развернуться и с важным видом направилась к бару. Он занял место передо мной. Мои руки тряслись. Я не могла поверить, что когда-либо злилась на него за что-то. Этот человек, который так много пережил из-за меня. Для меня. Кто принес так много жертв в своей жизни, пока я жила в своей башне из слоновой кости, укрывшись дизайнерским всем и своей собственной привилегией.

— Теперь я понял, — сказал он мрачно и немного задумчиво. Кристиан достал что-то из кожаного портфеля, который носил с собой, и бросил его на стол между нами. Копия «Искупления». Корешок сморщился до смерти, края ободрались от использования.

— Книга, — объяснил он. — Я прочитал ее. Точнее, дважды. Вчера два раза. Когда я закончил, Джиллиан сказала мне, что ты уже ушла с работы.

— Я вижу, что Джиллиан много работает за кулисами, — пробормотала я.

— Ну, — криво усмехнулся Кристиан, — она знала, что либо она делает какую-то работу, либо ты вышвыриваешь меня на обочину.

— Тебе понравилось? — Я сглотнула. — Книга, я имею в виду.

Ты, конечно, имела в виду книгу. Что еще, по его мнению, ты имела в виду? Ноги Джиллиан?

Он серьезно покачал головой.

— Нет.

Моя душа была тяжелой, сырой и полной темных вещей.

— Мне чертовски понравилось. Я уже посмотрел этот фильм — наша сцена в библиотеке заставила Киру Найтли и Джеймса Макэвоя выглядеть любителями, кстати, — но до сих пор не читал книгу. Это заставило меня понять тебя. Книга о классе, вине и потере невинности. Все то, что мы пережили вместе. Это связало нас. Но есть одна вещь, которую я не понимаю. — Его голубейшие глаза смотрели в мои, а тонкие волосы на затылке встали дыбом. Он уперся локтями в стол, наклонившись вперед. — Как ты можешь не прощать меня, когда знаешь, что Сесилии и Робби нужно было быть вместе? Ты искажаешь свой счастливый конец, Арья. А этого у меня не будет. Это неприемлемо. Не только для меня, но и для тебя.

Слезы застилали мне глаза. Впервые в жизни я публично плакала, и мне было все равно. Я, великая Арья Рот, символ независимости и феминизма. — Ты идиот, — простонала я от боли. — Ты абсолютный, полный идиот. Я всегда любила тебя. Всегда была одержима тобой. Я уговорила тебя поцеловать меня, черт возьми. — Сейчас я смеялась и плакала одновременно, что всегда хорошо выглядит. — На каждом шагу я была инициатором наших отношений. Единственная причина, по которой я не побежала за тобой в Беларусь, когда нам было по четырнадцать, это потому, что мне было слишком стыдно. Мне казалось, что я пристаю к тебе. Мне было стыдно после того, что сделал Конрад. Но даже тогда я не могла остаться в стороне. Не до конца. Я продолжала писать, надеяться и молиться.

Между нами все еще был этот дурацкий стол. Я хотела поднять его и швырнуть через комнату, как Халк. Каждое мгновение, не проведенное в его объятиях, было потрачено впустую.

Ресторан загудел. Мы оба взглянули на Элис, которая болтала с баристой у барной стойки, облизывая ложку пирога, который она поглощала.

— Итак. Я встретила твою сахарную маму. — Я ухмыльнулась.

— Арья. — Кристиан сделал лицо, полное сожаления. — Последнее, о чем я хочу сейчас говорить, это о моей сахарной маме. Иди сюда. Я хочу показать тебе кое-что.

Он вывел меня из ресторана. Мы держались за руки. Я никогда не осознавала, насколько это правильно. Моя ладонь в его. Как идеально мы подходим друг другу. На улице было обычное движение, туристы и деловые люди. Кристиан потащил меня в переулок, в угол между двумя зданиями.

— Ну, это романтично. — Я посмотрела на промышленный мусорный бак рядом с нами. — И уединенно.

Он посмеялся.

— Мне нравится уединение. В прошлый раз, когда я пытался поцеловать тебя вне зоны комфорта, твой отец надрал мне задницу.

— Нет шансов, что это повторится. — Я улыбнулась.

Он держал мое лицо в своих руках, как будто я была драгоценна. Как будто я была его.

— Нет. — Он покачал головой, при каждом движении касаясь моего носа. — Потому что я больше никогда не позволю ничему разлучить нас. Никогда.

— Я люблю тебя, Ники.

— Я люблю тебя, Сесилия. — Он нырнул для поцелуя. Я шлепнула его по груди и почувствовала, как его смех гремит под твердыми грудными мышцами.

— Никогда не называй меня чужим именем, когда мы целуемся.

— То же самое касается и тебя. Теперь это Кристиан.

— Я думала, тебе не нравится, что я называю тебя Кристианом.

Кусочки головоломки сошлись воедино. То, как он посмотрел на меня, когда мы впервые вместе рухнули в постель. Когда я назвала его новым именем, и он съежился.

Кристиан покачал головой.

— Это было до того, как ты узнала.

— Узнала что?

— Что я переродился.

Именно тогда Кристиан Миллер снова поцеловал меня.

ЭПИЛОГ

Кристиан

6 месяцев спустя

— Не слишком убого для офиса. — Риггс тыкает себя в нижнюю губу, кивая самому себе, прогуливаясь по приемной Miller, Hatter & Co., моя новая юридическая фирма. — Не стоит тех денег, которые ты потратил на дизайнера интерьеров, но не так душераздирающе, как другие офисы, в которых я был.

— Спасибо за одобрение. Твое мнение много значит. А теперь убирайся к черту. — Я просовываю мокасины между дверями лифта, чтобы убедиться, что он не уедет без него и Арсена. Я снова проверяю свой Patek Philippe. Пять минут третьего. Она должна быть здесь (минуты на минуту).

— Куда спешить, Миллер? Мисс зажала яйца в тисках? — Арсен проводит рукой по гладкому черному мрамору стойки регистрации.

Скоро она станет миссис "Ваши яйца в тисках", если я добьюсь своего.

Через несколько недель после ухода из Cromwell & Трауриг, я столкнулся с Джейсоном Хэттером и узнал, что он тоже искал выход из собственной фирмы. Мы быстро поняли, что можем установить успешное партнерство, объединив оба наших портфолио. Вот как Miller, Hatter & была основана компания.

— Вон, — приказываю я. — Вы оба. Прежде чем я вытру пол вашими задницами.

— Подумаешь. Твой пол чище, чем послужной список Гермионы Грейнджер. Сначала. — Риггс останавливается перед кремовой стеной, проверяя каждую висящую картину в зоне ожидания по отдельности, как будто его связь с искусством включает в себя нечто большее, чем время от времени катание нескольких кураторов между его простынями. — Расскажи нам, почему ты потеешь, как шлюха в исповедалне.

— Я не потею. — Я хмурюсь.

— Вообще-то да, — говорит Арсен, прежде чем издать кашляющий звук. — Ты собираешься сделать предложение, не так ли?

Не в силах больше справляться с менталитетом своих друзей-восьмиклассников, я неторопливо иду к ним, хватаю каждого друга за ухо и тащу к лифту.

— Извращенец, — шипит Риггс, ставя каблуки своих Blundstones на пол, чтобы все усложнить. — А теперь говори грязные слова в ухо, которое ты собираешься вырвать из моей головы. Мне нравится грубость.

Арсен отбрасывает мою руку, но добровольно сдается, сославшись на то, что не хочет быть здесь, когда я буду украшать свои новые ковры спермой, как только приедет моя девушка. Я бросаю их в лифт и вычищаю ладони, когда звонок над моей головой показывает,

что они уже спускаются.

Три минуты спустя Арья выскакивает из второго лифта. На ней элегантный деловой костюм. Ее безумные волосы собраны в небрежный пучок. Она останавливается передо мной, обдумывая все происходящее, ее большие зеленые глаза нервируют.

— Привет, партнер. — Ее улыбка медленная, озорная и уникальная. Она напоминает мне двенадцатилетнюю девочку, от которой я не мог отвести взгляд.

— Мисс Рот. — Я заправляю ей за ухо летучую резинку, нежно целую ее в нос. Я отступаю. — Что ты думаешь о моей новой кровати?

— Это красиво. — Она загорается, устраивая себе мини-экскурсию. Мы уже начали работать, но на следующей неделе мы открываем офис. У нас будет два секретаря, пять помощников юристов и несколько новых юристов. Работы будет много, но оно того стоит. — Как представитель "Бригады Брэнда", мы рады, что ты решил работать с нами.

Как представитель моего сердца, я надеюсь, что ты не растопчешь его через секунду.

Арья прислоняется к стойке регистрации, растопырив на ней руки.

— Кромвель и Трауриг уже успокоились?

— Даже отдаленно нет. — Я направляюсь к ней, засовывая руки в передние карманы. — Они все еще поливают грязью мое имя по всему городу.

— Хорошо. — Арья широко улыбается. — Я люблю тебя немного грязным.

Я хихикаю, указывая на свой угловой кабинет.

— Ну давай же. Я хочу показать тебе лучшую часть офиса.

Я беру ее за руку и провожу в комнату, на оформление которой ушло больше всего времени. К чести дизайнера интерьеров, ей пришлось работать только с несколькими кадрами из фильма. Больше не надо. Я толкаю деревянную дверь, и Арья ахает.

— Это не современно. — Я опускаю голову к ее шее сзади, целую ее, пока мои руки находят ее талию. Она вздрагивает, осматривая огромную комнату, копию библиотеки из книги и фильма, который она так любит.

Полки из красного дерева. Лестница. Книги. Персидский ковер. Книги. Старинная лампа. Книги.

Книги.

Книги.

— Кристиан... Кристиан. — Так она меня сейчас называет. Принятие личности, которую я выбрал для себя. Ники не умер. Но я больше не тот беспомощный мальчик, которого она знала. Теперь я могу защитить ее. И я буду. Я намерен сделать и то, и другое. — Это... захватывает дух.

— Это твое.

Она оборачивается, с любопытством глядя на меня.

— Что ты имеешь в виду?

И в этот раз я показываю ей.

Я прижимаю ее к ближайшей книжной полке и два десятилетия спустя, в тридцать три года, делаю то, что не смог четырнадцатилетний Ники. Я целую ее долго и крепко, начиная от основания ее горла, продвигаясь вверх, переплетая свои пальцы с ее пальцами. Она корчится против меня, бормоча мое имя. Я чувствую, как она развязывает на мне одну нить за другой. Мы оба знаем, что никто не сможет зайти к нам. Никто не сможет остановить нас.

— Мы... мы...? — Арья задыхается, когда мой язык заполняет ее рот. — Мы разыгрываем...?

— Нет. — Я отстраняюсь, прижимая палец к ее губам. — Мы создаем что-то новое, дорогая. Что-то наше.

С этими словами я стягиваю с нее юбку, затем трусики, оставляя ее в блузке и на высоких каблуках. Я опускаюсь на колени и начинаю целовать внутреннюю часть ее лодыжек, затем поднимаюсь губами и зубами. Я останавливаюсь, чтобы провести языком по ее колену, чувствительному для нее месту, и провожу зубами по внутренней стороне ее бедра. Когда я добираюсь до внутренней стороны ее бедер, я целую их медленно, благоговейно, не торопясь, игнорируя главное событие. Ее пальцы сильно дергают меня за волосы. Она приходит в отчаяние. Вот как я хочу ее.

— Кристиан. — Ее мягкое хныканье теперь по-другому звучит в моих ушах. — Ники.

Я останавливаюсь, глядя вверх. Она не называла меня так в жаркую минуту. Но я понимаю, почему эта ситуация смутила ее. В прошлый раз мы были такими...

— Да? — Я выгибаю бровь, глядя на нее.

— Пожалуйста, — пищит она. — Сделай это.

— Что сделать?

Она оглядывается вокруг нас, чтобы убедиться, что мы одни. Я внутренне улыбаюсь.

— Поцелуй меня туда.

Я прижимаюсь к ней мягким, целомудренным поцелуем, ухмыляясь.

Она стонет, сильнее прижимая мою голову к своей киске.

— Ты невозможен.

Но тут мой язык проникает в нее, распахивая ее, и она сжимается вокруг него. Я крепко держу ее за талию, доставляя ей удовольствие, и она близка, так близка, что когда она разрывается, я чувствую, как каждый мускул ее тела поддается ощущениям.

Я встаю, отстегиваюсь и надавливаю на нее.

Арья крепко обнимает меня, стонет.

— Кристиан. — Она шепчет мое имя затаив дыхание, поцелуи падают на мои щеки, горло, губы. — Кристиан. Я так сильно тебя люблю.

Следующее, что я делаю очень осторожно. Я снова переплетаю ее пальцы, как в фильме. Но в отличие от фильма, я добавляю свой штрих. Помолвочное кольцо с ореолом французской закрепки и бриллиантом в два карата. Я надеваю его ей на палец, когда начинаю двигаться внутри нее, и в оцепенении от страсти Арья этого не замечает. Я занимаюсь с ней любовью, и она снова распадается. На этот раз я тоже. Я проникаю глубоко внутрь нее. Когда мы оба поднимаем головы и переводим дыхание, она наконец замечает.

Ее лицо меняется, выражение ее лица из пьяного от удовольствия превращается в настороженное.

— Ох... — Она выпрямляет пальцы, вытягивает руку и водит ладонью туда-сюда, позволяя бриллианту отражать свет, льющийся из окна от пола до потолка. — Это...?

— Да, — подтверждаю.

— Мы вместе всего полгода. — Она поворачивается ко мне, чтобы ухмыльнуться, и я должен сказать, что для женщины, которая обнажена ниже пояса, она точно знает, как быть умницей.

— Правильно, — сухо говорю я, приспособившись, — и уже почти на пять месяцев поздно. Виноват. В свою защиту скажу, что мне нужно было открыть бизнес.

Она качает головой, смеясь. Затем она бросается ко мне в объятия, осыпая мое лицо поцелуями. Я ловлю ее за талию, ухмыляясь.

— Это «да»?

— Не знаю, — бормочет она на светлую щетину у меня на подбородке. — Что сказала бы Сесилия?

— Черт, да.

***

Арья

— Я до сих пор не понимаю, к чему это, — вздыхаю я, сидя с полностью завязанными глазами на пассажирском сиденье маминого седана. Это не совсем тот Bentley, который она выставляла напоказ по Манхэттену с личным водителем до развода, но она, кажется, странным образом довольна понижением класса. Она отказалась от дорогих нарядов и дизайнерской одежды в пользу цветочных макси-платьев с открытыми плечами и модных кроссовок.

У нее даже появился новый бойфренд Макс, который не только супер-лих, но и учитель географии в средней школе, который обращается с ней как с богиней и поклялся брать ее с собой, чтобы попробовать каждое карри в Нью-Йорке. У них двадцатый карри-джойнт, последний раз, когда я проверяла.

— Никто не просил тебя понимать, дорогая. Только не подглядывать. — Мама хлопает меня по бедру, посмеиваясь, как это делают мамы.

— Мы ехали целую вечность. Мы все еще на Манхэттене? — Я пытаюсь получить приблизительную оценку того, с чем я работаю. Около тридцати минут назад она забрала меня с работы и сказала, что хочет показать мне сюрприз. Ее ничуть не смутило, когда я сказала ей, что хочу пойти с Джилли за покупками платья подружки невесты. Она затащила меня в свою машину и проигнорировала мои планы.

Беатрис цокает.

— Извини. У меня есть строгие инструкции не давать тебе никаких намеков.

— Инструкции от кого? — Требую я.

Она смеется над этим.

— Кристиан? — Я попробую. Ткань повязки чешется в носу, и я дергаю ее взад-вперед.

— Дорогая, не все должно вращаться вокруг твоего красавчика-жениха.

Я слабо отвечаю и сажусь поудобнее, сложив руки. Мама рассказывает мне о том, что подала заявление на кучу вакансий в районе Бруклина, теперь, когда она переехала к Максу. Она знает, что это глупо, но она хочет вернуться в школу и, возможно, стать учителем. Я говорю ей, что это совсем не глупо. Что улучшение нашей жизни, наших обстоятельств, расширение наших знаний никогда не должно быть источником стыда. Не успеваю я опомниться, как чувствую, что мое тело покачивается, когда она выезжает на обочину. Должно быть, мы прибыли в ее тайное место назначения.

— Держи повязку на глазах, пока я звоню. — Она использует свой новый мамин тон. Тот, который предупреждает меня не связываться с ней. Я тайно люблю этот тон. Это компенсирует все годы, что у меня не было матери. Ее голос приятный, но деловой, когда она разговаривает с человеком на другом конце провода.

— Да. — Пауза. — Она здесь. — Еще одна пауза. — Нет, ничего. Я держала ее в неведении. Буквально. Но у меня двойная парковка, так что тебе лучше выйти здесь.

Через минуту открывается пассажирская дверь, и я чувствую, как меня осторожно вытаскивают из машины. Мне не нужно спрашивать, кто это. Я знаю. Мозоли на пальцах. Шероховатость его больших ладоней. Это мой будущий муж.

— Спасибо, Беа, я позабочусь о ней, — говорит Кристиан.

— Пока, — чирикает мама, включив двигатель и уезжая.

— Лучше бы это было хорошо, мистер Миллер, — предупреждаю я, когда он ведет меня куда-то, держа меня за руки. Я ему полностью доверяю, но не люблю быть в неведении.

Кристиан усмехается, но не отвечает. Мы пробираемся в помещение от жары летнего дня через вращающуюся дверь. Лавина прохладного кондиционированного воздуха проносится по моим ногам и волосам. Это дает мне сладкое, ноющее чувство. Как я чувствовала это однажды прежде. Мои каблуки цокают по мрамору. Мое окружение пахнет новым. Цветочным. Дорогим. Мы в здании. Кристиан вызывает лифт, и я жду рядом с ним.

— Как прошел твой рабочий день? — он спрашивает. Он болтает, пока я все еще с завязанными глазами. Невероятно.

— Хорошо, — отвечаю я. — Твой?

— Хорошо.

— Скажи, сколько людей сейчас наблюдает за мной с завязанными глазами, которую ведет красивый высокий мужчина в стильном костюме?

— О... — Он считает себе под нос. — Семнадцать. И я хочу, чтобы ты знала, что я ношу не костюм, а платье-пачку.

— Лихо.

— Вроде того. Мне кажется, из-за него мои колени выглядят немного вздутыми.

Лифт звенит, и мне кажется, я узнаю этот звук, но не могу сказать, откуда он. Мы входим. Кристиан все время держит меня за руку. Я считаю этажи по тому, как лифт гудит каждый раз, когда мы проходим уровень. Останавливаемся на седьмом этаже. Кристиан уходит, провожая меня за собой, сжимая мою ладонь в своих. Затем он останавливается и опускает мою руку, чтобы ввести код безопасности, чтобы открыть дверь. Он прижимает руку к моей пояснице, и мы оба заходим внутрь. Затем он оказывается позади меня, снимая повязку с моих глаз.

— Та-дам.

Я моргаю, открывая глаза, привыкая к солнечному свету после столь долгого пребывания с завязанными глазами, и тут же втягиваю воздух. Неудивительно, что, когда я вошла, звуки и запахи показались мне знакомыми.

Я поворачиваюсь к нему лицом.

— Нет.

— Даа, — говорит он, открывая букву «А».

— Можем ли мы это себе позволить? — Я вздрагиваю.

Он наклоняется вперед, трется носом о мой.

— Абсолютно. Это не твой старый пентхаус. Этого мы не смогли бы себе позволить и через миллион лет. Но я хотел, чтобы ты жила в доме своего детства. Где-то рядом с Аароном. Где ты можешь видеть его из своего окна в любое время. Я попросил управляющего зданием позвонить мне, как только появится место. И вот... три недели назад оно появилось.

Я шагаю по пустому пространству, звук моих каблуков рикошетит о стены. Все голое и чистое и пахнет возможностью и потенциалом. Из воспоминаний, которые мы можем создать здесь. Квартира в моем доме на Парк-авеню. Где-то, что мы можем назвать своим. Я настолько переполнена эмоциями, счастьем, что мне требуется несколько мгновений, чтобы это заметить. Пластиковый пакет на кухонном столе. Единственное, что есть внутри этого

места.

— Эй. — Я подхожу к нему. — Что это такое?

— Это наши купальники, — говорит Кристиан за моей спиной, и я слышу, как он идет ко мне. — Загонять тебя в бассейн на несколько кругов?

Его подбородок касается макушки моей головы, и все в мире становится хорошо.

— Я собираюсь выиграть, — предупреждаю я его, доставая из сумки свой купальник.

Он обхватывает меня руками.

— Я бы хотел посмотреть, на это.

Конец